

обнимались, пели и танцевали. И всем было ясно, что сегодня в центре города Екатеринбурга на празднике льда, ледовых крючьев и кошек, не имеющего аналогов во всем мире, наши ледолазы покажут все, на что они способны. Уже во время регистрации было видно, что речь пойдет о дружеских соревнованиях, так тепло участники приветствовали друг друга: «Кошка к кошке, лапка к лапке, ледолазы наши хватки», «Наша Света – лучик света».

Когда все желающие зарегистрировались, началось долгожданное торжественное открытие. Слово для открытия фестиваля по праву было предоставлено главному редактору журнала «Уральский следопыт» Максиму Фирсову: «В этом году мы продолжаем традицию по проведению ледового фестиваля на главной площади Екатеринбурга, где будут выступать все спортсмены, кто умеет держать в руках ледовый инструмент. На этот раз, кроме обычной трассы по вертикальному забегу и квалификации, мы подготовили для вас небольшой сюрприз, самая интересная трасса – «Гонка преследования» – траверс по внешней стене, которая будет

«Уральский следопыт» совместно с магазином «Альпиндустрия» при поддержке администрации города Екатеринбурга в очередной раз предоставили возможность альпинистам и скалолазам показать свое мастерство на открытых соревнованиях по ледолазанию «Ледовый штурм – 2009» в самом центре Екатеринбурга, на площади 1905 года, в ледовом городке, в последний день его работы. «Уральский следопыт» – молодежно-патриотическое издание. Многие годы журнал вносит весомый вклад в формирование мировоззрения подрастающего поколения с учетом историко-культурных традиций родного края и способствует усилению роли молодежи в формировании позитивного имиджа региона. До соревнований допускались все, кто имеет свое снаряжение: страховочную систему, каску, кошки, ледовое снаряжение. Разряд для участия не имел значения, как сказал главный судья состязаний Сергей Смолкин: «Победить может каждый. Квалификация покажет, кто здесь лучший!»

проводиться с интервалом в 10 секунд, задача каждого спортсмена – догнать предыдущего, заляпанный спортсмен сходит с дистанции. Те, кто прошли дистанцию в 100 метров, выходят в следующий этап. Итак, сегодня мы открываем второй фестиваль по ледолазанию Екатеринбурга – «Ледовый штурм – 2009». Фестиваль прово-

дится совместно журналом «Уральский следопыт» и администрацией города. По результатам соревнований будут вручаться призы, предоставленные магазином «Альпиндустрия» и администрацией города Екатеринбурга».

Фото: Д. Хлопунов

Фото: Д. Хлопунов

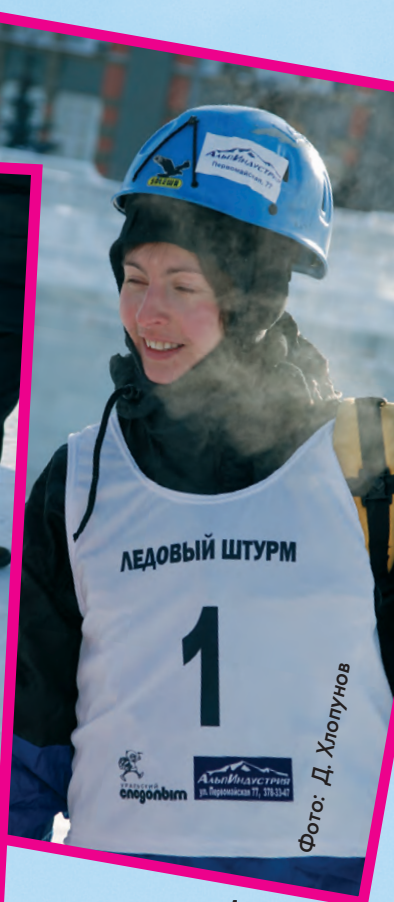

Фото: Д. Хлопунов

Фото: В. Осипов

И вот он – апофеоз праздника, «Гонка преследования»: 35 спортсменов, которые только что аккуратно, по паучьи, ползли по отборочной трассе, практически одновременно оказались летящими вдоль одной стены, искусно разрисованной граффити.

предлагали судье сделать конкурс зрительских симпатий

он один сейчас цепляется за лед, а мы все с крючками и на кошках покроем трассу. Повсюду слышались полезные советы спортсменов: «Не виси на руках – руки устанут, ножками, ножками работай! Не торопись – отдохни!», подсказки, куда лучше вставить крюк и какой шаг сделать следующим. И каждый раз перед финишем, мы все замирали в ожидании... еще, еще: «Ура-а-а!» И все бежали обнимать финишировавшего. А как ребята боролись друг за друга, даже

для тех, кто дошел почти до конца. Игнорируя конкурс кричалок (пожалуй, серьезно к нему отнесся его единственный участник и победитель Юрий), ребята поддерживали друг друга не за призы: «Маша, не торопись, думай. Маша, не думай, просто работай. Маша – гордость наша» или весело шутили: «Слева крюк, справа крюк, оборвался лучший друг!». Так как призы – сертификаты на 1000 рублей, предоставленные магазином альпинистского снаряжения, на конкурсе кричалок не закончились, был объявлена викторина,

После речи главного редактора приветственное слово и напутствие участникам сказал главный судья соревнований Сергей Смолкин, не забывая поднимать настроение ребятам: «По итогам квалификации будет отобрано 8 мужчин, с девушками более интересный вопрос, посмотрим, сколько их будет...» На что участники весело отвечали: «Я предлагаю всех девушек!»

Первым непростым этапом на пути к победе для участников стала квалификационная, отборочная трасса, траверс по стене вокруг центральной елки. Участники проходили препятствие в порядке номеров, полученных при регистрации. Приятно удивляло, как быстро соперники превращались в ярких болельщиков. Все дружно перемещались вслед за спортсменом, чувствуя каждое его движение, казалось, будто не

Фото: В. Осипов

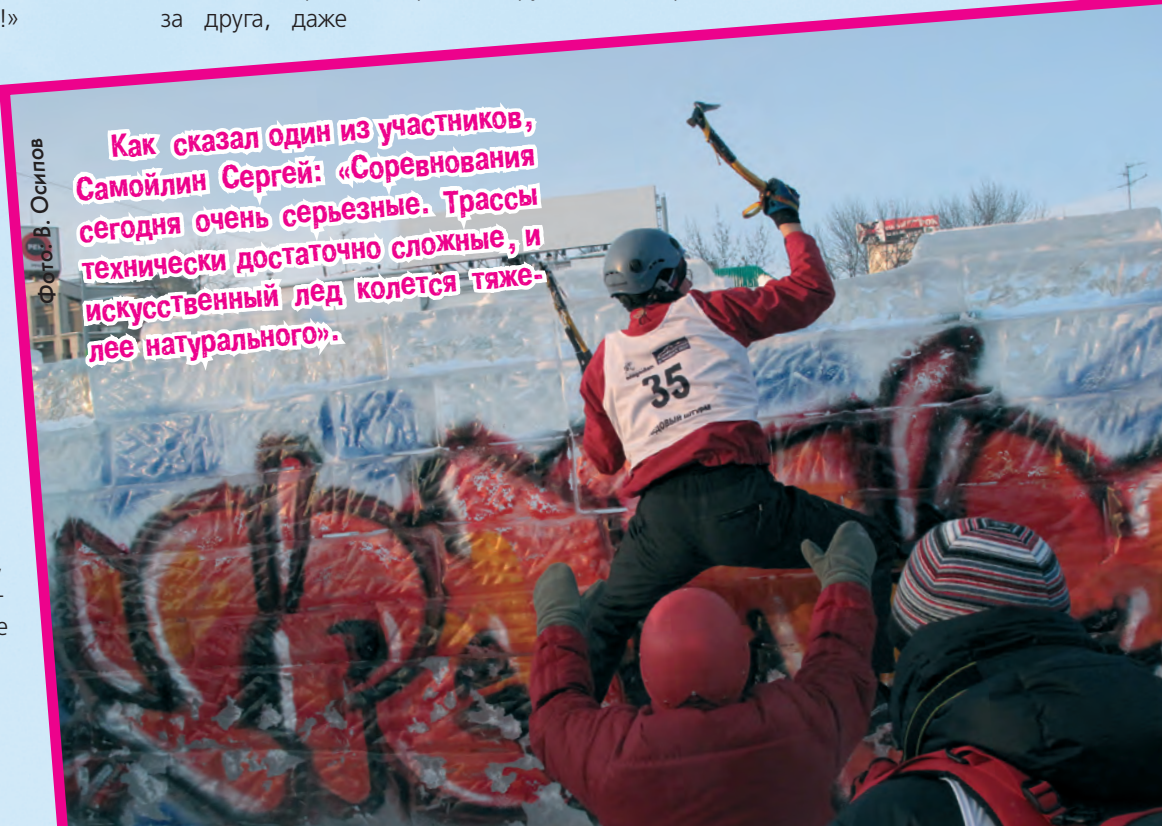

Фото: В. Осипов

Как сказал один из участников, Самойлин Сергей: «Соревнования сегодня очень серьезные. Трассы технически достаточно сложные, и искусственный лед колется тяжелее натурального».

Фото: В. Осипов

Несмотря на мороз, за ходом мероприятия следили и активно болели за участниками главный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим Фирсов, заместитель главы города Екатеринбурга по вопросам социальной политики Михаил Никитович Матвеев, начальник управления по физической культуре, спорту и туризму г. Екатеринбурга Людмила Николаевна Фитина, заместитель начальника управления по культуре города Екатеринбурга Ольга Андреевна Гопанец и заслуженный мастер спорта Валерий Николаевич Першин.

вопросы которой участники хором щелкали, как семечки. Но трасса «Гонка преследования» уже ожидала своих покорителей. В «Гонке» могли принять участие все зарегистрировавшиеся,

независимо от результатов квалификации.

И вот он – апофеоз праздника, «Гонка преследования»: 35 спортсменов, которые только что аккуратно, по паучьи, ползли по отборочной трассе, практически одновременно оказа-

Фото: Д. Хлопунов

лись летящими вдоль одной стены, искусно разрисованной граффити. Благодаря организаторам зрелище получилось незабываемое: персонажи сменялись один за другим, разноцветное граффити придавало действию фееричность и динамичность, азарт и скорость переполняли болельщиков, подгонявших спортсменов. В итоге определился самый быстрый и цепкий гонщик – Максим Михайлов (мастер спорта по скалолазанию), но в тот момент даже он не предполагал, кто же окажется лидером на финальной трассе.

Благодаря тому, что организаторы предоставили снаряжение, в роли ледолаза мог попробовать себя любой. Открытая с двенадцати часов для всех желающих трасса не пустовала ни минуты на протяжении всего времени, дети и взрослые

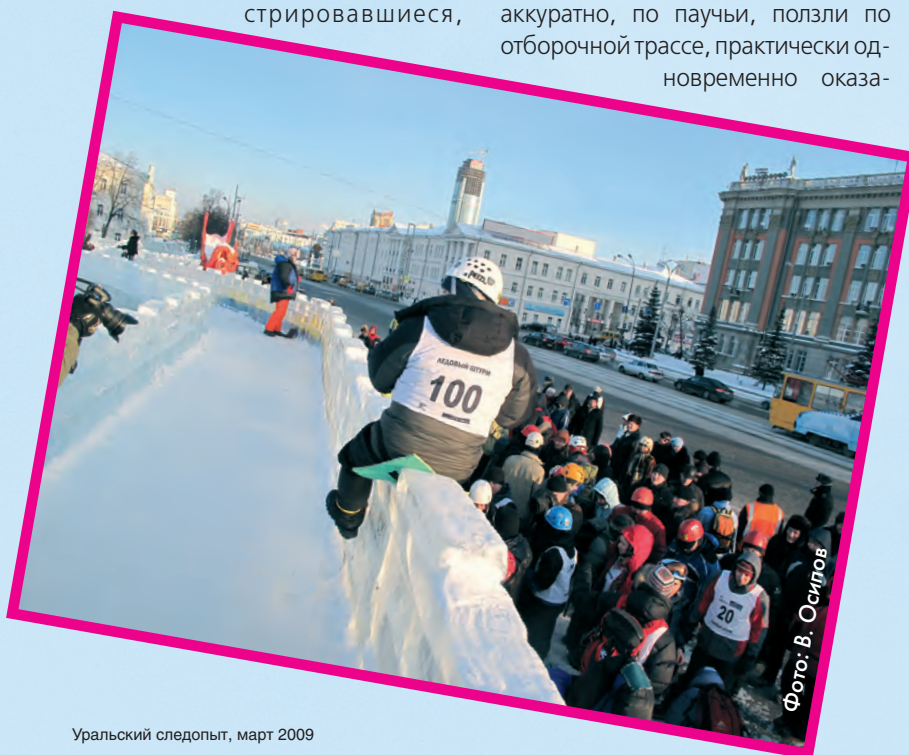

Фото: В. Осипов

Фото: Д. Хлопунов

Победителями турнира среди мужчин стали: I место – Максим Михайлов (мастер спорта по скалолазанию), II место – Роман Никитин, III место – Артём Маринчук (2 разряд по альпинизму и скалолазанию). Победителями турнира среди женщин стали: Мария Красавина (кандидат в мастера спорта по скалолазанию), II место – Светлана Останина (кандидат в мастера спорта по альпинизму и скалолазанию), III место – Анна Балакина (1 разряд по альпинизму).

Фото: Д. Хлопунов

с горящими глазами при помощи инструкторов покоряли вершину вертикальной трассы.

Как сказал один из участников, Самойлин Сергей: «Соревнования сегодня очень серьезные. Трассы технически достаточно сложные, и искусственный лед колется тяжелее натурального».

Когда пришло время финальной трассы, все переместились к 12-метровым ледяным воротам, по которым отточенными до профессионализма движениями начали последнюю схватку 12 спортсменов: 8 мужчин и 4 женщины. Ребята не давали себе расслабиться ни на мгновение, ведь даже на последней дистанции не чувствовалось усталости спортсменов, а их задор, воля к победе и радость оттого, что они сегодня здесь собрались все вместе и дружно покоряют в самом центре города ледовый городок, незамедлительно передавались всем присутствующим. Напряжение было нешуточным, результаты различались

в доли секунды, практически без срывов, все финалисты моментально оказывались на финише и ударяли ключками в красный квадрат. Только после этого удара можно было увидеть, как наши ледолазы устали. Переставая быть соперниками, они, счастливые, снимали страховку и возвращались в свою семью ледолазов.

Победитель Михайлов Максим рассказал, что в отличие от других участников – альпинистов и скалолазов – он специализируется на ледолазании и как раз только что вернулся с соревнований из Швейцарии.

Призы победителям и призерам соревнований вручали начальник класса Людмила Николаевна Фитина и главный редактор журнала «Уральский следопыт» Максим Фирсов. Людмила Николаевна поблагодарила участников, сказав, что «город Екатеринбург – это,

конечно, спортивный город, но то, что вы делаете второй год подряд, город Екатеринбург только украшает. Я вас всех благодарю за участие в этих соревнованиях и надеюсь, что с каждым годом они будут все более яркими».

Спасибо большое администрации города Екатеринбурга, без поддержки которой мы не смогли бы провести такой замечательный спортивный праздник, инициатором которого стал журнал «Уральский следопыт». «Ледовый штурм – 2009» доставил огромное удовольствие не только тем, кто в этот день покорял ледяные вершины, но и восхищенным зрителям.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

uralstalker.ru

март

2009

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Проекты «Уральского следопыта»

Е. ПАХОМОВА Ледовый шторм 2009 ..... 2 пол. обложки

Проекты «Уральского следопыта»

А. МАРИНЧУК Взгляд изнутри... 6

Человек в экстремале

У. МАРКОСЯН Как манси армянина обманул 8

Путешествия по Южному Уралу

Е. ШИПУЛИНА Нугуш 12

АЭЛИТА

Законы Вселенной

Т. КИГИМ Казино «Скид-Неппа»..... 21

Координаты чудес

А. ВАРСКИЙ Последний рейс в осень 32

Повод для улыбки

А. ХУСНУЛЛИН Время подключения 36

Добрые попутчики «Уральского следопыта»

Выход на орбиту 40

СВЕЧА ГОРЕЛА

Время мастера

Н. ГОДИНА Стихи 43

Новые встречи

В. САНДАЛОВ Стихи 45

Новые встречи

О. БЕЛЫХ Стихи 47

Новые встречи

В. ВДОВИН Повесть о погибших и выживших 49

РЕКА ВРЕМЕНИ

Тропой поиска

Ю. ГОРБУНОВ Писательницы России 31

Краеведческая копилка

В. ТРУСОВ Царский мост 59

Далекое – близкое

Ф. СОЛОМОНОВИЧ Ивдельлаг 62

Краеведческая копилка

В. МОИСЕЕВ Шахматный меценат Елим Демидов 68

А. КОЗЫРЕВ Юнга с Соловецких островов 70

Человек и природа

А. ЧУБУКОВ Кто живет на речке Сале 72

Легенды и были

А. КОРЕЛИН Вечера в Госьково 74

Камни Урала

В. АВДОНИН Прекрасное даровано земле 78

Человек и природа

М. ФОНОТОВ, И жить торопится... ..... 3 пол. обложки

В. САДЫРИН

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов,

Б.А. Долинго, С.А.Надь, Е. Пахомова

Худ. редактор, верстка – А.А. Жильцова.

Художники – А. Митрофанова,

Я. Ахметшина.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Т. В. Сергеевко.

Фото 1 полосы обложки – М.Ю. Фирсов

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – ООО «Трудовой коллектив

редакции журнала «Уральский следопыт».

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,

Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,

Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,

Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

• Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»;

• Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников

России;

• Семен Спектор, заслуженный врач России.

• Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalkersu

Журнал зарегистрирован Управлением Федеральной

службы по надзору за соблюдением законодательства в

сфере массовых коммуникаций и охране культурного на-

следия по УрФО

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС11-1375, выдано

07.09.2007 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.ru» вы можете через:

– Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

– Розничная продажа в магазинах «ЖИВОЕ СЛОВО»

• ул. Гагарина, 1-В, тел. 374-76-37

• ул. Пехотинцев, 6, тел. 324-24-40

• ул. Волгоградская, 190, тел. 234-47-73

• ул. Родонитовая, 9, тел. 381-35-43

• ул. Блюхера, 12, тел. 374-53-81

• ул. Победы, 38, тел. 330-16-82

• пр. Космонавтов, 72, тел. 216-38-21

• ул. Крауля, 44, тел. 278-40-46

• ул. Кр. командиров, 23, тел. 367-71-23

«Уральский следопыт. uralstalker.ru», №3 подписан к печати 27.02.2009 года. Печать офсетная. Тираж 4500. Отпечатано в ГУП СО типография «Монетный щербеновский завод», 623700, г. Березовский, ул. Красных героев, д. 10. Заказ №

Артем МАРИНЧУК,
фото Дмитрий ХЛОПОНИН, Максим ФИРСОВ

Взгляд изнутри...

Лед – дело серьезное. Далекие, сверкающие в лучах солнца ледяные склоны больших гор неприступными для многих башнями завораживают первозданной чистотой. Чтобы покорить такие громадины требуется огромный опыт, физическая сила, выносливость, вера в свои силы и надежная рука напарника по связке.

Но оказывается и в условиях полутора-миллионного мегаполиса можно найти свои вершины. И за это спасибо организаторам «Ледового штурма», который вот уже второй год проходит на площади 1905 года.

Отборочный этап, заключавшийся в прохождении траверса по ледяному ограждению новогодней елки, оказался отнюдь не простым – приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы пройти в следующий круг соревнований. Зато какое удовлетворение испытываешь, касаясь финишной черты!

Ледяные стенки, радовавшие горожан в течение новогодних праздников, послужили отличным местом встречи как бывалых альпинистов, так и тех, кто первый раз решил попробовать свои силы в нелегком деле покорения льда.

Погода была явно настроена в пользу участников соревнований. В

25-градусный мороз побыстрее начать прохождение трассы можно было считать великой радостью. К слову сказать, отборочный этап, заключавшийся в прохождении траверса по ледяному ограждению новогодней елки, оказался отнюдь не простым – приходилось прикладывать немалые усилия, чтобы пройти в следующий круг соревнований. Зато какое удовлетворение испытываешь, касаясь финишной черты! И уже не чувствуется холод февральского воскресного дня, присоединяешься в воодушевлении к болельщикам и желаешь удачи друзьям, у которых отборочный этап впереди.

Кроме основных соревнований, организаторы обещали на этот раз нечто новое. «Гонка преследования» по «Великой китайской стене».

Не знаю, насколько точно воспроизведены названия, но суть была в том, чтобы как можно быстрее пройти траверсом вдоль внешней стены городка, которая олицетворяла собой ту самую китайскую стену. Спортсмены выпускались на старт с промежутком в 10 секунд, за которые надо было не только догнать впереди идущего, но и не попасться тому, кто шел позади. Тот, кого догоняли, сходил с дистанции.

В старте гонки преследования могли принимать участие все желающие, а посему было время проверить состояние льда, попробовать свои силы. И прямо скажу, силы пробовались с трудом. Не то, что быстро передвигаться, просто

Фото: Д. Хлопунов

Фото: Д. Хлопунов

Проекты «Уральского следопыта»

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

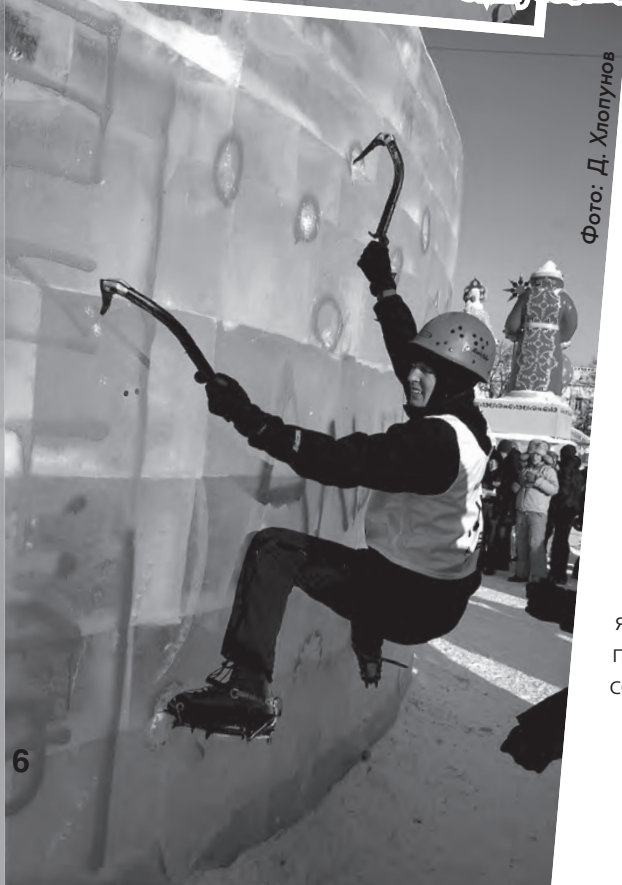

Фото: Д. Хлопунов

траверсировать получалось не более пары метров. Лед был очень твердый, а рука с ледовым инструментом так и тянулась к верхнему горизонтальному участку стены (благо она, в отличие от своей прародительницы была невысокая – всего пара метров), который, по замыслу организаторов нельзя было использовать. Но все же к началу гонки было принято решение разрешить использование верхней кромки стены, к большому облегчению участников.

Ух, не легкое это дело! Какая суматоха начинается на стене, когда догоняешь впереди идущего! Ведь для того, чтобы он сошел с дистанции, необходимо освободить руку от инструмента, хорошенько вбить его (инструмент!) в лед, дабы потом можно было снова им воспользоваться, и уже свободной рукой дотронуться до соперника. А он, между прочим, все это время не замирает в благоговейном ужасе, а пытается убежать как можно быстрее. Вот так и получаются чудеса ловкости. Но даже вырвавшись вперед, когда нужно просто быстро дойти до финиша, ситуация легче не становится. Потраченные силы на устранение соперников дают о себе знать на второй половине дистанции. Вот уж где нужна выносливость! И техника, потому как на одних руках пройти «китайскую стену» было чрезвычайно трудно – она была довольно протяженной. Зато сколько счастья в том моменте, когда, коснувшись финишной черты, падаешь на снег и осознаешь, что сделал это! А уж когда организаторы заявили о повторении попытки, радости забитых рук не было предела. И со второй попытки, где принимали участие 5 человек, прошедших стену полностью первый раз, определился победитель траверса.

Впереди было время финалов. Наконец-то можно будет ползти вверх! Пусть стенка не очень высокая, но зато вертикальная. И страховка верхняя – можно смело бежать изо всех сил. Правда «всех сил» оставалось не так уж много. Все же финалы получились краси-

выми и быстрыми. К сумеркам определились победители – завершающий ледовый штурм участник лез дистанцию уже при свете фонарей.

В завершении хочется сказать, что мероприятие удалось. Море хорошего настроения, эмоций, отличный воскресный день на свежем воздухе. Вот только бы поскорее в настоящие горы.

Впереди было время финалов. Наконец-то можно будет ползти вверх! Пусть стенка не очень высокая, но зато вертикальная. И страховка верхняя – можно смело бежать изо всех сил.

Усик **МАРКОСЯН**,
рис. А. Туманова

Как манси армянина обманул

После удачного завершения экспедиции под названием Экстремально-приключенческая экспедиция УРАЛ ПРИПОЛЯРНЫЙ, целью которой было впервые на машинах при отсутствии дорог добраться до горы Народа, самой высокой точки Урала, на пресс-конференции в Ханты-Мансийске журналист задаёт мне вопрос.

– У вас есть еще идеи, планы на будущее?

– Есть, но делиться не буду, идеи нынче – самый востребованный продукт, умыкнут еще, – ответил, а сам думаю: «Попался! Зачем сказал? Придется какой-нибудь проект выдвинуть, а то подумают, что я пустозвон. На машинах по горам ездили, может, на снегоходах попробо-

Усик Амаякович Маркосян. 48 лет. Предприниматель из поселка Саранпауль, ХМАО. Руководитель экспедиции по Приполярному Уралу.

вать? Можно, конечно, только у меня все равно снегохода нету и ездить я на нем не умею. Значит, надо научиться».

Срочно купленный снегоход успеваю на последней барже перевезти в Саранпауль. Осталось дожидаться первого снега.

– Толик, иди сюда, давай поехали за оленями. Я хот мой снегоход обкатку сделаю, сам научусь кататься на него, ну и мяса бы не помешало. Толик – мой сосед. Я его зову представителем малочисленных народов севера.

Правда, это еще вопрос – кто из нас малочисленней. Во времена расцвета моего бизнеса к нам в поселок часто приезжал председатель Думы Ханты-Мансийского автономного округа, а вместе с ним

глава района и еще разные большие начальники. Бывало, у меня дома ночевали, обедали. Я для них как спасательный круг был в нашем поселке. А бывало, и по пятьдесят грамм им наливал в салоне с затемненными окнами моего Нисан Патруля тайком от остальных членов рабочих комиссии, которые приехали в очередной раз принимать завод по производству малька тайменя и хариуса. И как дети радовались за то, что очередной раз по стакану пропустили втихаря. В последний раз говорит перед вылетом:

– Ты нам много помогаешь, может, тебе чем помочь?

Я долго не думая, говорю:

– Василий Семенович, я на бескрайней территории Саранпауля один-единственный армянин, а ты Думой командуешь, законы издаешь. Вот и придумай закон, чтобы армян записать в малочисленные народы севера.

Он, видимо, мою шутку не понял, задумался всерьез. Вообще-то, чиновники такого уровня если сами любят шутить, то чужие шутки, видно, не понимают и не воспринимают, да еще и слышат их плохо.. А друг мой как поет, а как играет! Глухарь, одним словом. Я ему: «Меня Усик звать», а он опять мне: «Тусик». Последние годы не приезжает, видимо, с законам для меня проблема. А вдруг прилетит?

Толик своим хитрым мансийским взглядом посмотрел по сторонам, долго прокручивая в голове плюсы и минусы.

– Поехали, у меня избушка там.

На следующий день, вечером (чтобы в поселке не видели и не знали), втихаря погрузили снегоходы в кузов КамАЗа и двинулись шестьдесят км в сторону гор. Разгрузили. Первые метры моей поездки на снегоходе. Сразу падаю. Хорошо, не самолет! Ничего, быстро научусь. Первый километр на ровном участке, который невозможно пройти пешком, проезжаем за пять минут. А дальше – разбитая, размытая колея, густой лес вокруг, снегу больше метра, а проехать надо в целом 20 километров. Когда впереди Толик – ехать легко. Вдруг он останавливается и грустно матерится.

– «Буран» греется, плохо тянет, мощности не хватает, давай ты вперед езжай, у тебя иномарка.

– Ну давай! – даже обрадовался я. Оказалось – зря. Моя иномарка, идущая впереди, застряла по уши. За три часа проехали, точнее, проползли, полкилометра. Небо сегодня нежадное. Сыплет снег сплошняком. На 25-градусном морозе от меня парило больше, чем от выхлопа моего снегохода. Не умереть бы от этого кошмара, ну, сколько можно мучиться? Руки не слушаются, ноги не идут, спина свою функцию не выполняет, голова не думает. Перчатки, верхняя одежда – в снегу и мокрые. Скоро пот и наружная сырость пересекутся.

– Толик, давай одни сани оставим. Мне интересно, что ты там вообще загрузил, на всю жизнь, что ли, собрался?

– Да стройматериалы, в избушке евро сделаю, – смеется.

Перегрузили все в одни сани, он сзади тащится, я вроде бы впереди дорогу проминаю. Толик молодец, с таким в лес не страшно ехать. Все знает. Пашет больше, чем я, а не потеет. Хорошо, что со мной он, а не такой же охотник, как я. Мы бы давно сдохли.

– Амаякович, ты не газуй, накатом иди. Чувствуешь, что падаешь – руль поворачивай в сторону падения, переходи с одной стороны на другую, создавай противовес. Дай, дай, дай-ка сюда, сам выйду.

Наконец, в 4 часа ночи, приехали. Где-то рядом с дорогой спрятана его избушка. Тепло и уют уже рядом. Все-таки дожил я до светлого будущего. Толик стоит, как будто отдыхает, но видно же – думает о чем-то. Это потом я сообразил, что он математикой занимался. Плюсы и минусы подсчитывал. Через две минуты, проезжая за ним, я глушу свою технику возле еле видимых из-под снега Толиных апартаментов, размером 2,5 на 3 метра. Сразу понятно, что джакузи в апартаментах нет. Глухой лес, темно и тихо. Тело просится в горизонтальное положение. Ноги налиты тяжестью. Встать со снегохода нет сил. С помощью рук устраиваю ноги на руле снегохода. Голову устраиваю на спинке заднего сиденья. Снежок стал уже мелкий и редкий. Не долетая до лица, тает от поднимающегося от меня пара и капает на лицо в виде мелкого дождика. Из-под тонкого слоя облаков уже видны звезды. Где-то чувствуется присутствие луны. Горожанам такого картину никогда не увидеть. Звезды тихо подсказывают мне:

– Усик, сороковка гарантирована. Сейчас пока Толик печку истопит, чаю поставит, а ты – спи, мой малыш, устал за целый день.

– Амаякович, Амаякович, проснись! Не знаю, что делать.

С трудом возвращаюсь из царства Морфея.

– Амаякович, еле дверь открыл, не закрывается, потолок рухнул, внутрь не зайти, что делать – не знаю.

Вот тебе на! С добрым утром, называется. Приехали. Осторожно передвигая ноги, чтобы не сломать капитально замерзшую верхнюю одежду, подхожу к дверям избушки для получения сеанса шокотерапии. Один взгляд – и чувствую, что стою не на ногах, а на замороженных штанах. Реальность ужасна, хоть назад в сон возвращайся. Потолок весь переломан, концы досок торчат во все стороны, упираются в нары, в стол между нарами, а несколько досок выгнулись дугой, вот-вот потрескаются. Сверху доски покрыты дранкой, и полог держит на себе сотни килограммов льда и снега. И весь потолок устилает сказочной красоты куржак. Но лучше эту красоту моим конкурентам по торговле видеть.

– Толь, сколько времени? Наверно, лучше домой поехать, – еле шепчу, а сам думаю: «И оленя мне не видать, и домой не доехать».

– Двадцать минут пятого, – грустно отвечает и молча поднимается наверх избушки. Пять минут – и

мы вдвоем сбрасываем снег и лед с потолка. Толик быстро находит под снегом заготовленные в прошлом году дрова и топит печку. Я топором быстро сделал евроремонт двери. Толик выборочно убрал несколько досок, а остальные не стал.

– Не дай Бог, рухнут, пусть упираются, завтра отремонтируем. Как-нибудь к нам пролезем.

– Толик, давай прорежем полог в середине, там наверху много льда и снега, сейчас оттает и вниз потечет.

– Правильно говоришь, – отвечает и бьет топором по замороженному пологу.

– Толик, может, убрать с нар олени шкуры – сейчас с потолка вода побежит.

– Я уже пробовал, они замерзли и к нам приросли. Оттают – отдеру.

От первой волны тепла меня разморило, я быстро устроился рядом с печкой на охапке дров.

– Хорош, Толик, я в гостях. Я устал. Ты, хозяин, готовь чай, ужин и постель для своих редких гостей. А я пока как-нибудь упрусь ногами, чтобы на печку не упасть, покемарю чуток.

Просыпаюсь от проливного дождя. Весь мокрый, как ондатра, выходящая на берег из воды. Ондатра, когда из воды выходит, смотрит – нет ли какой опасности, и трясет своим тельцем, потом весело хвостом играет. Да... Лучше быть ондатрой. Шапка уже килограммов пять весит, о куртке и штанах уж не говорю. Жаль, что дожdevик с собой не взял. Хозяин старательно, топором и лопатой, сдирает шкурки с нар

– Толь, сколько времени?

– Без пяти пять.

Дождь идет, но уже медленней. Смотрю на избушкино небо и понимаю, что моросить будет еще долго. Сразу вспоминается пословица: «Поздний гость до утра». В туалет хочется, но на улицу выходить страшно. Вмиг как станешь ледяным монументом.

– Толик, давай ложиться, сил уж нет. Ну и черт с ним, что нары мокрые, мы сами, что ли, сухие?

– Амаякович, чего с собой водочку не взял? Попил бы, и легче стало.

– Я знаю, что ты у кузнеца был, он тебя закодировал, а вдруг сам со мной пить начнешь? Не стал я рисковать, а в следующий раз и сигареты не возьму, может, курить брошу.

– Вот это тебе надо. А по сто грамм сегодня не помешало бы.

– Ты давай, быстро стели, я тебе сто грамм налью. Вообще-то, гостям хозяева наливают.

– Да у тебя в магазине сто сортов водки – попробуй, угадай, что ты пьешь. Я и так знаю, что ты с собой возьмешь и мне нальешь, – хихикает.

Стелим под спальник полог от саней, пакеты от продуктов, чехлы от ружей. Я, как будущий скалолаз, пробираюсь между досок, чтобы случайно их не растолкать. Потолок рухнет – позорной смерти не избежать.

– Толик, давай закусу.

– Амаякович, чай не будем? – спрашивает меня и достает котлеты. – Я и без чая обойдусь, а то припрет

ночью, и попробуй выйти между этого серпантина на улицу.

– Мне сто, а тебе, Толик, и десяти граммов хватит. И вообще, тебе лучше только нюхать, а то в следующий раз в твою избушку без тебя приеду.

– Да, правильно, вообще не буду. Я себя знаю – ты спать будешь, а я один до утра твой литр уговорю.

– Ну ладно, давай спать, если это называется сон.

– Амаякович, вставай, десять уже, олени нас ждут, – слышу живой голос Толика. Значит, потолок еще не рухнул. Спальник весь мокрый. Пару часов возле печки – и вроде бы мы сухие. Три раза по пятьдесят за удачу в одиночку, и мы собираемся вперед на охоту на оленей.

– Амаякович, налей бензин, мой бачок на санях остался.

– Бери тридцатку, раз свой на пианино оставил.

Впереди еще десять км глубокими колеями летняя тракторная дорога засыпана свежими снегами, которого становится больше и больше. А Толин «Буран» так же барахлит. Я впереди, где мне совсем хана, а он чуток промнет и опять вперед меня пропускает воевать. Набираю скорость, чтобы проскочить по снежным сугробам, и зарываюсь по уши. Толик веревкой и лопатой вытаскивает меня и опять вперед. Короче говоря, я пехота. Снегоход мой «Артикет» меня скромно снизу спрашивает:

– Хозяин, если это называется обкатка, а что дальше будет?

– Терпи, милый, терпи, я в тебя всегда фирменного масла налью.

Наконец появились следы оленя. Значит, впереди Олений ручей. В этих местах олени каждую позднюю осень собираются, рога ломать, свататься, свадьбы играть. И пусть играют.

– Толик, поехали назад, мне уже оленя не надо, и шкуры тоже, все тебя оставляю.

– Ну, поехали, – радуется он. Видно, ждал этого.

Уже по обкатанной дороге мы быстро вышли на гравийную. Ну, как не выпить за свободу!

– Амаякович, я тут километров через пять, у Ивана Николаевича в избушке, останусь ночевать.

– Толик, а с кем я водку буду пить?

– Амаякович, хватит тебе. Смотрю, скоро литр уговоришь.

– Ну, ладно, давай, поехал я тогда. Ты за меня не переживай, час езды – и я уже дома. Успею еще с женой погулять. Правда, о последнем уже размечтался. Изнутри воняет – ладно, явление привычное. А вот от одежды и тела воняет дымком и сыростью, неделю не отмыться. На бутылку – оставишь в избушке, кому-то самое то. Может, Иван Николаевич там. Сам не пей, ты свое отпил. А то быстро новый дом и «Буран» пропьешь. Пока.

– Амаякович, спасибо! – кричит, провожая.

Ну вот и все, надо торопиться, пораньше приехать, чтобы семью не разбудить. На спидометре

семьдесят. Руль держу уверенно. Водочка не помогла, скорее, наоборот. Холод и скорость такие, что через пять минут майка и трусы колом стоят. Ничего, потерпим, дом рядом, и не такое видали. «Называется это, классно отдохнул. Хватит на год. И зачем мне олень взялся. Все ровно жена у меня категорично, в доме, не варить глухарь и оленине мясо, терпеть не может запах. Мне только олень не хватало. Нет, мне прыщик в одно места не хватало. Вот и еду и это место не чувствую. Такое ощущение, как будто это место у меня нету. А какие запахи сконцентрировано в меня и одежде. Представляю так зайти в дом, постоять в тепле десять минут, пока оттаю. Запаха выхлопа Арти Кета и разлитие на себя бензина, дыма буржуйки избушки, сиростью избушки и нар, вон разлагавшегося оленине шкура и разное трапе в избушке, плюс запаха пота и вдобавок выхлопа с себя, смешанная алкоголя, чеснока и аджика с хренам иначе не назвать как натюрморт вонизма. Бедная жена, не дай бог унюхает, полгода фригидность к мне обеспечена. Нет лучше я за калиткой разденусь до трусов».

И за что мне Толик спасибо говорил, за компанию, что ли? Не успел подумать я, как Толик обгоняет меня, мигая, прощается со мной, сворачивает налево, к избушке.

Ничего себе, «Буран» барахлит! Гад он, соврал мне, оказывается. Да он меня совсем обдурил. Не зря он постоянно что-то задумчиво в уме считал. Он же свои плюсы считал. А плюсов у него много. Я ему дорогу проминал, стройматериалы привез, на халаву заправил, оленей не видел – значит, больше туда не поеду... А минусы... А минусов у него нет. Ну, Толик,

ну, хитрый манси, ничего не скажешь. Завтра с утра доедет до Оленьего ручья, возьмет себя оленя сколько надо, главное, дорога готова, вернется к избушке, отремонтирует, всем я помог, и даже куска мяса потом мне не даст. Он не жадный, он хитрый, он иначе не может. Ну вот, и кто у нас на Севере малочисленный? И когда приедет ко мне мой друг Василий Семенович с законом в кармане? Наверное, поездку за оленями я назову «Как манси обхитрил армянина». Ну ладно, Толик, ты еще ко мне приедешь, когда зимник откроется и к мне друзья и гости приедут: «Амаякович, помоги, у тебя многие приезжает, толкнуть надо вяленого рыба и лосиная мясо, вот тогда я тебя напомним».

А у меня одни минусы. Хотя нет, наверное, это плюсы. Всю жизнь об этом рассказывать буду. И еще один плюс – я уже ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ СНЕГОХОДИСТ! Можно уже в горы ехать. И опять экспедицию организовывать. Ладно, экспедиция подождет, мне бы сейчас до дома доехать.

Сосед в сарае мясо рубит топором – вижу со второго этажа моего дома своими глазами. Осмотрительно располагает по разным кучкам, что на тушенку, что на еду, а кости собаке. По количеству мяса понятно, не меньше двух оленьих голов.

– Толик, иди, иди сюда, угости мясом, – говорю через час.

– Амаякович, мяса нету, давай вяленый сырок тебе отдам, хот сто кило, все равно скоро испортится. Твои друзья и гости у меня нынче почему-то сырок не берут.

Евгения ШИПУЛИНА

НУГУШ

3 мая. Для себя я оставила особое меню. Которое никому не доверила. Я готовила плов. И компот. Для компота с вечера залила водой сухофрукты. Утром, встав пораньше, занялась пловом. Обычно походный плов мне удается. Но это, видимо, был не мой день. (Похоже, крупа оказалась неудачной.) И вместо плова мы ели рисовую кашу с мясом, пригоревшую вдобавок. (Стыд и позор на мою седую голову!) Зато компот удался. Но зажавшийся народ даже компота не смог осилить. И мне, скрепя сердце, пришлось курагу и остальное. К слову сказать, все не съеденное приходилось ежедневно выбрасывать (не тащить же все это было с собой!). А раскладку я делала по книжке «Питание в туристическом путешествии». А народ собрался не богатырский и осилить книжные нормы не мог. Вот и приходилось постоянно закапывать литры супа и каши. Что вызывало несправедливое возмущение отдельных типов (а конкретно Плеханова и Склокова). Они каждый вечер изводили меня требованиями уменьшить раскладку «как минимум на треть». (Торжественно обещаю при первом удобном случае уменьшить паек конкретно им!)

И без этого обязанности захода отнимали много сил. Надо было ежедневно следить за транспортировкой продуктов, разбирать и переупаковывать их, следя, чтобы в этом дожде и сырости они не испортились. Это был героический труд.

Но, вообще, отношение к еде можно было охарактеризовать одним словом: «Зажрались»!

Продолжение. Начало в № 2.

фото: А. Чарушникова

Вдобавок ко всему ночью какая-то сволочь наступила на мой мешок с посудой, раздавив вдребезги мою любимую миску. Пришлось торжественно зарыть и её тоже. И оставшиеся дни мне приходилось побираться, выпрашивая у кого-нибудь посуду.

За ночь вода в реке сильно спала. Примерно на полметра. И Нугуш перестал внушать мне ужас, снова обретая вид «боевой двойки». Он снова стал таким, каким и должен был быть.

Весь день Чак «собирал бонусы». Он лез во все бочки и на все валы, во все «буркалки», которые только попадались нам на пути. После очередной бочки он, поворачиваясь ко мне, радостно и азартно кричал: «Мы взяли её! Взяли!»

Берега по-прежнему радовали сказочной красотой, а вот погода по-прежнему была пакостной. Примерно через пару часов река преподнесла нам подарок. В кустах по левому берегу я заметила новенькое весло. Мы его подобрали, и Чак тут же присвоил его себе, окрестив «Адмиральским».

На перекус остановились на маленькой болотистой полянке, имевшей одно важное преимущество – кучи бревен, на которых можно было с комфортом перекусить. (Плеханов и тут не удержался от комментария, что Чак опять завел всех в болото. Вообще ужасно разговорчивый тип.

– Ты говорливый, – как-то, после очередной его тирады, сказала я. – Ты милый, но очень говорливый, – сказала я, еле сдерживая желание шархнуть его изо всей силы веслом.)

В этот день мы должны были пройти «дубовый лист». Река, попадая в каньон меж двух горных кряжей, выписывала пять изгибов. На карте это выглядело, как дубовый лист.

На стоянке наш штурман Дима Горяев (обладатель GPS и карты) гордо сказал, что «согласно его GPS, мы находимся как раз на середине «дубового листа». А раз так, то и до водо-

хранилища, конца нашего путешествия, недалече. Запахло еще одной дневкой. Народ приободрился.

И только Чак не верил. Мы должны были пройти до «дубового листа» две деревни. Малый Нугуш и еще какую-то, названия не помню. И в каждой встречной избе он ждал именно эту деревню.

И дождался, таки! Проходя мимо какого-то кордона, мы зачалились, Чак пошел узнавать, что это за место. На берегу стояли чьи-то катамараны, а рядом с избой виднелась палатка. Это команда Оренбурга стала на дневку. (Должно быть, с местными договорились и сейчас баню топят. Мне нестерпимо захотелось оказаться сейчас в жаркой баньке, подальше от холодной воды.)

Вернулся Чак. Как он и предполагал, это и была та самая деревня. И, следовательно, к «дубовому листу» мы еще и близко не подошли!

– Я ему скажу, чтобы он утопил свой GPS в реке, – бушевал Чак, – забросил подальше и утопил поглубже!

Короче, дневка нам обломалась. Впрочем, по этому поводу никто особенно и не грустил.

К «листу» мы подошли примерно через час. Сказать, что это красивое место – ничего не сказать. 15 км каньона, скалы, похожие на стены зачарованного замка, и непроходимые заросли по берегам. Наверное, в таких местах и ищут спящих красавиц.

Но дело уже было к вечеру, и мы с Чаком опять искали стоянку. Где-то как раз на середине «листа», в центре третьей «петли», мы нашли небольшую полочку. Она была достаточно сухой. Даже Плеханов сказал, что это – лучшая стоянка. По краям заросшей поляны еще лежал снег. А заросли вокруг оказались настоящим клещёвником. Плеханов первый, кстати, и поймал клеща. (А может, клещ его?)

Поскольку мы дежурили, я на корню пресекла попытку Чака свалить с фотоаппаратом в неизвестном направлении. Выдав ему картошку и нож. Пока Чак чистил картошку, мужики отправились за дровами. Принесли и дровей, и клещей. Йорверт между делом рассказал замечательный анекдот. Анекдотов рассказывалось много и разных, но этот пришелся «в тему», потому и запомнился.

фото: А. Ильиных

Анекдот похода. Когда Максим Горький, будучи известным писателем, был в Нью-Йорке, его водили по разным достопримечательностям и мероприятиям. Сводят на выставку: Ну, как, Максим Алексеевич? Вам понравилось?

– Хорошо. Но погано.

Сводят на концерт: Ну, как, Максим Алексеевич?

– Хорошо. Но погано.

В конце концов его повели на стриптиз. И опять спрашивают: Ну, как, Максим Алексеевич?

– Погано, – отвечает Горький, – но хорошо.

Так и весь наш поход можно охарактеризовать этими тремя словами: «Погано, но хорошо».

Как бы невзначай ко мне подошел Студент. С вопросом, а нельзя ли ему завтра сесть с Чаком на двойку. Чуть позже с тем же вопросом нарисовался Чак. Я немного подумала и согласилась. Во-первых, потому что уже пообещала, что Студент сядет на двойку, а во-вторых, времени уже действительно не оставалось. Я прикинула: завтра сядет Студент, а послезавтра на водоохране – Инга, и конец маршрута. (Значит, мне завтра на Лямзик.)

К костру подошла Варя.

– У меня осталось еще семь пальцев. Могу помочь.

В самом начале, на первой стоянке, помогая резать капусту, Варвара порезала себе палец. И суп, по её словам, мы ели с её, Вариной, кровью. (Прям вампиры какие-то.) На стоянке пару днями позже, снова взявшись за нож, она тут же искромсала себе следующий палец. Народ очень живо ей посочувствовал, однако заметив, что есть еще восемь целых пальцев, чего до конца похода должно хватить. А если добавить пальцы на ногах, то еще и останется.

Сегодня Варя опять взялась за нож, помогая Чаку. И по установившейся традиции тут же порезала себе очередной палец. После этого, решив, что до-

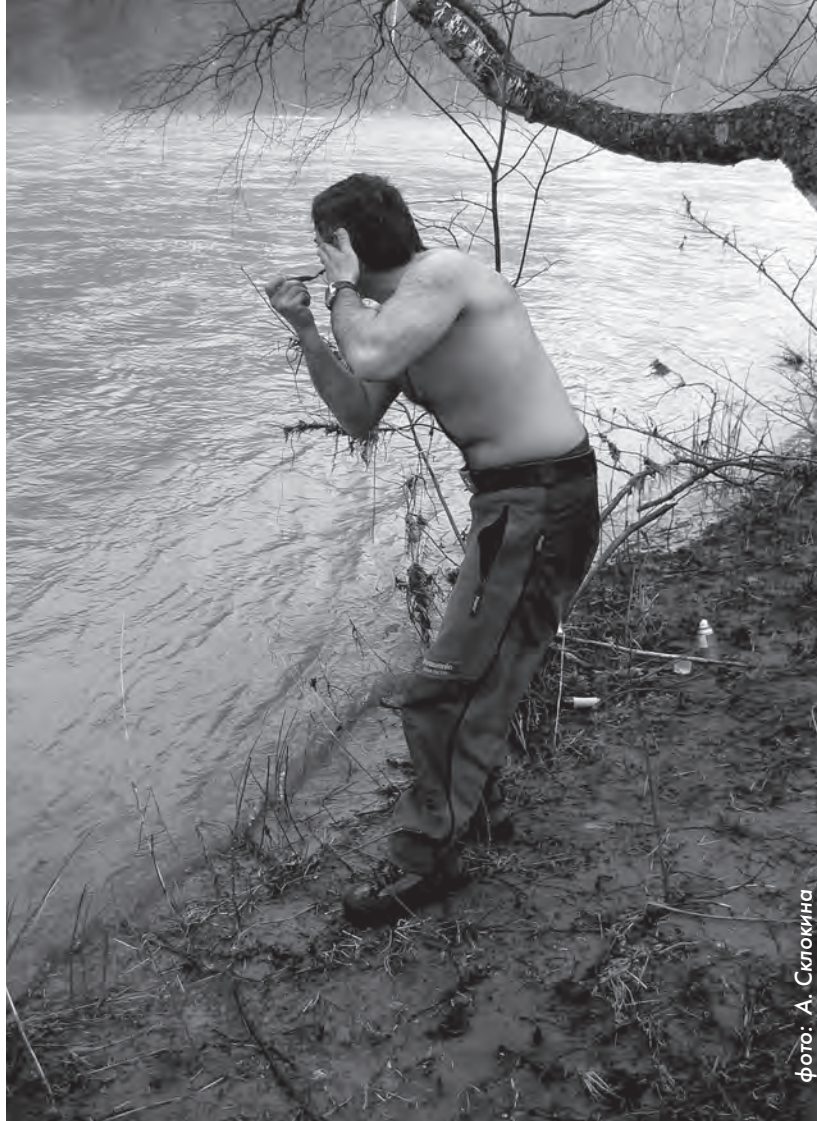

фото: А. Склокина

пускать её к острым предметам нельзя, мы доверили ей приготовить глинтвейн. Доставая для этого самые припасенные припасы: вино и фрукты.

Но это был явно не Варин день. Она опрокинула полный (6 литров!) кан вина. Да, это была потеря. С причитаниями мы начали собирать с импровизированного стола разлившееся вино, но наскребли не больше литра. Мы его все равно сварили и раздали самым замерзшим девчонкам.

За всеми этими хлопотами подоспел ужин. И вот тут я услышала от Плеханова первое (и единственное) доброе слово в свой адрес.

– Позвольте мне выразить свое восхищение, – начал он.

– Позволю, – разрешила я, – выражайте.

И постаралась придать своему лицу соответствующее выражение, а телу – соответствующую позу.

– Позвольте мне выразить свое восхищение, как быстро с момента зачаливания был приготовлен ужин.

Спасибо, Димка! Было приятно. Да, пожалуй, это был единственный ужин, который мы ели не в темноте. Супчик на этот раз был съеден дочиста. И Макс, подошедшему за добавкой, ничего не досталось.

Еще оставалось свободное светлое время, и мужики решили сбегать на верхушку скал. Человек пять оделись, набрызгались от клещей и сорвались вверх по склону.

Вскоре стемнело. Я сдала дежурство Резвому, лагерь быстро угомонился, все расползлись по палаткам. А я осталась дожидаться ушедших. Подкинула дров в костер, чтобы было видно, где лагерь. А то без ориентира в темноте упрутся куда-нибудь к чертовой матери. Вскоре на склоне замелькали фонари, и еще минут через 15 все благо-

получно спустились. Перед тем, как зайти в лагерь, Чак заставил всех осмотреться. Пару клещей, по-моему, сняли.

Ну, все, пора спать. Укладываюсь, я обнаружила, что свой второй спальник Лена забрала. Это привело меня в уныние. Замерзну.

– Чак, если я ночью замерзну, я тебя разбужу.

Войдя в мое положение (а может, просто испугавшись грубого шантажа), Чак отдал мне свою куртку, чтобы я могла ей укрыться. Так я и спала под спальником и двумя куртками: своей и Чака. Свою кинула на ноги, а курткой Чака укрыла торс. Только благодаря этому и не замерзла. Спасибо, Чак.

4 мая. Утро нас встретило молочно-белым туманом и льдом в котелках. Не зря я выпросила куртку у Чака. Ночью был хороший минус. Выйдя из палатки, я узрела дивное зрелище. Саша Склоков с обнаженным торсом, пристроив зеркальце в прибрежных кустах, брился. Этаким бреющийся «ежик в тумане». Посмотрев на него, я не удержалась и сказала, что если стриптиз начат, то нельзя это занятие бросать на полдороге, надо доводить дело до конца. На мое удивление, предложение было с энтузиазмом подхвачено и весьма профессионально продемонстрировано. Какие скрытые таланты дремлют в нас!... Гм... в нем.

Чтобы таланты не пропадали, я предложила устроить конкурс на лучший стриптиз. Причем стриптиз снимания гидры... вокруг весла. Ой, я уже представила себе это зрелище. Но меня, к сожалению, никто не поддержал.

Туман через несколько минут улетучился, открыв пронзительно-голубое небо, обещающее замечательный солнечный день. Да, денек действительно выдался на славу.

Чак объявил Лямзике о замене в экипаже. Юртаев тут же сориентировался и сказал, что согласен на замену, если я буду

с термосом. У меня был замечательный термос на 1,2 литра, сослуживший всем хорошую службу. Ибо горячий чай на холодной реке – вещь особо ценная.

– Если ты не принесешь сейчас Убивца, он поедет на другом катамаране, – крикнул мне Чак.

УБИВЕЦ

Что такое Убивец? Это не маньяк-убийца. Это всего лишь мой рюкзак, чудовищных размеров. У меня не было с собой настоящей гермы (гермомешка), у меня был всего-то большой мешок из непромокаемой неоновозеленой ткани. В него каждое утро я закидывала свой рюк и пару тентов, оказавшихся весьма нелишними. Когда я впервые бросила этот желтозеленый монстр на раму двойки, чтобы привязать, Чак коротко сказал: «Жесть». А мне вспомнился рассказ об одном огромном транспортном мешке, какие применяются в спелеологии (транспортировочные мешки в форме большой сосиски). Согласно градации размеров мужского достоинства (из какого-то анекдота), он именовался самым большим из всех – «Убивецем».

Глядя на свой мешок, я сказала: «А ведь настоящий Убивец.»

Это название так и привязалось к нему. И мой рюкзак его оправдывал. Поодиночке Убивца никогда не носили. Даже нехилый Чак брал кого-нибудь в помощь, когда была нужда перенести его с места на место.

Короче, Убивец поехал на двойке, а я на Лямзике, на месте Студента. Согласно уставившемуся порядку вещей, Лямзик отчаливал последним. (Водники, как и парашютисты, этого слова не любят, а говорят «крайний».) Лямзик был ... ну очень крайний. Он неторопливо утюжил речку. На нем можно было не грести вовсе. Все равно он сам решал, как ему идти. В конце концов, весло я бросила, и, устроившись поудобнее, на-

чала любоваться окрестностями. Все равно в коленной посадке грести на Лямзике было невозможно, это вам не спортивная двоечка.

Светило солнышко, катамаран неторопливо сам по себе шел вперед, жизнь была прекрасна. Ближе к обеду увидели зачалившиеся практически к отвесной скале каты. И не только наши. Штук десять катов разных мастей зачалились к скале, неподалеку от впадавшей в Нугуш бурной речушки. Зачалив, мы долго не могли понять замысел отца-командира, за каким-то чертом вставшего здесь и потерявшегося в неизвестном направлении. Но потом выяснили, что здесь расположена местная достопримечательность – Карстовый мост, и все отправились на его осмотр. Моя попытка подняться вслед за ушедшими успеха не имела. На крутом подъеме меня перехватил Дима Плеханов. Он сказал, что подниматься не стоит, т.к. очень далеко и высоко. Из всей нашей группы до самого верха, т.е. собственно до Карстового моста, добежал только лось – Студент. Остальные осилили примерно две трети подъема, дойдя только до истока речки, где она мощным потоком вырывалась из-под земли. Все это заняло уйму времени. Поэтому перекус решили устроить здесь же, чтобы не терять времени, только перебрались на противоположный берег.

Как и везде, весь берег здесь был усыпан маленькими белыми цветами. (В начале маршрута я даже приняла их за подснежники. Но, разглядев поближе, увидела, что это скорее ветреницы, только очень маленькие.) В пасмурную погоду звездочки были закрыты, сейчас же они раскрылись навстречу солнцу, и казалось, весь берег усыпан белыми звездами. Удивительное зрелище.

15 минут, перекус закончен, весла в руки, вперед. Неторопливый Лямзик, как всегда... крайний.

Чак планировал в этот день дойти до водохранила, там заночевать и на следующий день, 5 мая, пройти остаток маршрута до места выброски. В поселок Сергеевка, где нас уже должен был ждать автобус.

Уже через пару часов течение реки замедлилось, а вскоре и прекратилось вовсе, сказывалась близость водохранилища. Путешествие на Лямзике перестало быть томным. Надо было брать весла в руки и пахать. Меня ждало третье испытание на прочность.

Водохранилище подняло уровень реки намного выше естественного русла, до крутых склонов, и было понятно, что удобного места для стоянки не будет. Его здесь просто не может быть, по определению.

Но вскоре, к нашему удивлению, мы увидели чьи-то каты и довольно пологое место, вполне достаточное для нескольких групп. Но Чак прошел мимо. Нам было непонятно почему, т.к. следующего подходящего места просто могло не быть. Но делать нечего, идем вслед за командиром.

На спокойной воде Лямзик просто неуправляем. Он вертится во все стороны, как плоскодонка,

фото: А. Ильиных

и удержать его на курсе требует навыка и больших усилий.

За очередным поворотом нас ждал неприятный сюрприз. По водной глади дул сильнейший встречный ветер. И если спортивные каты, благодаря меньшей парусности и лучшему ходу, еще как-то продвигались вперед, то Лямзик просто сдувало ветром. Мы упирались минут сорок, до мозолей на руках, пытаюсь сойти с мертвой точки и выгрести против ветра, но как были, так и оставались на одном

месте. Вдобавок нас сносило на скалу. Мимо нас, как мимо стоячей березки, прошел Ништяк. Он присоединился к остальным, которые отдыхали, прижавшись к берегу. Отдохнув, каты стали потихоньку отчаливать и «короткими перебежками» против ветра уходить за поворот. Мы остались в одиночестве.

Я не просто была зла на Чака. Я готова была его разорвать. Уйти от стоянки – это раз, а потом бросить нас здесь, видя, что мы не можем идти против тако-

фото: О. Смирновой

го ветра. Что мы элементарно не выгребаем. Я была измотана, измочалена и зла.

Чтобы как-то отвлечься, мы с Ольгой затеяли спор о том, какую почку и с какого именно дерева сжевал оголодавший Макс. Решили, что с черемухи. Черемуха дерево крепящее. Зажевав почку, Макс укрепился и заработал веслом с удвоенной энергией.

В уме я уже прокручивала различные «альтернативные варианты». А что если мы не сможем одолеть ветер, не догоним группу? А что если придется ночевать здесь? На берегу места нет. Может, поставить палатку прямо на Лямзике? По-моему, я даже сказала это вслух. Мы стояли у берега и переводили дух. Ветер жестко прижимал нас к нему, сдувая назад при малейшей попытке отойти хотя бы на метр. После очередной раза я поинтересовалась у Юртаева: «Что дальше делать будем?» Он в бессильном молчании ткнулся лбом в кат.

Мимо нас прошествовали два спаренных катамарана. На первом сидели шестеро мужиков и гребли, на прицепленном к нему втором кате сидели две тетки и делали вид, что гребут. При такой посадке гребцов каты продвигались вперед даже при жестком встречном ветре. Мы с тоской проводили его взглядом. Увы, наши каты были недоступны.

– У нас там где-то были суши, Андрей, дай мне, – обратилась я к Юртаеву. Он пошарился и вытащил одну. Я зажала её в руках, закрыла глаза и, как могла, попросила ветер, чтобы он принял нашу скромную «жертву» и помог нам закончить маршрут. Был не встречным, а попутным. Закончив горячую, импровизированную молитву, я бросила сушку через плечо.

Попутным ветер нам не стал. Но через пару минут он начал стихать. Мы, пользуясь передышкой, изо всех сил рванули вперед. И влегкую обогнали ту

самую спарку катов, с восемью гребцами.

Еще через пару минут гладь реки стала просто тихим зеркалом. Ольга и Макс, бросив весла, схватились за фотоаппараты. Кат закрутило. Андрюха стал ругаться.

– Ребята, – попросила я, – нам такой подарок сделали, ветер убрали. Если сейчас мы его упустим, будет просто обидно.

Вскоре мы увидели наши зачалившиеся катамараны. Со злорадством протаранив двойку Чака, вставшую поперек, мы вылезли на берег. Я с ходу направилась к Чаку и, не в силах выразить свои чувства, просто набросилась на него с кулаками. Он еле успел увернуться, однако неосмотрительно подставил мне свою пятую точку. Конечно же, я

воспользовалась его оплошностью и пнула вдогонку, от всей души.

– Чак, что же ты нам на самый тяжелый участок полтора мужика на катамаране оставил? – тоже не в силах сдержаться, заорала Ольга.

Более сдержанный Юртаев достаточно спокойно поинтересовался у Чака, а какого лешего тот прошел мимо стоянки?

(А у меня кто-то потихоньку спросил: а кто у нас считается за полмужика?)

Чак объяснил, что решил сегодня идти до конца, т.е. до места выброски.

– Ты уверен в своем решении? Что именно сейчас, когда все устали, надо идти? – я не была так уверена в необходимости идти дальше.

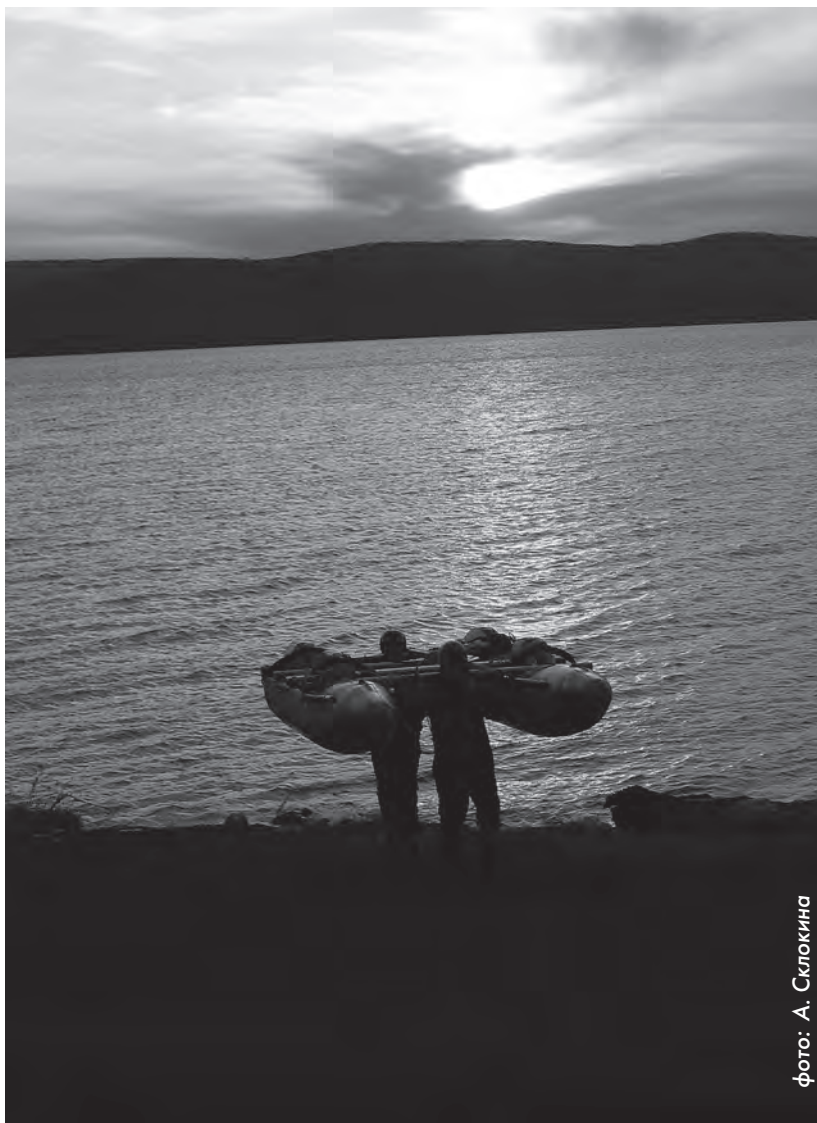

фото: А. Склокина

фото: О. Смирновой

– Уверен, – ответил Чак. (Забегая вперед, скажу, что он оказался прав.)

Ладно, до конца, так до конца. Студента для усиления пересадили на Лямзик, я вернулась на двойку. Правда, Чак сказал, что Сашка «сдулся».

– Ты как? – спросила я Студента.

– В норме, – ответил он.

Но когда я услышала, как обычно сдержанный мальчик пошел разговаривать трехэтажным матом, я поняла, что его уже не держат никакие тормоза и он действительно «сдулся».

Но идти оставалось, в общем, немного. Водохранилище было в прямой видимости, ветер стих. Все приготовились к последнему рывку. Пройдя с километр, мы вышли на огромный водный простор. Садилось солнышко. Нам оставалось дойти до мыса, и все. За ним уже начиналась жилая зона пионерлагеря. Слева по берегу, в дубовом лесу, сплошняком пошли стоянки. Здесь – общее место финиша, поэтому много народу. Но чем меня особенно порадовало это место, так это тем, что по всему берегу стояли обустроенные туалеты. Да и сам лес, несмотря на обилие турья, выглядел чистым и ухоженным.

Видимо, чтобы жизнь не казалась медом, на последнем

километре перехода опять задул встречный ветер.

– Женя, осталось немного, напрягись, – сказал мне Чак.

– А я что делаю? – ответила я. Хотя может, мне уже просто казалось, что я напрягаюсь?

Последние метры, и нос катмарана ткнулся в берег. На задеревеневших ногах я сползла с ката и, взяв чалку, подтащила его на берег. Привязать кат было не за что, и я так и осталась стоять и держать его, пока Чак побежал на берег, осмотреть место. Резвый тоже уже зачалился, через несколько минут подтянулся Ништяк. Последним из-за мыса показался Лямзик. Юртаев, чтобы не грести против ветра, тащил кат, как бурлак, вдоль берега за чалку. Остальные сидели на кате и ждали, когда маленький и худенький Андрюха дотащит их до берега.

От радости, что и тяжелый день и нелегкий маршрут, Слава Богу, закончены благополучно, я бросилась Чаку на шею. Попыталась броситься. Не тут-то было. При моем приближении Чак принял боевую стойку, по всем законам восточных единоборств.

– Чак, ты чего? – недоуменно спросила я.

– Так неизвестно, что от тебя ждать, – сурово ответил Чак, и добавил, – скажи спасибо, что

я рефлексы свои успел затормозить.

– Спасибо, – искренне сказала я.

Каты привычно разгрузили и занесли на берег, ближе к лагерю.

Первым делом Чак схватился за свой сотовый телефон. После него за его телефон схватилась я. На душе было беспокойно за детей. Но дома оказалось все в порядке, все живы, все хорошо.

Чак с криком: «Маршрут окончен!» разбежался и плюхнулся в Нугуш.

Примерно через полчаса подошла Варя и сказала, что в Башкирии на речке утонула туристка из Екатеринбурга. Об этом была информация по телевидению. Надо бы позвонить своим, успокоить.

Моя душа была спокойна. Я уже позвонила.

В наш последний вечер дежурил Резвый. Дима, даже не сняв гидру, возился с костром. Рядом с палатками натягивали веревки, чтобы развесить вещи на сушку. Девчонки хлопотали над ужином. В честь окончания маршрута и оттого, что все очень устали, в качестве утешительного приза сделали торт. Ужин получился отменный. На пять баллов.

Но снова все испортила открытая банка ананасов. Через час в воздухе запорхали редкие снежинки, потом пошел дождь. К ночи погода оказалась испорченной окончательно.

Поэтому долгих посиделок у костра не получилось. Прикончили остатные запасы горячительного, немного попели. На этом все и закончилось. Напряжение и усталость взяли свое. Под занавес мы с Йорвертом исполнили колыбельную для неугомонно-ржущей палатки Резвого. И я пошла спать. Разбудила Чака, который заступал на дежурство. (На ночь я снова попросила у него куртку, и он милостиво согласился. А пока он дежурил в этой самой куртке, я залезла под его спальник.)

Ночью я проснулась оттого, что вернувшийся Чак уклады-

вается спать. Без куртки и без спальника.

– Чак, ты чего? – спросонья удивилась я.

– Я не могу дать тебе куртку, – ответил он, продолжая устраиваться на пенке.

– Почему?

– Дождь на улице, мокрая она, – объяснил Чак и завалился спать без спальника. Если б я не спала, я бы наверно очень развеселилась. Но сейчас я только сказала:

– Я что, по-твоему, совсем озверела? – стянув с себя, я отдала Чаку его собственный спальник, и забралась под спальник к Лене.

5 мая. Утро было хмурым, дождливым и противным. По водохранилищу гулял озверевший ветер, и я тихо радовалась тому, что вчера Чак настоял на своем и вывел нас к финишу. Потому что выгребать против такого ветра было бы очень неприятно.

С большим трудом приготовили завтрак. Костер никак не хотел гореть под дождем и ветром. Автобус уже ждал нас. Мы

очень долго в него грузились, таская издалека свои вещи по раскисшей под дождем дороге. Так долго грузились, что, в конце концов, Чак не выдержал и сказал, что эта погрузка его достала. Сколько же можно ковыряться.

Чтобы не затаскивать в автобус килограммы грязи, налипшие на ботинки, обувь помыли в водохранилище. Автобус был тот же. Жесткий, маленький, неудобный. Зато в нем обнаружился DVD с плоским экраном, подвешенным на кабине водителя. И всю обратную дорогу мы смотрели нескончаемый диск с нескончаемыми голливудскими боевиками. Однако сиденья от этого мягче и удобней не стали.

Народ в дороге надо кормить и поить, поэтому в первом же городе мы остановились у магазина, где я купила на дорогу колбасы, запеченных кур и минералки. Кроме этого у меня была бомба замедленного действия: пара не съеденных банок с ананасами. Мы как раз подъезжали к Златоусту, когда до них дошла очередь.

– Ну, что, откроем, ананасы? – поинтересовалась я.

– Нет, сначала перевал надо проехать, – сказал продуманный Юртаев.

Ананасы странная вещь. Как только мы доели две последние банки, пейзаж вокруг стал белым, а за окном пошел снег.

Обратная дорога 800 км, заняла 16 часов. Мы ехали весь день и всю ночь. Я-то думала, что вернусь домой 5-го поздно вечером. Фигушки. В Екатеринбург въехали около шести утра. Шел нескончаемый дождь.

– Никакого разнообразия, – сказала я, глядя в окно.

Маршрут наш кончился там же, где и начался, у Ольгиного гаража.

Никакого прощания, никакой грусти. Умотанные долгой дорогой, все быстро разбежались по домам.

А чего грустить. Все расписано на месяц вперед: точка, Майский экстрим, День туриста. Так что увидимся.

ДО ВСТРЕЧИ.

УРАЛЬСКИЙ следопыт МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ-2009

www.uralstalker.su
uralstalker@mail.ru

при участии:

- турклуба УрГУ
- министерства по физической культуре, спорту и туризму Свердловской области
- управления по развитию физической культуры, спорта и туризма г. Екатеринбурга

31 мая

- выставка спортивного снаряжения с 10:00
- веревочные трассы в створе плотины с 12:00
- водные состязания на Плотинке 14:00
- старт водной гонки 16:00
- награждение 19:30

Татьяна КИГИМ, Калининград

Казино «Скид-Неппа»

1.

Мистер Яковлев скользнул взглядом по столам с покером, рулеткой, блэк джексом, баккарой и направился к кассе, дабы разменять фишки и погрузиться в пучину неумных страстей. Новое обращение «мистер» было непривычно и жало, как новехонький галстук за сумму, которую он еще год назад не решился бы озвучить и в самых смелых мечтах, да и теперь казалась слишком большой для того, чтобы тратить ее на кусок ткани. Ярослав подумал, что хорошо было бы вдобавок к обещаниям рекламного проспекта заодно убить в себе жадность, а равно и глупость, но приходилось довольствоваться малым.

В первом же зале, у рулетки, он встретил – да нет, практически натолкнулся! Да нет, это она практически налетела на него своим нулевым бюстом! – дочь босса, Агату. Девочка лет шестнадцати по настоянию отца тоже поехала в «Скид-Неппа» отдыхать и лечиться, и Яковлев не знал, надо ли этому радоваться. Грядущий развод пока висел дамокловым мечом, а от Агаты можно было ожидать чего угодно. Птичке с зубами щуки не хватало лишь опыта, который, как известно, приходит с третьим разводом.

Этот гибрид появился на свет в Филадельфии, чудном городе, который, к слову, ждал и самого Ярослава: не далее как вчера был подписан приказ о переводе его из осточертевшего российского представительства. Шампанское, икра, аплодисменты!

Раскланявшись с боссовой дочкой, Ярослав побрел обживать новый ареал обитания.

От названия казино и всего развлекательного комплекса с гостиницами, площадками для гольфа и пассажами для цельнодневного шоппинга веяло чем-то неуловимо французским, но почему-то долетало ощущение не парфюма, а аптеки, банок с формальдегидом и лекарств. Яковлеву казалось, что весь этот остров – низенький французский аптекарь в очках, выставяющий в лавке маринованный зародыш наподобие г-на Оме.

Казино располагалось на острове, оторванном от мира тупых, жующих, грязных примитивов. Метастазами эстетики остров взорвали выросшие развлека-

тельные центры, парки, гостиницы, пляжи и рестораны, и сердцем этого тропического буйства было казино с палладиевыми шестами для танцовщиц и ваннами из шампанского «Dom Perignon Cuvee» для них же. «Скид-Неппа» скрывал в своих стенах и открывал своим гостям целый мир, и в одном из кабинетов этого роскошного заведения и находился сейчас мистер Яковлев. Отхлебнув спирально взлетавшие пузырьки и взяв в кассе горсть фишек, он направился к рулеткам и покеру, намереваясь провести отпуск как можно целесообразней. Ярослав не страдал лудоманией и потому расчетливо и методично откладывал сумму, которую мог спокойно проиграть без того, чтобы прослыть мотом или жмотом, что суть две стороны одного явления – неумения держаться комильфо.

Также мистер Яковлев намеревался совместить приятное с полезным и принять здесь некоторые рекомендованные медицинские процедуры: остров славился своей лечебной грязью.

Сам он здесь был по настоянию босса, оплатившего с несказанной щедростью отдых своего «ценнейшего сотрудника». Его ждало новое место, захватывающие перспективы, несомненный карьерный рост и осязаемая надежда затесаться в зятя господину президенту совета директоров. «Она же младше тебя лет на двадцать, скотина», – мысль мелькнула, прокрутилась в голове рулеточным шариком и канула в Лету, поскольку Яковлев честно себе признался, что слишком маленькие сиськи Агаты его заботят куда больше, чем ее нежный возраст.

Столик, за который уселся перекусить Яковлев, занимали слегка знакомый ему русский бизнесмен изпод Саратова и приبلудившийся американский журналист из начинающих, но очень заметных звезд.

– Как дела, дружище, – широко улыбнувшись, словно расписавшись маркером на стене, Клайв протянул широкую ладонь. Она оказалась сухой и твердой. Яру сразу понравился этот человек.

– Ярослав Яковлев, рад встрече.

Татьяна Кигим родилась в 1981 году в Днепродзержинске (Украина), с 1994 г. живет в Калининграде. По образованию – историк, по роду занятий – журналист. Рассказы Татьяны публиковались в журналах «Мир фантастики», «Знание – сила», «Безымянная звезда», «Преступление и наказание», областной прессе г. Калининграда.

У Царькова руки были, наоборот, влажными. У Ярослава осталось неприятное впечатление, будто прикоснулся к куску сырого теста.

– Ну что, я предлагаю выпить... – журналист не договорил, потому что прямо ему в тарелку шлепнулась горошина, слетевшая с вилки толстяка за соседним столом. Размашистая улыбка американца погасла. Тут же к столу ловко подлетел официант, подхватил блюдо, умчался за заменой. Брезгливо стряхнув скатившуюся на скатерть горошину, Клайв мрачно зыркнул на толстого.

– Похож на отбивную, – пошутил Яр, стараясь, однако, чтобы шутка не донеслась до объекта.

Клайв и Царьков тихонько засмеялись.

– Я вам сейчас расскажу, какую штуку провернул однажды, кх-кх, наш бизнес губерна... – начал Царьков, но свет мигнул, и Яковлев мигнул от неожиданности: в ресторан ворвались гангстеры – в кожаных плащах, с автоматами. Толстяк, швырявший горошинами, икнул, дернулся и сполз под стол – проворно, будто кусок студня с ножа. Главарь банды обвел взглядом помещение. Все притихли, даже девчонка у шеста замерла в раскорячке. Мочевой пузырь Яковлева нехорошо сжался, как бывало, когда его, маленького, застигали за каким-нибудь непотребством. Повинуясь внезапному порыву, он поймал взгляд главаря и указал глазами под стол. Гангстер недоуменно нахмурился.

В следующее мгновение грянула музыка, «бандито» взлетели на сцену, срывая с себя плащи и плавки, и дамы возбужденно загалдели. Яковлев облегченно выдохнул, а толстяк выполз из своего убежища.

– Никак не могу привыкнуть, что на отдыхе, – извиняясь, произнес он. Он смущенно улыбнулся, но тут же заложил салфетку за ворот и принялся за форель под соусом с эстрагоном. Ел он азартно и аппетитно, соус капал с пальцев-сосисок.

Яр тоже подцепил кусочек трюфеля. Похоже, его мелкого малодушия никто не заметил, а если и заметил, то тактично промолчал. В конце концов, в современном мире, где на каждом шагу случаются теракты, каждый должен быть готов не злить сумасшедших...

– Все прерывают и прерывают, – пожаловался Царьков. – Кх-кх, извините, то ли я ледяного шампанского перепил, то ли вчера голос сорвал, когда мы в номере с девочками под кара... кх-кх... оке пели. Хотя я вообще серьезный, кх-кх, человек, и бизнес у меня есть... ну, не так чтоб шибко великий, а так, реги... кх-кх... ональный, – он утерся салфеткой и протянул руку к графину с водочкой. – Вот, собственно, что я хотел о нашем бизнесе сказать. Кх-кх.

Яковлев начал заверять, что примет участие, и прочее, и прочее, но сам в это время думал о другом: кажется, мелькнуло в толпе знакомое лицо... Может, ему и показалось, да и вообще у страха глаза велики, но вроде бы это была жена...

– А чего я про здешний курорт, кх-кх, скажу, – грустные глаза Царькова смотрели на Ярослава вни-

мательно и неотрывно. – Так я скажу прямо: уезжайте. Кх-кх. Вы хороший человек, и мне было бы грустно, елси б и вы... кх-кх... как все здесь... кх-кх... Уезжайте, Яр, как можно скорей.

Журналист широко улыбнулся:

– Вам здесь не нравится?

– Видите ли... – Царьков затравленно оглянулся, – здесь проводятся лечебные процедуры. Но я бы не советовал их принимать.

Яр понимающе кивнул. Да, этому товарищу явно нужен врачебный уход. Желательно с круглосуточной охраной и в мягкой комнате.

– Слышите? – понижая голос, переспросил Царьков. – Кх-кх! Не оставайтесь здесь ни единой ночи! Даже, кх-кх, вещей не забирайте, ноги в руки – и!.. Пока не отрезали. И не выковыряли.

– Что не отрезали?

– Узнаете, если загуляете, – прошептал Царьков, делая страшные глаза. – Кх-кх.

– В нашей работе главное – правильно гулять, – дипломатично заметил журналист, большими глотками отхлебывая кофе и профессиональным взглядом матерого волка обшаривая зал в поисках горячих тем.

Яковлев заскучал. Развлечения продолжились, на сцене извивалась голенькая блондинка, он оглянулся еще раз – Барбара?.. здесь? Но, похоже, это ему показалось.

2.

Не то чтобы его шатало, но голова шла кругом от всего пережитого. Не так часто бывал Яковлев в заведениях подобного уровня. Дирекция премировала его отдыхом, заикнувшись, правда, о неких курсах самосовершенствования. Предполагались, видимо, какие-то семинары, но Яковлев решил не форсировать события, а наслаждаться тем, что есть.

Наслаждаться он намеревался пятью способами: глазеть на стриптиз, вдыхать аромат изысканных блюд и пробовать на вкус дорогое вино, слушать хорошую музыку, ну и получать удовольствие осязательно... «Вам девушку или юношу?» – услужливо спросили его. Как человек высококонравственный и пока еще женатый, Яковлев с негодованием отверг последнее предложение. Предпоследнее, впрочем, принял.

Сейчас он направлялся к своему номеру, где указанное предложение, как заверили, уже ожидало дорогого гостя. Проходя мимо триста одиннадцатого, Яковлер поморщился. Из номера доносились детские вопли, русский мат, хрипы, неровный кашель.

– Не надо, дяденька! Дяденька, не надо!!!

– Падла, лежать! Я тебя все равно заставлю... маленькая тварь!.. Глотай, падла!.. Глотай!

Кто-то глухо закашлялся, коротко и со всхлипами, и, проходя мимо приотворенной двери, Яр краем глаза заметил русского бизнесмена с расстегнутыми штанами. Мальчишка на полу размазывал по лицу слезы и пытался стереть с лица какую-то вязкую бе-

лую жидкость. Совесть потребовала от Яковлева не медленно вызвать полицию, однако разыгравшее не к месту ретивое было вполне резонно поставлено на место внутренним голосом: «Ну и какого? Может, он его сгущенкой закармливает? Нынешние дети – они такие... привередливые». На сем успокоившись, мистер Яковлев прошествовал дальше, и что удивительно – новехонькое «мистер» ему уже почти не жало, а галстук так и вовсе съехал набок после обильного обеда.

В номере его ждали. Роскошная горничная ничем не прикрывала свой силикон, и, несмотря на свою раскованность и подкованность, Яковлев отчего-то немного смутился.

– Вы боитесь оперативного вмешательства? – сладко улыбнулась горничная, покачивая розовыми сосками.

– Че? – оторопев, переспросил Яр.

Горничная усмехнулась. Зубы у нее были белые и острые. Клыки. У нее были длинные клыки. Она быстро подошла к Ярославу, опрокинула на постель, настойчиво отвела его руки и умело скользнула языком по шее, пупку. Губами прикоснулась к груди, животу, и Яр задохнулся от острого удовольствия. Через несколько божественных мгновений нахлынуло облегчение. Он словно воспарил, освободившись от груза реальности.

Зубы девицы его уже не беспокоили. В голове только мелькнуло: «Вампир... Теперь она от меня не отцепится», и было не совсем ясно, хорошо это или плохо.

Затуманенным взором он отметил, что горничная выскользнула из номера, прихватив с собой банку с чем-то белым. «Зачем ей?..» – подумал Яковлев и провалился в сон.

...Яр проснулся через пару часов и, вспомнив полубред-полуявь, наскоро оделся и высунулся в коридор. Он хотел найти журналиста и поделиться с ним впечатлениями. Но по коридору шел какой-то мужчина в клетчатой ковбойской рубашке и очках – завидев Яковлева, он быстро подошел к нему:

– Вы не видели моего сына?

– Сына? – переспросил Яр, и память услужливо подсказала какого именно сына ищет этот человек. Поэтому он пригладил волосы и пожал плечами. – Нет, не знаю, никакого мальчика я здесь не видел.

– Мальчика? Значит, вы все-таки его видели? – вспыхнул мужчина и требовательно и просящее ухватил Яковлева за пуговицу. Яр заметил, что пуговицы застегнуты через одну. Отстранившись, он еще оглядел мужчину – кто такой? где смокинг? может, услуга? – и придал себе вид максимально высокомерно-отстраненный.

– Не видел, – соврал Яр легко и непринужденно. Впутываться в чужие проблемы он не имел ни сил, ни возможности, ни желания. Желания – особенно. – Раз вы говорите, сына – я и подумал, что мальчика. Не может же быть у вас взрослый сын. А детей я здесь никаких не видел.

Взгляд Яра был пронзительно прозрачен и чист, как небо над безоблачной Гоморрой. Во взгляде же мужчины в клетчатой рубашке металась обреченность Дрездена накануне бомбардировки.

– Мальчик, Джуниор, – сказал он в пустоту и пошел дальше по коридору. – Если увидите... пусть на ночь молока выпьет, – не оглядываясь, бормотал он.

– Обязательно, – заверил Яр, глядя в спину незадачливому папаше.

«Черт знает что в этом отеле творится», – подумал он. Все это отдавало стойкой шизофренией.

Яковлев прошелся пару раз вдоль коридора, потом, почесав макушку, достал сотовый. Хотел набрать полицию, но вместо этого вызвал портье и попросил пригласить двух девушек в номер.

3.

– Души прекрасные порывы, – пробормотала Барбара на ломаном русском, глядя, как он блюет в раковину, забрызгивая никелированный кран. – Как я рада встретить тебя в этом gadyushnikye.

– Я тоже рад тебя видеть, дорогая. Ты еще помнишь, как произносится слово «б...ь»? И какого, скажи на милость, хрена ты здесь делаешь, чертова американская дура? – спросил он, сдергивая с шеи полотенце.

– Я была у астролога, – сообщила Барбара со своей дурацкой привычкой отвечать на вопрос ссылкой на какие-то совершенно посторонние флуктуации. – Говорит, тебе грозит серьезная опасность.

– И?..

– Но это я и без него знала. Собственно, от звезд я хотела услышать другое – меня оправдают?

– Дебильный анекдот. Я уже слышал.

Он закашлялся и вспомнил вчерашнего бизнесмена, с его хриплым кашлем и криками: «Глотай, падла! Глотай!» Во рту было кисло – от блевотины и чего-то еще.

– И что, дорогая, каковы твои шансы? – выпрямившись и разглядывая свою кислую улыбку в зеркале, спросил Яр.

– вполне высокие, – Барбара сверкнула голливудской улыбкой. Как и все – от тувелек до силикона в заднице – улыбка была куплена за его деньги. – По брачному договору, как ты помнишь, в случае развода по твоей вине ты отдаешь мне девяносто пять процентов состояния.

– Перебьешься.

– Я видела тебя с этой сучкой и наняла детектива! Он снял, как ты щипал эту Агату за зад! Все документы лежат в моем сейфе!

– Сука.

– Ты не сможешь оставить нас с Кевином без гроша, – Барбара перешла к иной тактике и высморкалась в платочек. – Не забывай, он все же и твой сын!

– Я не виноват, что ты бросила пить таблетки.

Сплюнув в раковину, он двинулся к писсуару. Эта дрянь мало того, что выловила его на курорте, так

еще и приперлась в мужской туалет! Поистине для этой женщины нет ничего святого.

Когда он обернулся, застегивая брюки, Баббары уже не было. Видимо, побежала обдeldывать с адвокатами свои паскудные делишки.

Ярослав вернулся за столик, мрачно уткнулся в карту вин.

– Эй, дружище Яр, у тебя какие-то проблемы? – окликнул вчерашний знакомец, Клайв.

– Черт меня дернул жениться на твоей соотечественнице, – кисло усмехнулся Яр. – Черт меня дернул ехать в твою страну... Ладно, не бери в голову. Давай на сцену смотреть.

На сцене шел перфоманс. Яр поразился, как точно действие передавало его сегодняшнее настроение: там, на сцене, скопище молодых талантливых артистов тоже блевало и выворачивалось наизнанку, и называлось все это «Избавлением от атавизма в десяти с половиной частях без пролога, зато с эпифанией и эпилогом». Сейчас шла четвертая часть, «Атавизм», и Ярослав всерьез опасался, что пятой уже не выдержит. Скулы сводило зевотой, но он мужественно боролся со сном и даже пытался вести светскую интеллектуальную беседу, которую в подобных случаях ведут образованные люди, сведущие в погоде и искусстве.

Перфоманс был довольно откровенен, и балерун с гротескным гульфиком танцевал на путанах. Не выдержав, Яр, перекрикивая раскаты музыки, начал рассказывать Клайву о мальчишке и русском бизнесмене с дурными наклонностями, а также своих сомнениях – не заявить ли в полицию...

– Зачем тебе этот геморрой? – резонно ответил Клайв и уставился на сцену. Яковлев заткнулся и тоже стал смотреть. Не похоже, чтобы перфоманс начинал приобретать какой-то смысл, но, по крайней мере, он смахивал на эстетическое удовольствие, в отличие от жратвы, которая уже стояла поперек горла.

На сцене пуанты били по путанам, устлавшим пол подобно паркету, и это было ново и концептуально.

– Погляди, – сказал Клайв, – не могу понять: то ли это гениально, то ли...

– Это в духе Сальвадора Дали... – пробормотал, пригубляя «Клико», Ярослав.

– Не, Сальвадор столько не выпьет, – убежденно заключил Клайв.

Яковлев немного поразмышлял над этим вопросом, а потом вновь придвинулся к уху журналиста. На них уже начинали коситься. Но Ярослав не мог держать в себе мысли, набухавшие в мозгу, подобно чирьям, и сомнения выплескивались из него тугой струей. Впрочем, Клайв, похоже, был не против роли импровизированного писсуара: все новости он впитывал, как губка, памперс или прокладка с крылышками. Подобно все той же прокладке, он был готов лететь на крыльях ночи, дня, утра или вечера, лишь бы принести в ключике заветную сенсацию...

– Куда мы попали, Клайв, куда мы попали? – раз за разом спрашивал Ярослав, приводя все новые и

новые аргументы: в его нестрогой системе находилось место и вампиршам, и сюрреалистичному поведению гостей и персонала, и бредовой обстановке, и всему остальному...

– Куда отправило руководство, туда и попали...

– Руководство может отправить и в, и на... – дальше американец, наверное, ничего не понял, во-первых, потому что заглушала музыка, а во-вторых, потому что сказано было по-русски. – Но это не повод туда ехать! – закончил Яр, перекрикивая грохот.

Опять подошел Царьков, и беседа прервалась. Клайв улыбался, похлопывал «дружище Ника» по плечу, а Яковлеву противно было с ним общаться, глядеть на Царькова, его передергивало от одного его покашливания. Галстук у Николая съехал набок, в глазах плескалось влажное пьяненькое веселье.

– А я забыл вам вчера визиточку дать, – Царьков протянул визитку: аляповатую, с золотым обрезаем и голографическим логотипом – Яр поморщился от такой безвкусицы. «Николай Царьков, предатель торгово-промышленной группы...» Клайв кивал радостно, как заведенный, а Яковлев усмехнулся, заметив:

– Опечаточка...

– Увы, да, – с неожиданной грустью согласился Царьков. – Даже менять не хочу, кх-кх. Так оно и есть... По Фрейду, батенька, по Фрейду... Уходите вы отсюда, Христа ради! А впрочем, кх-кх, вижу, вам здесь нравится, так как хотите.

Царьков, откланявшись и слегка покашливая, отвалил за соседний столик, где гуляла компания депутатов из России. Гуляла как положено: мордой в салат, блином с икорочкой – в сметану... Яковлев поморщился, на секунду ощутив себя европейцем или американцем, в общем – цивилизованным человеком: он не только столько не выпьет, как русские – он столько не съест!

Как он все-таки далек от полуголодной России, с такой жадностью пожирающей плоды земли... Философствуя, Яковлев задумчиво опрокинул стопку и обмакнул блин в икорницу.

– И помните: нельзя здесь! – Царьков вскочил с места и, обернувшись к Ярославу, потряс котлетой. – Он вас сожрет и высосет! Высосет и сожрет! Все вы пойдете на процедуры! – дружище Ник пошатнулся и осел, захрапел.

Пискнул мобильник – от босса пришло сообщение. Интересовался, как здоровье и процедуры. За столик напротив уселась Барбара. Где-то в зале ошивался нанятый ею детектив. За соседним столом ели блины.

– Ох, – сказал Ярослав и пьяно всхлипнул, – ну зачем меня понесло в вашу Филадельфию... зачем я продал Родину...

– Ты продал родину? – оживился журналист.

– Да я всю вашу поганую Америку фээсбэшникам продам, – хрюкнул Яр, поудобнее устраиваясь в миске с салатом. – А ты... вот ты бы... вот перед тобой положи сто тысяч баксов – разве не продал бы?

– Не продал бы, – ответил Клайв. – Мне ЦРУ больше обещало.

Засыпая, Яковлев слышал, как Царьков вылез на сцену и горланил, хрипя и задыхаясь, «Катюшу». Пел он ее почему-то на китайском, но мелодия была узнаваема, и какой-то китайский бонза подпевал и пускал слезу...

... Он проснулся, когда перформанс уже закончился. У шестов танцевали молоденькие негритянки. Улыбаясь, они обнажали клыки. Ярослав икнул. Волнами накатывало ощущение чего-то ирреального, иррационального и малопонятного, как иридодиагностика.

– Не знаю, что здесь творится, но надо найти главврача, – сказал он очень громко, но на конце фразы неожиданно для себя понизил голос. Это произошло так же непроизвольно, как сжимается сфинктер, когда... эту мысль Яковлев так и не додумал.

Вышли мулатки и блондинки и стали купаться в чашах с шампанским.

– Пойдем к ним? – азартно предложил Клайв.

– Не-а, – покачал головой Яковлев.

Зубастая блондинка обернулась, подмигнула и обворожительно ему улыбнулась.

4.

Попка у Агаты была ничего, упругая, а сиськи маловаты. Может, вырастут? Тема сисек дочки босса волновала Яковлева в последнее время все больше и больше. Вот кабы к попе Агаты да груди Барбары...

Он сидел, ожидая приема, на деревянной скамье в стиле шале. Да весь коридор клиники был отделан в этом стиле: тяжелые брусья, искусственно состаренные доски дверей, мрачные «средневековые» запоры, камень, идиотские кованые решетки.

Зубы медсестер очень подходили этому антуражу.

Еще вчера Яр потребовал приема у главврача, но принять его соизволил только зам.

– Я попросил вас зайти, – сказал представительный седовласый мужчина, – хотя обычно доктора не общаются с пациентами, оставляя иллюзию обычного курорта... Но я вижу, как вы мучаетесь. О, это бывает: многие наши пациенты ощущают чувство некой опустошенности, тревоги, потери чего-то важного...

– Спасибо, – съязвил Яр, – а то я не заметил.

– Позвольте, я объясню... – вздохнул врач. – Видите ли, вас прислали сюда по личной просьбе президента вашей корпорации. Как подающего надежды ценного кадра.

– Я так и знал, что во всем виноват этот старый жопень, – пробормотал Яковлев по-русски, ибо на ином языке не в силах был выразить всю гамму нахлынувших чувств. Добавив еще два-три слова, он перешел на английский. – И когда закончится это дерьмо?

– После вашего полного выздоровления, – усмехнулся доктор. – Так сказать, после присоединения к большинству...

На беду, Яковлев слишком хорошо знал современную литературу, поэтому дернулся, как на электрическом стуле, а в горло ему вперся тошнотворный ком.

– Ну не в буквальном смысле, что вы так реагируете! – засмеялся доктор. Он подошел к тяжелому английскому секретеру, достал цветные глянцевые брошюры. – Вот, реклама нашего хосписа. Да не дергайтесь так! Хоспис, конечно, исключительно в образном понимании. Здесь создан целый мир для того, чтобы вы с максимальным удобством...

– Я... хочу... главврача! – Яковлев охрип и пучил глаза, как глубоководная рыба.

– У вас неправильные наклонности, – осуждающе заметил доктор. – Я бы на вашем месте хотел какую-нибудь горничную.

– К делу!!! – завыл Яковлев.

– У каждого человека есть рудиментарные органы, доставшиеся нам от предков и не нужные на данном этапе эволюции. Современному человеку они очень мешают... Например, ваша тринадцатилетняя дочь сделает себе лазерную эпиляцию в области бикини, чтобы ее бойфренд...

– У меня нет тринадцатилетней дочери! – заорал Яр.

– Что не отменяет общей необходимости эпиляции, – миролюбиво заметил зам. – И чтобы не было ремиссий, ее навсегда удаляют лазером. Мы же не неандертальцы, чтобы ходить мохнатыми... Вот, например, многие мужчины бреют ноги...

– А я нет!

– А вы нет, – согласился врач. – Но лишние волосы не так мешают, как некоторые органы, которые, воспалившись, могут привести к летальному исходу. Например, аппендикс. Или совесть. Простая человеческая совесть, ненужная и даже опасная в современном мире. Вот для того, чтобы она сдохла максимально безболезненно, мы и проводим здесь некую анестезию. Давно, признаться, пора вырезать ее прямо в роддоме. Некоторые счастливцы рождаются без этого атавизма, но большинству... – доктор вздохнул, – приходится прибегать к своего рода оперативным вмешательствам. Девочки высасывают ее из вашего организма, и вдали от вас она тихо почит с миром... а чтоб вы не мучились в это время, вас развлекают и не дают вспомнить об удаленном рудименте. Своего рода местный наркоз...

– Так «убить совесть» в проспекте – это было не образное выражение?!

– Всем известно, какие порой мучения приходится претерпевать, собственноручно убивая свою совесть, – доктор скорбно покачал головой. – Мы делаем все, чтобы облегчить эту процедуру. У нас лечатся генералы, президенты, звезды, бизнесмены, просто успешные люди... Они играют в казино и кушают в ресторанах, а совесть спокойно помирает в хосписе, вдали от владельца, не напоминая о своем существовании...

– Так вот почему эта сука...

– Ваш босс видит в вас перспективы, а потому и оплатил эту недешевую процедуру. Свою дочь он, кстати, тоже сюда послал. Любит девочку. Согласитесь, мистер Яковлев, ведь совесть часто вам мешает, будто геморрой – разве не так?

– И что мне делать?

– Ждать, пока не сдохнет, – пожал плечами доктор.

5.

– Представляю, какие ты слова на приеме проносил, – засмеялся Клайв, обкатывая на языке эту новость, будто глоток вина.

– Нечленораздельные, – хмуро ответил Яр. – Понимаешь, я чувствую! Я чувствую, как она умирает!

– Да, я тоже что-то такое чувствую, – согласился журналист. – Будто свербит что-то. А может, это в животе урчит. Не сказал бы, что я особо против избавиться от этой штуки, дружище Яр, – потянувшись, он направился в туалет.

Яковлев хмуро глядел ему вслед. Теперь, когда он знал, что не так, он физически чувствовал, как что-то тает и истончается внутри него, вне его, но связанное невидимыми нитями, зовет и кричит: «забери меня!», будто ребенок. «Сиди смирно», – рявкнуло радио, а вырванная и унесенная в укутанные темной подвалы, в залитые светом морги совесть скавучала, как подыхающий щенок...

– Надо найти главврача, – твердо решил он, оглядывая ресторан.

А за столами шумел народ, лилось шампанское, продавались и предавали друг друга политики, бизнесмены. Яковлев лениво жевал спаржу.

– Разрешите? – ковбой в очках выглядел неуместно среди этой блестящей публики. «И чего ему от меня надо?» – с отчаянием подумал Яр.

– А, это вы, – тоскливо промолвил он, жуя безвкусный салат с выражением травоядного. – Не видел, не знаю.

– А что здесь творится, знаете? – клетчатая рубашка подвинулась поближе. – Я видел, вы сегодня были у зама...

– И что? – насторожился Яр.

– Трижды, – вздохнул ковбой и снял очки. Казалось, сейчас он расплачется. – Трижды удаляли. Говорят, неоперабелен. Вырастают метастазы совести и вырастают. Нет шансов вырваться... Да я и не хочу. У меня здесь свои дела.

Он поднялся.

– А что, вы здесь давно? – осторожно спросил Яковлев. – И куда эту совесть потом девают? Продают?

– Нет, не продают – кому она нужна? Свою-то не знаешь, куда девать... Удаляют, как аппендикс. Вырывают с корнем, высасывают и ждуют, пока иссохнет в медицинских колбах. Без совести можно все. Кстати, вы еще не видели моего сына?

– К сожалению, я его не видел! – с раздражением ответил Яр.

«Разбирайтесь сами, – подумал он. – И так проблем хватает. Блин, матери забыл позвонить. Еп, у нее ж вчера день рождения было...»

А все из-за этого козла! Где-то в глубине нарастала злость на любимого босса – ведь это он его сюда упек.

Ладно, сука, подумал Яр, начнем, пожалуй, с твоей целкодочки.

6.

Ярослав властно провел по атласу девичьей (уже нет! уже нет!) кожи и начал с наслаждением крутить сосочки Агаты. Шестнадцатилетняя стервочка морской звездой распласталась на гостиничном сексодроме. Грудь была не ахти: маленькая, незрелая и почти младенческая. Он любил пышные, большие буфера с мягкими розовыми сосками: было в них что-то эдипово. Но в боссовой дочке Яковлева привлекало иное: возможность поиметь чувство власти и удовлетворить жажду мести, отчего он был готов терпеть даже эти незрелые яблочки, такие же зеленые, как и сама колючка-любовница. Впрочем, Агата все равно была прелестна.

– Дай мартини, – потребовала девчонка, и в голосе прозвучали повелительные интонации. Ярослав усмехнулся: наверное, если бы он был сыном своего босса, он бы тоже говорил таким тоном любовнику: мартини со льдом и кофе в постель – марш! Тьфу... Любовнице, разумеется, говорил бы.

Гораздо больше удовольствия, чем секс с подростком, Яковлеву доставляло осознание того, как он наконец-то осмелился сделать что-то в пику боссу и трахнул его гладковыбритую дочку. Почти самого босса, однако!

Радовало и согревало предложение, что девка останется с брюхом, а господин директор с носом: распотрошив его целочку, Яковлев словно говорил: вот тебе за лечебные процедуры!

Агата сладко потянулась и сказала:

– Алло, любимый?

– Да, дорогая, – дежурно ответил Яр, набирая номер телефона. Собственно, смелый он был оттого, что вчера ему пришло предложение с новым местом работы. Естественно, все свои клиентскую базу он собирался сдать новой корпорации.

– Дорогой, – томно произнесла девочка, капризно надувая искусанные губки. – А ты мне дашь денег на аборт?

– У тебя самой нет? – грубо ответило он, натягивая носки.

– Я думала, ты джентльмен, – обиженно заметила она, закутываясь в простыню.

– Да, конечно, – сказал Ярослав, безуспешно борясь с новыми запонками. – Ты, «золотая девочка», так и воспитана: мужчины покупают тебе цветы, оплачивают трехзначные обеды в ресторанах и дают деньги на аборт по первому требованию. Залетела – сама ищи запасной парашют!

Раздалась трель, Яр взял трубку, и хорошо поставленный голос спросил:

– Алло! Это русское ФСБ. Один ваш знакомый общил, что вы очень хотите продать нам американские государственные секреты.

«И какой же олигофрен решил меня подставить таким идиотским способом?» – со скукой подумал Яковлев.

– И вы что таки, консалтинговая компания? – рывкнул он. – И акцент подправьте, – Яр резко швырнул сотовый на кровать.

В это время дочурка босса, решив окончательно испортить утро, начала рыдать.

– Ты бросаешь нас, а он бы звал меня мамой и протягивал ручонки...

– За карманными деньгами, – Яр вспомнил сына, Кевина и поморщился. Сразу вспомнилась и Барбара, черт бы ее побрал – Спасибо-спасибо, одного хватит.

– Но это же убийство! – выдала новый козырь девица, только что, при всех деньгах ее папаши, вымогавшая деньги на аборт. Женская логика!

– А минет – людоедство, – парировал Ярослав. – Давай не будем шизофрениками. Ты полчаса назад одним глотком погубила полмиллиарда потенциальных Яковлевых-младших.

Аргумент возымел свое действие. Маски спали, и Агата захлебнулась от возмущения:

– Это что же, какой-то поганенький сперматозоид – человек?! Без моей яйцеклетки?! Да я и мужиков-то как людей с натяжкой рассматриваю...

С этими словами она, продемонстрировав очередной загадочный виток логики, склонила голову и раскрыла очаровательный ротик. Яр терпеливо дождался, пока она закончит, и натянул туфли. Агата, окончательно обидевшись, начала искать тушь и помаду.

Выходя из номера, Яковлев окончательно осознал, что боссу он отомстил. Но ощущение было такое, будто он только что принял грязевую ванну. Весьма целебную, как уверяли рекламные проспекты казино «Скид-Неппа».

7.

– Ну вот мы и встретились, – удовлетворенно заметил голос, чей владелец был скрыт спинкой кожного кресла, развернутого к стене. Яковлев, перешагнувший порог кабинета доктора Г.-мл., как гласила золотая табличка, чувствовал себя, как в дешевом комиксе, где тень скрывает лицо зеленокожего монстра с десятком щупалец. Вот и кресло, казалось, скрывало что-нибудь невероятно ужасное, например, тараканообразного птеродактиля или живоглощающую росянку. Яр тряхнул головой, отгоняя наваждение. – Вы ведь хотели этого, не так ли? – продолжил доктор странной смесью баса и фальцета, будто у него было, как минимум, две головы и две распахнутые глотки.

Кресло начало медленно разворачиваться. И, хотя Яковлев внутренне себя готовил, он непроизвольно вздрогнул.

– А вы настойчивы, мистер Яковлев, – сказал доктор Г.-мл., скрипя креслом. Яр подумал, что этот скрип

намеренно создан, чтобы действовать ему на нервы. Дверь за спиной легко хлопнула, и Яр снова вздрогнул. Резко обернувшись, он вперился в вошедшего. Клетчатая мятая рубашка и раздолбанные очки придавали Дэвиду вид жалкий и неряшливый. Он был похож на паука с тремя оторванными ходилками.

– Мне надо было догадаться, – процедил Яковлев, но о чем именно ему надо было догадаться, так и осталось неизвестным, потому что кресло, наконец, развернулось. За столом, среди кип бумаг и золотых папье-маше, восседал главврач заведения. Почему-то сомнений в этом у Яра не было.

– Ты?! – поразился он и выронил портфель.

– Я, – пожал плечами мальчишка в кресле. – Да, я главврач этой психушки. А что, мы встречались?

– Что-то вроде того, – пробормотал Ярослав. – Жаль, я тогда не вызвал полицию...

Воистину, это возмездие, подумал он, а еще ему пришло в голову, что на этой морализирующей ноте и следовало бы закончить объяснения, потому что в руках мальчишки появился пистолет.

– Вы, надеюсь, извините меня, мистер Яковлев, но эта мера является вынужденной. Равно как и эти милые девушки.

По обе стороны от Яра материализовались две чудные блондинки, выдвинув клычки.

– Я должен подумать о собственной безопасности после встречи с некоторыми неадекватными типами... Смеем заверить, девушки не только берут анализы, они много чего берут в рот и могут запросто откусить вам ухо или нос. Мой папа, генетик, биохимик и вообще светило мировой науки, так их сконструировал. Это телохранители. Жаль, конечно, что он сам не может никак избавиться от известного нам досадного атавизма... Я-то этим недугом давно не страдаю.

– Ты же молокосос... – изумился Яковлев. От сценки отдавало таким сюрором, что Дали явно столько бы не выжрал.

– Да, но уже в двенадцать лет «Форбс» внес меня в список самых предприимчивых мальцов планеты... А сейчас мне почти четырнадцать. Нет, я не гений! – он протестующе поднял руку, будто кто-то его так называл. – Я вундеркинд. Ну и маленький говнюк по совместительству.

– Увы, это так, – подтвердил Гольдман-старший. – Я пытался воспитывать, но он меня не слушает... Но я же отец, понимаете? Отец! Как я могу предать моего мальчика, даже если он...

– Распоследнее дерьмо, – процедил Яковлев, стискивая кулаки. Холеные ногти, розовые, наманикюрные, остро впились в бархат ладоней.

– Та-ак, – протянул он. – И какой тебе со всего этого гешефт, биоотход abortированный?

– Вы не поверите, дяденька: я хочу спасти мир! Я хочу избавить его от пережитков прошлого!

Яр неожиданно для себя расхохотался.

– Тут материала для диссертаций на целый институт психопатологов хватит. Меня не покидает

ощущение, что я оказался в дешевом мультике, где столкнулись суперзлодей и супергерой...

– Но вы не супергерой, – улыбнулся мальчишка. – Вы чмо, мистер Яковлев, и к тому же ссыкун.

Яковлев стоял и обтекал, потому что, как ни крути, это было правда. И почему он не вызвал тогда полицию!..

– Ты, маленькая гнида, да я тебя...

Не замечая впившихся в него когтей и зубов боевых блондинок, Яр бросился через стол и пропахал, обламывая ногти, широкие борозды по столешнице, пока его оттащивали от вундеркинда. Наконец его швырнули на пол, руки скрутили за спиной.

– Да-а, – прошептал он, сплевывая кровавый сгусток. Темные капли дрожали на высоком ворсе ковра. – Мало же тебя в детстве пороли... Жаль, Царьков тебя, падаль, недовы...

– Царьков идиот, – резко ответил Гольдберг-младший. – Не зная механизма распространения инфекции совести, он в меня трижды заливал эту гадость. А у меня иммунитет. Проблевался – и живу. Как говорят у вас, в России, по усам текло, а в рот не попало, – жестко завершил он.

Гольдберг в ковбойской рубашке виновато развел руками:

– Действительно, совесть можно влить только в предрасположенного к тому человека...

– Ладно, скажи мне другое, умник: почему меня так коробит ее отсутствие, если она тихо себе умирает? Сегодня с Ага... Ага, сегодня мне было совсем хреново.

– А, это всплеск остаточных модуляций. Проще говоря, агония вашей совести, – пояснил мальчишка. – Скоро все будет кончено. Идите и получайте удовольствие. Вы и не заметите, как совесть ваша почит в мире.

Джуниор Гольдберг притворно всхлипнул. Глаза же смотрели жестко и пристально.

– Ты, маленький выродок! – рванул Яр.

– Папаня, это к тебе претензия, – скучающе ответил молокосос.

Дэвид-ковбой смущенно потер очки.

– Да, наверно, воспитание...

Яковлев отмахнулся. Его гораздо больше интересовали не проблемы поколений в семье Гольдбергов, а личные заморочки. Очень ему представлялось неправильным, чтобы это маленькое ничтожество, которое в детстве недопороли ремнем, указывало ему, как жить дальше.

Но, похоже, у этого головастика все было просчитано на десять ходов вперед.

– Предупреждая ваши резонные предположения, замечу: я действительно недоносок, и на кафель в роддоме меня роняли. А чтобы ваша совесть поскорее оставила сей бранный мир, вот вам новость.

Ярослав взял протянутый факс и начал читать. По спине пробежали мурашки.

– Неужели...

– Вы изнасиловали несовершеннолетнюю, – усмехнулся доктор Г. В его глазах дымкой плыло не-

скрываемое удовольствие. – Трахнули ребенка. Она соврала вам – ей всего четырнадцать, ха-ха. По всем признакам, вы – ничтожное, гадкое существо. Педо... прошу прощения, я не смею произносить это грубое слово. Я ведь очень благовоспитанный мальчик. А вы – подлец и мерзавец, и совесть ваша, сами понимаете, на грани исчезновения. Вам светит от трех до десяти лет тюрьмы, мистер. А еще папаша Агаты, как это явствует из факси-ми-и-ильного сообщения, – с удовольствием протянул уродец, – лично пообещал вам отрезать яйца. Если, конечно, вы не женитесь на этой мисс. А вы не женитесь, потому что Барбара не даст вам развода без приличных алиментов. А нищий неудачник – плохой зять.

– Оххх... – выдохнул Яр и скорчился, как от удара в живот.

– Разобрались бы вы со своими женщинами, Ярослав, – доверительно сказал Джуниор. – Кстати, ваши мисс и миссис уже прошли курс лечения и готовятся к выписке. Им у нас понравилось.

– Что за дети пошли... – прошептал Яр. – К черту политкорректность... Душить их надо, смывать в унитазе...

– Ха-ха-ха-ха-ха! – откликнулся Джуниор, и его физиономия расцвела ухмылкой. – Скажите это в нашем помешанном на доброте обществе. Разве вы не знаете, что юный террорист – несчастная лапочка, а литературный инфантицид – лучший способ вызвать сочувствие читателя? Детей убивать нельзя!

– Но некоторых – надо... – процедил Яковлев.

– А не получится, – широко улыбнулся Гольдберг, вылез из-за стола и залепил Ярославу по почкам.

– Что же мне делать?! – полупровыл, полупростонал Яр, корчась на полу не столько от синяков и кровоподтеков, сколько от ощущения загнанности в тупике. – Что же мне...

– Отдыхайте! – гостеприимно улыбнулся доктор Г.

8.

Вечером он долго думал над тем, что сделала Агата. Эта штучка проявила-таки всю свою скрытую женскую сущность, или, точнее, сучность, и поймела его, как дятел – дуб. Яр мрачно думал о том, сколько операций сделала дочка любимого босса. Решил поиграть с невинностью... Придурок.

Наконец он принял решение. Собственно, если выбирать между тюрьмой и Агатой, естественно, выбор будет не в пользу двора для одиночных прогулок. Тем более что он давно собирался это сделать...

Он вышел в коридор, посоветоваться с Клайвом. Наверняка он в своей журналистской практике встречал подобные случаи и мог бы чего-нибудь посоветовать... Дверь в триста тридцатый оказалась заперта. По коридору официант прокатил тележку с поздним ужином, слегка поклонился мистеру Яковлеву.

...Ночью, балконами, дрожая в легкой рубашке от холода и взрывов адреналина, он пробрался к номеру супруги. Дверь в летнюю ночь была распахнута

настежь, под ветром колыхалась тончайшая органза: паре на ложе было жарко. Он прикрыл один глаз, чтобы не сильно видеть, как жена царапает спину дружище Клайву, и осторожно, ступая по-кошачьи, двинулся в гостиную.

В сексе Барбара была самозабвенна. Яр хорошо знал это – так же, как и то, что шифры и пароли Барбара подбирала идиотские: дата рождения или Ярослава, или их сына. соответственно, сейчас, после ссоры и накануне развода, умница Барби не станет использовать данные ненавистного мужа. Варианты? Ха! Ярослав скользнул к сейфу и на мгновение замер, похолодев: когда же день рождения Кевина?.. Записная книжка оказалась в кармане. Выдохнув, Яр сосчитал до десяти и быстро нашел нужную страницу. Набрал шифр замка. Достал документы.

Она еще на паперти со своим отродьем стоять будет..

Выскользнув в августовскую прохладу балкона, Яковлев испытал неимоверное облегчение. Будто пронесло после долгого и крепкого запора, а вместе с геморроем высрал окончательно остатки совести.

9.

Мама говорила что-то осуждающее, и он ударил ее кулаком. Сестра плакала. Он на нее плюнул. «Выбросил на ветер еще двадцать крейцеров!», – кричал он. Бабушка читала ему Гауфа. Он обозвал ее дурой.

Надо только сына шлепнуть... Где ремень? В руках Яра почему-то оказалась снайперская винтовка. Напротив стоял Сальвадор Дали и рисовал их семейный портрет. «Тебе надо заняться ипсацией, Ярослав», – сказал мастер проникновенно. Яр кивал и методично давил на курок. «Кузнечик, – говорил Дали, – кузнечик». Яр лежал на балконе и целился в Гольдберга-младшего. Лицо у него было Кевина.

Он стоял на берегу озера из белого светящегося молока.

«Сгущенка», – подумал Яр и кинул гранату.

– Папа!.. – орал Кевин. – Па-а-апа-а!..

... Яр проснулся в холодном поту.

– Да что же я...

Он вызвал горничную, и та улыбалась, не разжимая губ, пока убирала мокрые от пота простыни и стелила новые. И он-то знал, что прячется за надутыми шприцем губами.

«Дурной сон. Это всего лишь дурной сон».

Почти ничего не беспокоило, и от этого тело холодящим вакуумом. Изнутри его будто высеребрили инеем. И лишь на периферии билось эфирное издыхающее существо, светозарная субстанция, частичка его самого – ненужная, вопящая, требующая, уставшая...

Стиснув зубы, он набрал номер Дэвида Гольдберга.

– Скажите, Дэвид, вы можете что-нибудь сделать с сыном? Срочно? Усыпить его?..

– Он почти не спит.

– Задержать?

– Он предельно подозрителен. Вы все-таки решили бежать? Не думаю, что в этом есть смысл, – в

голосе Гольдберга скользнула грусть. – Вас и так скоро отпустят.

– Я хочу ее вернуть.

– Кого? Жену?

– Дэвид, вы же гений, а не идиот. Совесь.

В трубке некоторое время царил молчание.

– Напою его горячим молоком.

На этот раз помолчал Яр.

– И?..

– Побеседую с ним, как отец с сыном. О подростковых комплексах, о взрослении... О девочках.

– Давно пора! – рявкнул Яр и начал лихорадочно собираться.

Выйдя из номера, он прошел к номеру Клайва и постучал.

– Оуа, – ответил, высунувшись, растрепанный журналист. Скулы его сводило зевотой. «Утомился, бедняга», – зло подумал Яковлев, но задуманное было важнее.

Наскоро изложив суть, он вопросительно уставился на журналиста. Тот тер глаза и пытался свихнуть себе челюсть.

– А кстати, тебе звонили из ФСБ? – наконец спросил он ни к селу, ни к городу. – А то я слышал, тебя подозревали в шпионаже. А ты бы мне интервью дал... Мне так нужна сейчас хорошая сенсация!

– Вот гад, – с изумлением уставился на него Яковлев.

– Яр, дружище...

– Дружище?! Так это ты, что ли, му... А, хрен с тобой.

Развернувшись, Яр быстро пошел к лифту.

– Ну мне сенсация была нужна, понимаешь?! – возопил Клайв. – Я не виноват! Мне было надо! Стой, Яр, погоди!.. Погоди, дружище! Нет, ну совесь-то у тебя есть?!

10.

Это было собрание самых уважаемых сердец в радиусе двадцати часов пути. Вспомнив, откуда на ум пришла незваная цитата, Яковлев подавил желание нервно захихикать.

О нет, не сердец. Светящаяся субстанция дрожала в неровном свете лунным морем, разлитым по чашам магистров колдовских наук. Молочная ласка лизала стенки сосудов, где-то еще вспыхивая живыми огоньками, а где-то оседая мутным осадком – уже, уже...

Колбочки со светящимся содержимым рядами уходили в тени противоположной стены. Многие, заметил Яр, высохли до дна, и только на стенках застыл белый налет. Другие были полны и спокойны, в третьих жидкость ходила волнами и периодически взрывалась маленьким штормом: волны шли внахлест, бились о стенки стеклянной темницы, пытались вырваться и, рванувшись в агонии, опалили... Стеллажи уходили вдаль, в даль этой странной помеси винного погреба и провинциального морга. У каждой колбы тускло блестела металлическая табличка.

Здесь тихонько и практически безболезненно совершалось таинство смерти чего-то эфирного и неуловимого, что, однако же, ощутимо мешает в человеческой жизни – а пользы и удовольствия, в общем-то, не приносит.

Так какого же, думал Яковлев, я сюда прусь?!

Все-таки полезно иногда быть слишком начитанным в старинной литературе. А может, и вредно.

Шаря почти наощупь, он медленно продвигался вдоль рядов к теням, скрывающим дальние углы. Яр слышал, как гулко бьется сердце. Что он будет делать со своей совестью, Яковлев еще не придумал. Но, как собаке на сене, это малонужное ему сокровище отдавать какому-то паршивцу с иностранной фамилией было жалко. Сделав еще шаг в сторону теней, увидев свою фамилию, коснувшись заветной колбы, Ярослав краем глаза заметил шевеление, и тут же его слуха коснулся осторожный шорох. Сердце ухнуло в пятки. Яковлев задохнулся. Там, в глубине, стоял Царьков и дрожащими руками перебирал склянки с ярлыками.

– Где ты... где ты...

Яковлев с жалостью смотрел на Николая и уже заранее знал ответ: высохла, испарилась. Все, кончилось твое время, дружище Ник. Откатался, Вася. Пока Царьков ощущает еще фантомную боль потери, но скоро смирится и почувствует, что жизнь – хороша... Но насколько же совестлив был Николай, чтобы и сейчас, с исчезнувшей, испарившейся напрочь совестью, чувствовать неправильность происходящего?! Яковлев поразился, кто же упек Царькова в этот экспериментальный концлагерь.

Может, сопартийцы, желающие вырастить нормального кандидата в президенты? Коллеги по кабинету директоров? Жена и дети, движимые благими побуждениями? Всхлипывая, Царьков дрожал и пошатывался.

– Где же она, – бормотал он. – Ну где же она?! – и слезы текли по его лицу.

И тут Яковлева осенило. Он кинулся со своей колбой к Царькову, прижал стеклянное горлышко к пересохшим губам:

– Глотай!.. Глотай, кому говорю!

Тряс его и тряс, с подбородка собирая оброненные капли и запихивая их в рот Царькова, чтобы не потерять ни капли. Тот судорожно глотал, а потом настойчиво отстранил Яра:

– Хватит... хватит! Себе... оставь... Она саморазвивающаяся, как вирус... Я и мальчишке хотел залить... а еще по жопе его...

Он прикрыл глаза. Яр поднялся – в склянке еще оставалось почти половина.

От входа донесся озлобленный вопль. Так мог бы вопить птеродактиль, которому оттоптали крыло в московском метрополитене.

Яр оглянулся и почувствовал себя героем дурацкого фильма об авантюристах-контрабандистах, похищающих золотой запас чокнутых людоедов.

В зал влетела, хищно оглядывая стеллажи, хорошо знакомая Яковлеву мелкая мразь. В руке дитя сжима-

ло порножурнал – видимо, отец все-таки провел с отпрыском воспитательную беседу.

Но свобода чужой совести от пережитков прошлого интересовала мальчишку пока что больше, чем голые тети. «Я в тринадцать...» – эту ценную мысль Яковлев додумать не успел.

– Стой, пациент!

Яковлев усмехнулся, победоносно сжимая склянку с растворенной луной.

За спиной мальчишки виновато разводил руками Дэвид, там же маячил и папарацци: ну конечно, как он мог пропустить... Небось сразу метнулся докладывать... «Совести у тебя нет, дружище», – подумал Яковлев и, зажмурившись, запрокинул голову.

– Анихрина! – рявкнул он, поднимая, как факел, колбу с трепещущей совестью.

Что-то свистнуло – камень? пуля? – и он еще успел подумать, что с пола слизывать будет... но тут все закончилось, и тепло разлилось по горлу, желудку, душе. Яковлев открыл глаза и увидел, что щенок промахнулся: импровизированный сюрисен из порножурнала смахнул соседние склянки, сочащиеся теперь белесыми слезами. Струйки стекали на пол, но свою совесть Яковлев уже выпил. «Хорошо, лизать не придется», – с облегчением подумал он.

Маленький звереныш метнулся, растопырив тыкалки, но сзади его за штаны поймал отец и, наверное, впервые в жизни хорошо приложил тяжелой ковбойской ладонью. Взлохмаченный очкарик в клетчатой ковбойской рубашке цепко держал щенка и победоносно оглядывал стеллажи с умирающими эссенциями.

– Бей их! – крикнул Царьков и первый обрушил удар на стеллажи.

Горло немного жгло, и Яр закашлялся. Кружилась голова и он стоял минут пять, опершись о стойку, а потом сел прямо на пол, пока более стойкий к воздействию эманаций совести Николай бил и бил под вопли доктора Гольдмана-младшего склянки, наполненные светом. Посыпалось, разбиваясь, стекло, жидкость разливалась, образовывая водопады, каскады и водовороты, растекалась змейками и утекала куда-то сквозь незримые щели.

– К хозяевам ползет, – любовно пробормотал Царьков.

Гольдман-младший взвыл вырванным из задницы и растоптанным глистом: то есть, по мнению Ярослава, именно так мог бы визжать растоптанный глист, лишенный самого ценного в собственной жизни – темного теплого спокойного туннеля, полного уюта, жратвы и уверенности в завтрашнем дне.

Царьков помог подняться, и Яр, шатаясь, пошел к выходу, мимоходом стряхнув еще несколько стеллажей. Ковбой-очкарик показал им большой палец. Его сынуля визжал, как резаный, потом затих.

– Сюда просто так не попадают, – прошипел он вслед Царькову и Яковлеву. – Только Царькова к нам по ошибке привезли! Слышишь?! Только Царькова! Сюда попадают неизлечимо больные, те, совесть кого

уже невозможно спасти! Это хоспис для неизлечимо больных! Вернись! Она все равно умрет!..

Не оглядываясь, Яр поднимался по каменным ступенькам в стиле шале.

Эпитафия

Сентябрьским утром, среди дуновений эфира и тусклых отсветов рекламы в лучах пробуждающего солнца, шел молодой человек приятной наружности, шел, разбрызгивая легкими ботинками зеркальные отражения небес. «Двойной агент, – усмехался он себе. – Я – двойной агент! Я умен, хитер и мудер!» Он чувствовал себя Джеймсом Бондом, и от мальчишеских взмахов его портфеля воробьи разлетались в разные стороны.

Он поработал на «S. T. Y. – Incorporated», поработал достаточно, чтобы украсть у них клиентскую базу, и теперь спешил отпраздновать это событие с тестем и Агатой. Клайву он сегодня слил дезу: сказал, что сенатор Курт заподозрен в шпионаже в пользу Северной Кореи... Клайв скушал как миленький и сейчас, наверное, атакует сенатора: а тот либо пока еще недоумевает, либо уже негодует, а может быть, и взбешен... Такая миленькая шуточка, возможно, положит конец карьере дружищи Клайва...

Немного жаль, конечно, что Царькова прокатили с выборами в России. Но он слишком мягкотел, слишком... А был бы неплохой крышей для их международного бизнеса.

Яковлев шел, напевая, и, казалось, весь мир ложится под ноги. Весь мир, который изо дня в день, тихо, тайно, исподтишка убивает в нас совесть – медленно и незаметно. Мир-хоспис для неизлечимо больных агонизирующим атавизмом, который вполне успешно и без оперативного вмешательства истребляется традиционными немедикаментозными средствами: рекламой, гламуром, тельцом, наживой.

Вот только зря он все-таки ушел от вундеркинда Гольдберга. Все-таки его совести пришлось умирать в страшных мучениях. Он, конечно, мужественно терпел, но сожаление о дурацком побеге нет-нет, да и закрадывалось в череп.

Все-таки лечебные грязи «Скид-Неппа» существенно облегчают процесс.

И тем не менее – эпилог

– ... Вернись! Она все равно умрет! – вопило, надрываясь, маленькое гнусное существо, которое мало воспитывали в детстве.

– А мы противоядие найдем! – весело ответил Царьков. – Мало ли что неизлечимо... Мозги свои лечи, вундеркинд!

Не оглядываясь, Яр поднимался по каменным ступенькам в стиле шале.

Юний ГОРБУНОВ

ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для биобиблиографического словаря)

Г

ГИППИУС Аделаида Эдуардовна (1858 — ?), авт. воспоминаний.

Выпускница Петербургской консерватории (1876). «Памяти А.Г.Рубинштейна. По поводу десятилетия его кончины». М., 1904; «Что говорил Рубинштейн на уроках. Страницы из "Дневника" ученицы Петербургской консерватории» (пер. с нем.). – в кн. «На уроках Антона Рубинштейна». М.-Л., 1964. С.33-59. Венгеров. Источ.; ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6474-6475.

ГИППИУС Александра Карловна (урожд. Ренненкампф; ? — 1897), дет. писательница.

В 1862 году дебютировала книгой рассказов «Нептун». Сотр. в журн. «Задуманное слово». Затем эти произв. составили сб. «Город и деревня» (СПб., 1879) и «Три рассказа для детей» (СПб., 1885). В первый сб. вошел и ром. для детей «Ида». Критика выделяла ее «занимат. рассказ» «Кот Васька», написанный с использ. мотивов сказки Ш.Перро «Кот в сапогах».

Русские писатели.

ГИППИУС Анна Николаевна (1872 – 1942), писательница.

Врач.. Сестра З.Н.Гиппиус (см). Практиковала на Кавказе и в СПб. В 1920 эвакуировалась в Константинополь, затем переехала в Париж, где впервые под псевд. Анна Гиз опубликовала кн. «Св. Тихон Задонский». (Париж, 1927). Участвовала в церковно-общественной жизни русской колонии. Писала стихи и прозу. Несколькo ее рассказов были напечатаны в парижских изданиях, в т. ч. очерк «Обитель Соловецкая». Умерла на улице от недоедания во время немецкой оккупации.

Алексеев А.Д.; ЛЗР.

ГИППИУС Елена Борисовна

(См. Чернова, Е.Б.)

ГИППИУС Зинаида Николаевна (в замуж. Мережковская; псевд. Антон Крайний; Роман Аренский; 1869 — 1945), поэтесса, лит. критик, прозаик, драматург.

Род. в г. Белеве Тульской губ. Отец Г. — юрист из обрусевшей немецкой семьи Адольфуса фон Гингста, переименовавшего фамилию на фон Гиппиус; мать, урожд. Степанова, — родом из Сибири, дочь екатеринбургского полицмейстера. Училась в классической гимназии в Москве, но в основном образование было домашним. С дет. лет писала «тайные» дневники и стихи, навеянные Надсоном, одновременно увлекалась музыкой, танцами, живописью и верховой ездой. В 1889-м вышла замуж за Д.С.Мережковского, с которым прожила 52 года, ни разу не расставаясь. Первая поэтич. публикация — два стихотворения в «Северном вестнике» (1888. № 12). В Петербурге Г. сразу заняла заметное место среди «старших символистов», группирующихся вокруг журнала «Сев. вестн.» Здесь были напечатаны ее скандальные стихи с такими строками: «Люблю я себя, как Бога» или «Мне нужно то, чего нет на свете». В 1904 и 1910-м гг. выходят первое и второе «Собрания стихов» Г. Лирический герой ее стихов лишен характерных примет «женской поэзии» (многое у Г. написано от мужского лица, подписано псевдонимами «Антон Крайний», «Лев Пуцзин», «Товарищ Герман», она и одеваться любила в мужское), их отличает холодно-страстная сдержанность. В то же время Г. — безусловный мастер, «безукоризненно» владеющий формой и техникой стиха. В 1896-м появился первый сб. ее рассказов — «Новые люди». В начале века Г. сотр. в журн. «Мир искусства», а затем — «Новый путь», являясь ведущим критиком (подписывается псевдонимом Антон Крайний). Статьи Г. отличает культурная утонченность, острое критич. чутье, полемич. страстность, а также высокомерие и насмешливость. Г. принадлежит первая известная ст. о С.Есенине

Начало в №1, 2005. Продолжение на стр. 35

Последний рейс в осень

Воскресное утро в городском парке выдалось молчаливым и задумчивым. Ни шороха ветерка, ни птичьего щебета, будто затянувшаяся минута молчания накрыла пространство невидимым куполом. Легкая, почти незаметная дымка скрадывала очертания дальних деревьев и кустов, привнося свою толику нереальности в изученный Виктором до трещинки на асфальте сквер. Несмотря на полный штиль, было свежо и прохладно. На кряжистой дубовой ветке, тяжелой аркой накрывавшей желто-красную аллею, сидел глухарь.

Птицу Виктор заметил случайно. В то утро он проснулся слишком рано, проснулся плохо – от неприятной, какой-то липкой боли в груди. На сердце Виктор никогда не жаловался, да и на прочие хвори тоже, поэтому был неприятно удивлен произошедшим. Проснувшись, он долго лежал, выжидая, когда боль уйдет. Потом, умывшись, быстро оделся и вышел на улицу.

Он медленно прогуливался в одиночестве вокруг памятника Махатме Ганди, пытаясь вспомнить имя слабо знакомого врача, – все-таки проверить следовало. И когда имя уже вертелось на кончике языка, что-то темное шевельнулось над одной из трех аллей, начинавших свой бег от каменного истукана. Первая мысль – «кошка», оказалась ошибочна: Виктора буравил немигающий взгляд рептилии. Именно это моментально почувствовал человек, и еще он буквально ощутил прорву веков, разделявших его и черный круглый глаз под ярко-красной «бровью». И только после этого он увидел крупную черно-коричневую птицу, а потом память услужливо подсказала – глухарь. Хотя, возможно, все произошло с точностью до наоборот. В любом случае, факт оставался фактом: на ветке сидел глухарь.

Виктор заворожено, не отрываясь, смотрел на неизвестно как оказавшуюся в центре не проснувшегося города лесную птицу. Словно и вправду в реальности появилась прореха, сквозь которую в

обыденность сочли чудеса. Глухарь отвернулся, втянул голову и, казалось, совсем позабыл о существовании человека.

– Что ж ты не на токовище, красавец? – еле слышно спросил Виктор, легкая улыбка тронула губы.

Еще немного понаблюдав за птицей, он осторожно, стараясь не шуметь, развернулся на каблучках. Чудеса продолжались.

Совсем рядом с ним стоял невысокий пожилой человек в желтом парусиновом плаще и широкополой шляпе времен бутлегеров. Морщинистое, будто печеная картошка, лицо его было обращено к загадочной птице. Виктора едва успела посетить мысль, как же старику удалось бесшумно подобраться так близко, как тот заговорил.

– Осень часто преподносит сюрпризы, молодой человек, – произнес незнакомец так, будто они с Виктором уже давно вели неторопливую беседу.

– Может быть, – отстраненно отозвался Виктор и настороженно встретил чуть озорной взгляд желто-коричневых, словно опавшая листва, глаз.

– Поверьте мне, уж я-то знаю, – сказал старик.

Он приветственно приподнял шляпу, обнажив «ежик» пепельных волос. И больше ничего не сказав, пошел прочь от Виктора и глухаря.

Молодой человек долго смотрел ему вслед, а когда обернулся к птице, той уже не было.

В то утро все приходили и уходили бесшумно и без предупреждения.

А через месяц заявила зима, и Виктор совсем забыл о глухаре и чудаковатом старике.

* * *

Они встретились вновь через полгода в Гайд-парке – зеленом острове в самом центре Сиднея. Была весна, точнее – осень, в тех краях все с ног на голову.

Стоял солнечный, по-весеннему теплый денек, несмотря на то, что в календарях царствовал май.

Александр Варский родился в 1975 году. Проживает в Казахстане, г. Алматы. Окончил Алматинский технологический институт, инженер-экономист. Служил в вооруженных силах Республики Казахстан. Сменил множество профессий. Seriously писать начал с 1997 года. Написал около 10 небольших рассказов и выпустил самиздатом сборник «Притчи о людях» (Алматы, 2001 г.). На данный момент имеет более двух десятков публикаций в журналах, газетах, сборниках в Казахстане, России, США, Канаде.

С утра Виктор побродил по Австралийскому музею, отдал честь памятнику капитану Куку и решил передохнуть. Повезло, попалась незанятая скамейка. Он присел и стал лениво листать журнал. С его страниц улыбались знакомые, но далекие лица фотомоделей и голливудских кумиров. Под их искусственными взглядами становилось холодно. Но дело было, скорее всего, даже не в этом. Диагноз подтвердился. За неделю до командировки врач онкологической клиники молча кивнул на невысказанный вопрос. Потом уже посыпалась речь о возможностях и шансах. Виктор пропустил тогда все мимо ушей, оглушенный новостью. Подозрения, родившиеся зимой, стали реальностью, и с ней еще предстояло научиться жить. Вернее, доживать. Виктор закрыл журнал и бросил его на деревянную скамью.

Полуприкрыв веки, он попытался смотреть на солнце сквозь плетенку ресниц. Глаза выдержали не более трех секунд. Виктор зажмурился. Часто заморгал, пытаясь изгнать пляшущих зеленоватых солнечных бесов, не желающих покидать новое жилище.

Пальмы и эвкалипты едва слышно шелестели в ответ на приставания ветра. На ветке одного из стройных красавцев прикорнул серый пушистик коала. Он смешно уткнулся профессорским лбом в рифленую поверхность ствола, маленькие ладошки совсем по-детски, будто за игрушку, хватались за дерево. Виктор пожалел, что не взял фотоаппарат. Вот так, выпадает, может, последний раз в жизни командировка в другой мир, а ты не готов, не во всеоружии. Начнешь потом рассказывать о спящем сумчатом медвежонке, и никто не услышит. А стоит только показать фото, как тут же разговор возникнет не на одну сигарету.

До начала конференции оставалось еще добрых два часа, и Виктор был очень рад этой маленькой возможности ощутить настоящее блаженство ничегонеделания, позволявшее, пусть ненадолго, изгнать грустные мысли. Жаль только, что заседание заберет весь остаток дня. А когда в улицы Сиднея опустится небо, чтобы переждать ночь, город уже не будет таким, как сейчас. Он станет загадочным незнакомым зверем, холодным, эффектным, соблазняющим. А вот таким – простым и теплым – он уже не будет. Утром аэропорт украдет все ощущения, оставив только путевые заметки.

– Экскьюз ми, вуд ю майнд иф ай сит хир? – раздалось совсем рядом.

Еще только поворачивая голову в сторону неожиданного вопроса, Виктор отчетливо понял, кого сейчас увидит. Перед глазами вспыхнул образ пожилого седовласого человека в длиннополой шляпе и желтом парусиновом плаще.

Правда, сегодня он был облачен в клетчатый твидовый пиджак, серые в тон штаны и британское кепи. На ногах красовались не самые подходящие

к образу зеленые кеды. Волосы старика заметно отросли и теперь слегка курчавились.

– С... садитесь, пожалуйста, – Виктор слегка запнулся, не зная, на каком языке ответить старому знакомцу.

– О, мой друг! Очень рад! Как поживаете? – старик протянул руку и искренне улыбнулся. – Вот уж не знаешь, где встретишь, где потеряешь...

– Да уж... – смущенно пробормотал Виктор, пожимая твердую ладонь.

– По делам или на отдых?

– Дела... Командировка... Конференция.

– Наверняка что-то связанное с инновационными технологиями и прочими премудрыми штучками?

Виктор кивнул.

– А вы?..

– А я вот какое-то время только и делаю, что отдыхаю. Однажды приходит время, когда уже ничего не нужно делать. Можно. Но не нужно. Для меня это – осень.

– Понимаю, – пробормотал Виктор, лишь бы не выглядеть невежливым молчуном.

– Несомненно. Постепенно, – старик усмехнулся и резко поднялся. – Ну, не буду вам мешать. Осень хорошее время для принятия важных решений.

И как будто бы их разговор никогда и не происходил, старик неспешной походкой направился к фонтану в центре парка.

Через пару часов размеренное течение конференции от докладчика к докладчику стерло из памяти Виктора дневную встречу.

* * *

В Венгрию Виктор попал случайно. Хотелось развеяться от мрачных мыслей. Прогнозы врачей были все хуже с каждым походом в больницу. От всеобщей жалости окружающих накатила страшная усталость, чуть-чуть, и Виктор скатился бы в самую черную депрессию, откуда уж лучше сразу на погост. Как вдруг, в одно субботнее утро, раздался телефонный звонок, и приятный девичий голос сообщил, что полгода назад купленный лотерейный билет выиграл турпутевку в Венгрию. Да не просто так, а на Международный фестиваль вина и шампанского. «Хоть что-то напоследок», – грустно подумал Виктор, принимая из рук представителя турфирмы билеты и путевку.

Начало сентября выдалось теплым, но не душным. Воздух был напоен свежестью и легким винным ароматом. Впрочем, казалось, что все в Будапеште дышало вином. Его подчас наливали прямо на улицах и совершенно бесплатно. Виктор уже отведал три бокала в разных местах Буды и несколько повеселел. Он брел в сумерках, ни о чем не думая первый раз за этот год. Гид с забавным именем Жюльет утром сказал, что любому уважающему себя человеку необходимо посетить Лаби-

ринт под Будайской крепостью и отведать вина из винных фонтанов короля Матиаса. Именно туда, время от времени сверяясь с картой и встречными горожанами, направлялся Виктор.

Только вот никто не предупредил его, что после шести часов вечера в Лабиринте отключают свет. Служитель принял из рук Виктора плату и вручил взамен керосиновую лампу. После чего бесшумно исчез из виду.

Виктор пожал плечами и двинулся в темноту. Сверху постоянно капала вода, под ногами что-то хлюпало, где-то далеко играла странная отрешенная музыка, от которой неприятно холодело в груди. Через какое-то время Виктор услышал журчание воды, а следом почуял запах вина. Молодой человек прибавил шаг.

У четырехгранного, увитого виноградом столба, на каждой грани которого был расположен кран, истекающий темной жидкостью, наполнявшей пространство терпким ароматом, стоял человек, бокал в его руках искрился в неровном свете керосинок.

– Добрый вечер, – негромко произнес он и добавил: – Вот и вы.

Виктор приподнял лампу на уровень глаз, пытаясь рассмотреть говорившего. Перед ним был его старый знакомый, если можно так сказать о человеке, которого видишь третий раз в жизни.

– Добрый вечер, – чуть удивленно ответил Виктор.

– Не догадались захватить бокал? – спросил старик. – Впрочем, не беда. Я захватил запасной. Всякое может случиться. Стекло имеет свойство биться. Или вот встретишь хорошего человека. Отчего не выпить с таким?

Он подмигнул и подставил свободный бокал под винную струю.

Вино оказалось неплохим, и, перед тем как покинуть Лабиринт, они еще раз наполнили бокалы. После зябкости подземелья было приятно вновь окунуться в теплое море осеннего вечера. Старик предложил пройти до ближайшего ресторанчика и там поужинать. Отказываться не хотелось. Отчего-то Виктор ощущал симпатию к знакомому незнакомцу. Так, с бокалами в руках они и шли, разговаривая о винах, о женщинах, о религии. Беседа нравилась Виктору, на душе стало легко, он даже и не заметил, что напрочь забыл о болезни.

Устроившись за крепким буковым столом в небольшом тихом ресторанчике, они заказали паприкаш и гусиную печенку, а к ним токайское «шесть корзинок». Просто Виктору понравилось название.

Старик достал трубку и кисет, не торопясь, с чувством, забил табак и задымил, как заправский морской волк с картинок из детства Виктора.

– В последнее время я стал часто задумываться, – зачем я живу, – произнес старик, выдув несколько сизых колечек. – Когда-то было интересно, а теперь... только и радости, что вот, к примеру, сегодня могу выпить «Токайского нектара». Вы зна-

ете, у венгров даже в гимне есть пара слов об этом добром напитке. Хотя сейчас не об этом.

Виктор смотрел на собеседника и улыбался, не очень-то вслушиваясь в его речи.

– Так вот начал я задумываться. А коли задумываешься, то что-то там вверху щелкает и ласково так подталкивает тебя... если не к ответу, то к выбору. Не беспокойтесь, я не стану изливать вам душу. Моя душа в потемках, пусть там и остается, – старик усмехнулся, глядя прямо в глаза Виктору.

Виктор смутился и забормотал, отводя взгляд:

– Нет, нет. Правда, мне очень...

– Что? – прервал его старик. – Интересно? Кхм. Тем более не буду. Мне показалось, что вы меня не слушаете. Вы только скажите, я перестану.

Он добродушно рассмеялся.

– Ну, право слово, что ж вы так смущаетесь? Я ведь не лектор, а вы не студиозус, чтобы слушать меня внимательно, – и вдруг, словно напрочь стерев весь предыдущий разговор, серьезно спросил: – Думаете, мы с вами случайно встречаемся то там, то сям?

Он дожидаясь ответа, покачал головой.

– Это кто-то свыше мне вас посылает. Или, быть может, меня – вам. И знаете что? Если вы перестанете думать, что оказались заложником у старого болтуна, клянусь, вы не пожалеете.

* * *

– Давным-давно одна женщина сделала мне бесценный подарок. Благодаря ей я сейчас разговариваю с вами. Я не знаю, что случилось с ней. После мы никогда больше не виделись. Сколько я ни наводил справок, какие только детективные агентства ни подключал, все без толку. Она просто растворилась в безграничном космосе бытия. А я бы очень хотел ее найти. Но суть даже не в этом. Я устал. Уже давно жизнь для меня потеряла всю свою остроту. Именно поэтому, молодой человек, сегодня я хочу предложить вам свой главный капитал, – старик замолчал, позволяя задать вопрос.

– Какой? – Виктор принял правила игры.

– Осень. Всю осень этого мира. Если вы примете мой подарок, сможете тратить ее на свое усмотрение.

– Я не совсем понимаю...

– У вас ведь рак? Сколько врачи вам отмерили? – старик внимательно в упор смотрел на Виктора.

– Откуда?... – комок подкатил к горлу, внезапно все очарование вечера словно испарилось, вернув мрачные мысли.

– Не важно. Я прав? Сколько? – с нажимом спросил старик.

Виктор хотел вскочить, возмутиться, но вместо этого тихо произнес:

– Три месяца.

– Боли уже начались?

– Несколько дней назад я мечтал умереть.

– Успеете. Я могу подарить вам время, – он вновь замолчал, дав собеседнику осознать сказанное.

– Вы дьявол? – спросил Виктор первое, что пришло в голову, видимо, вино действовало сильнее, чем казалось.

– Глупости. Я такой же человек, как и вы. И точно так же умирал лет триста назад, но, как видите, не умер. Та женщина подарила мне жизнь. Даже больше, чем одну.

– Если это правда, зачем же вы?..

– Отдаю? Надоело. К тому же я не уверен, что если вы согласитесь, моя осень закончится. Хочу проверить. Ну а если я не прав, возможно, где-то по ту сторону я встречу мою благодетельницу.

– Тогда в чем же подвох?

– Подвох лишь в том, что не знаю, как вы, а я не люблю осень. А ничего другого просто не дано. Одно маленькое условие – живите сколько угодно, но только там, где осень. Едва вы покинете ее владения, контракт или договор, или называйте, как хотите, теряет силу. Так мне сказала она. И я ни разу не решился его нарушить. И не беспокойтесь, осень никогда не совпадает с календарями. Со временем вы научитесь ощущать ее границы.

Он допил вино. Поставил бокал на стол. Поднялся и сказал:

– Вы подумайте. Если решитесь, я это пойму. Расстояние не важно. Во времени я вас не ограничиваю.

Собеседники почти одновременно усмехнулись сказанному.

– Я подумаю. Спасибо, – сказал Виктор уже вслед идущему к выходу старику.

Тот обернулся в дверях и помахал шляпой.

– Верить мне не обязательно. Ответите себе «да», получите время, – сказал он и вышел.

* * *

Осень кончалась. Воздух был пропитан холодной декабрьской сыростью. Виктор стоял на балконе и смотрел в ночь. Сквозь огни города, сверкание звезд, мимо молочного лунного блина, словно пытаюсь высмотреть в ткани вселенной ответ на мучивший каждый день вопрос. И сегодня была последняя возможность сделать выбор.

За спиной, в комнате, на журнальном столике лежал вскрытый конверт заказного письма, рядом примостились авиабилет и этикетка с бутылки «Токайского нектара». Куда летит самолет, Виктор даже не посмотрел. Направление могло быть только одно – осень.

(Аренский Р. Земля и камень \\ Голос жизни. Пг., 1915. 22 апр.). В это время Г. – признанный “мэтр” в литературе. Квартира Мережковских – один из центров лит. и религ.-философ. жизни. Вместе с хозяевами здесь царят В.В.Розанов и Минский, Бердяев и Сологуб, П.С.Соловьева и З.А.Венгерова и еще Д.В.Философов, с которым у Г. много лет связано мучительное личное чувство. В 1908-м под псевд. Антон Крайний выходит “Лит. дневник” Г., во бравший ее лит.-критич. статьи (переиздан изд. АГРАФ в 2000 г.). Эпизодически Г. обращается к драматич. опытам: пьесы “Маков цвет”, “Зеленое кольцо”. Прозаич. наследие Г. художественно неравноценно: наряду с отдельными удачами, большая часть ее произв. страдает откровенной небрежностью в исполнении. В 1911 г. Г. публ. первую часть трилогии – “Чертова кукла” – попытку идеологич. романа с галереей “обществ. типов”. Вторая часть – “Очарование истины” – осталась незаконченной; третья – “Роман-царевич” – вышла в 1913 г. Окт. рев. Г. восприняла резко враждебно. Это отношение отражено в сб. “Последние стихи. 1914-1918”. В 1920 г. Мережковские нелегально переходят русско-польскую границу и живут в Париже. В их квартире на ул. Колонель Бонне был своего рода лит. салон. В 1927 супруги создали общество «Зеленая лампа», собиравшее цвет «русского Парижа». За границей выходят “Стихи. Дневник 1911-1921” (Б., 1922) и стих. сб. “Сияние” (Париж, 1939), а также мемуары “Живые лица” (т.1-2, Прага, 1925). Ценную часть наследия Г. составляют ее дневники и письма. Последние годы жизни Г. посв. работе над кн. “Дмитрий Мережковский” (Париж, 1951; не окончена) и поэмой «Последний круг (И новый Дант в аду)» («Возрождение». 1968. № 198). Много воспоминаний Г. напечатано в газетах, журналах и сборниках русского зарубежья: Возрождение, Последние новости и др. парижских изданиях.

Русские писатели (портр); КЛЭ; Писатели рус. зарубежья (портр); Масанов; Кн. рус. зарубежья; ЛЗР; Алексеев А.Д.; Розанов; РРЭВД. 1-4.

ГИРГАС Любовь Федоровна, авт. воспоминаний.

Закончила Смольный институт. Сотр. в “Рус. старине” (1888. № 12) – ***. Оставила записки о Смольном институте и его начальнице М.П.Леонтьевой: «Статс-дама Мария Павловна Леонтьева». Киев, 1895.

Масанов.

ГИРРА Мария Павловна

Сост. учебников итал. языка. Препод. Моск. высших жен. курсов (1913).

Венгеров. Источ.

ГИРШ Любовь Исааковна

(См. Аксельрод Л.И.)

ГИРШМАН Генриетта Леопольдовна (урожд. Леон; 1885 – 1970), авт. воспоминаний.

Меценатка. Жена В.О.Гиршмана, моск. фабриканта и коллекционера. “Мои воспоминания о В.А.Серове”. – В кн. “Валентин Серов в воспоминаниях, дневниках и переписке современников” Т.2. Л., 1971. С.324-344.

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6267.

ГИТОВИЧ Нина Ильинична, литературовед.

Лит. наслед. Сибири.

ГЛАГОЛЕВА А.

Пер. “Листки из дневника Александра Петэфи”. – “Вестн. Евр.”, 1910. № 4.

ГЛАГОЛЕВА Александра Александровна (1882 – 1963), авт. воспоминаний.

Педагог. Дочь А.Н. и Е.М.Глаголевых. Авт. воспоминаний в лит. записи Е.А.Рахмановой в кн. “А.С.Голубкина”. М., 1983. С.188-193 (пребывание скульптора в доме Глаголевых. Личность Голубкиной).

ИДРДВ. Т.5. Ч.2. Ук.им.

Продолжение на стр. 39

Время подключения

Николай смотрел в кухонное окно, как дочь выскакивает из подъезда и тотчас, прыгнув в сторону, делает кувырок через голову, одновременно стреляя по кому-то, кого не было видно из-за угла дома. Она лёгкая и гибкая, как кошка... а он, как видите, уже давно отстрелил брюшко и нет-нет, да и обнаруживал в причёске седые волосы.

Дочь, отстреливаясь на бегу, одним прыжком перемахнула через густые кусты акации и исчезла из виду. Метрах в пятидесяти в сторону молодой худощавый папаша лет тридцати, укрывшись за коляской со спящим младенцем, отстреливался длинными очередями.

Похоже, он вёл огневую дуэль одновременно с тремя противниками. Младенец казался Николаю свёртком небесно-голубого атласа с тёмным пятнышком лица и яркой точкой кружочка соски.

Николай вздохнул и отвернулся. В ухе пропищал телефон. Николай неохотно пробурчал:

– Связь.

– Папа! Ты меня дождись! – ворвался в ухо запыхавшийся голос дочери. – Без меня не подключайся!

– Дождусь-дождусь, – ворчливо сказал Николай, водя пальцем по белой поверхности кухонного стола. – Трёх суток ещё не прошло.

– Сегодня в десять как раз будет! – с укоризной зашебетала дочь. – Ну, чего ты боишься, стыдно в наше время ходить с таким старьём! Вон, дядя Саша старше тебя на двадцать лет, и то подключился, а ты всё, как дряхлый дед, ворчишь и ворчишь...

– Ладно, дочь, не выводите меня из себя... подключился же!

– Ага! Пока я тебе всю шею не переела. Я уже всем подружкам рассказала, что у тебя новенькая модель... они такие все: «А он же не будет в MW играть!» – а я такая: «Подумаешь, Mobile War!.. У него художественные таланты!» – а они мне...

– Хватит-хватит... Ты, как там, отстрелялась? Всех убила или кто ещё остался?

– А я сейчас за мусорными баками сижу, они меня не видят.

– Нашла где сидеть! Выйди немедленно! Не хватало ещё, чтобы тебе на башку дрянью всякую накидали!

– Ага... сейчас! У меня уже двести восемьдесят три убитых... Ой, попёрли! Папка, я отключаюсь, пока!

В ухе пискнуло. Отбой.

– Вот теперь и ты тоже будешь за помойкой отсиживаться... – пробормотал Николай, с неприязнью листая инструкцию, сделанную, видимо, для таких, как он – непрошибаемых ретроградов – в виде яркой книжечки. На страницах оживали картинки, объясняющие ту или иную функцию. Николай перевёл языковой режим инструкции на русский, и в ухе тотчас забормотал весёлый голосок, немного похожий на голос дочери:

– Вас приветствует сотовая компания «Jumbo-Jump»! Благодарим вас за то, что вы остановили свой выбор...

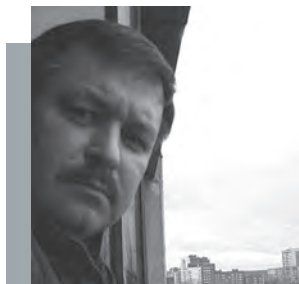
– Ещё бы не остановить, – хмыкнул Николай, – все уши прожужжала... весь год от неё покоя не было!

– ...на связи нового поколения, разработанной лучшими специалистами нашей компании... – затараторила девушка-инструктор, умолкнувшая было, когда Николай выражал свой скепсис.

На станице запульсировала надпись: «Нет ответов на Ваш комментарий» – и потускнев, исчезла. Николай вдруг вспомнил, с какой неприязнью принял отец все эти говорящие и показывающие книжки... и как безумно радовался маленький Коля, когда в четвёртом классе мама подарила ему самую первую такую книгу «Сполох-десант против ниндзя Эмира-отступника». Перевод был некачественный, но картинки яркие и сочные. Русский сполох-десант крошил в капусту уродливых и злобных ниндзя. Дополнительными бонусами можно было обновлять главы – «мыльная опера», как однажды непонятно выразился отец...

«Я становлюсь таким же, как и он, – подумал Николай. – Однако... однако я же всё-таки подключился!»

На часах была половина одиннадцатого. До возвращения дочери было ещё три часа. Николай покурив на пыльной лоджии, глядя на привычный двор с тремя

Хиснуллин Александр Семёнович – родился в 1959 г. в г. Озёрске Челябинской области. Окончил Московский инженерно-физический институт (МИФИ). Работал научным сотрудником в разных НИИ, в сфере рекламы, на телевидении и в политике – в команде одного из депутатов Госдумы.

Из напечатанного пока только небольшая миниатюра, опубликованная в Москве в микросборнике тиражом 100 экземпляров.

Живёт в Екатеринбурге.

чахлыми берёзками и купой густого кустарника акации, прорезанной дорожками, по которым сновал разнообразный люд.

Детишки носились как угорелые, и их визгливые голоса, похоже, хотели просверлить череп насквозь. Неподалёку пара девчонок, видимо, уже заслуживших статус снайперов, укрывшись за трансформаторной будкой, с серьёзными, почти задумчивыми лицами обстреливали кого-то на улице.

Из подъезда напротив вышел небритый и взъерошенный дядя Саша. Он постоял, осматриваясь, и начал делать пассы руками. По его физиономии гуляла блудливая ухмылка.

Николай хотел было крикнуть, мол, – ау, дядя Саша, – опять голых девок разглядываем? Но передумал и вернулся в кухню. Внезапно захотелось поскорее со всем этим покончить. Он вынул из уха горошину телефона и аккуратно положил её в коробочку, где уже покоился контейнер с линзами-проекторами. Устаревшая технология...

Три дня назад он потел от волнения в офисе сотовой компании, дожидаясь своей очереди. С неприязнью он отметил, что в приемной парились лишь опрятные старушки и совсем уж зелёный молодняк, едва-едва достигнувший заветного двенадцатилетнего возраста. Несколько девчонок, похоже, сбежали прямо из-за стола с именинным пирогом. Наверное, он действительно уже пересидел, оттягивая до последнего момента покупку нового сотового. На работе он уже не раз выслушивал разные ехидные замечания. Впрочем, в офисе с ним работали в основном молодые дамочки-разведёнки, явно положившие на него глаз. Ещё бы! Хороший специалист, грамотный собеседник... немного старомодный вдовец... выгодная партия! Поэтому шуточки были, как правило, кокетливыми и беззлобными.

Ну, зато теперь он станет «как все».

Чёрт, самое нелюбимое выражение его отца...

Весёлый доктор зажал его голову в мягкие, но неумолимые лапки захватов. Рассказывая бородатый анекдот своей ассистентке, он постучал по клавиатуре и привычно вгляделся в экран за спиной Николая.

– Ну, всё в норме! – почти пропел он. – Сейчас баиньки, через десять минут подъём, потом три дня нетерпеливого ожидания – и привет! Поздравляем вас с присоединением к миллионам счастливых пользователей компании.

Николай хотел было сказать, что если бы не дочь, то его вполне устраивал и старый сотик... но мгновенно провалился в прохладную черноту...

А теперь пришло время.

Время Подключения.

Николай осторожно пощупал то место на голове, где три дня назад был введён коллоидный раствор сотового коммуникатора... и ничего не обнаружил.

– Научились, – вздохнул он. – Даже следа не чувствуется.

Глядя на страничку ввода системы в действие, он вдохнул глубже воздух и продиктовал код идентификации...

***

Ну, положим, особой разницы Николай пока не почувствовал. Без привычной горошинки в ухе было как-то неуютно, но звук теперь был более мягким, а изображение, проецируемое ранее на линзы, а теперь непосредственно в толстенький жгутик глазного нерва, показалось чересчур ярким и раздражающим. Система управления была практически той же, что и у старого телефона, и Николай отрегулировал цвета и объём. Он быстренько пробежался по сети, наугад прокрутив несколько роликов. Закрывшись в туалете при выключенном свете, проверил и отрегулировал систему ночного видения.

Всё было неплохо. Привычно, во всяком случае...

Оставалось самое главное. То, что он интуитивно оттягивал, откладывал на последний момент...

На кой чёрт было, спрашивается, убивать полчаса на банальную систему 3D Virtual Conference, да ещё и с демо-собеседниками? Да ещё и с различными системами речевого перевода. Нет, действительно, видимо, отцовская неприязнь к новизне передалась ему с генами...

Такие, как он, последними переходили с кремниевых ножей на обсидиановые... с этих чёртовых пирамид на потайные гробницы... с гусиных перьев на первые компьютеры... с автомобилей на слайдеры...

Думать о том, как коллоид выпускает тонкие ниточки коммуникационных каналов, похожих на ветвящиеся микроскопические корни... думать о том, как спокойно и неумолимо вживляется в тебя нечто чужое, принадлежавшее как ему, так и компании «Jumbo-Jump» – это было... это было... как-то не по себе.

Неужели он боится? Боится ЧЕГО?! Добрая половина мира пользуется Virtual Life! И небо не упало на землю, и Иисус не пришёл, чтобы одесную посадить малую толику праведников, ввергнув остальных в геенну огненную, где смерть и глад, и муки вечные...

Жаль, что он бросил курить...

– Активировать Virtual... – он откашлялся... о, Господи, с этого момента дороги назад уже не было. – Активировать Virtual Life!

***

Странно... в первые две-три секунды ничего не произошло, и Николай уже собирался повторить команду. Потом под нежные такты «Remember me» вкрадчивый голосок поприветствовал его и предложил начать работу. В полном соответствии с законом, голосок начал перечислять всевозможные ограничения, и Николай терпеливо подтвердил все пункты.

Итак, с чего-то надо было начинать...

Николай постеснялся выйти на улицу. Первым делом он начал с простейшего – перекрасил стены квартиры. Точнее, «наклеил» на них обои из числа предлагаемых в сэмплах. Вышло как-то аляповато. Тогда он вытащил из памяти личного архива собственные фото и заклеил все стены зимними пейзажами, снятыми года три назад, когда они с дочерью выбрались-таки на природу.

Подойдя поближе, он провёл рукой по стене. Конечно, видно было, что «обои» существуют лишь в его воображении. Вспомнилось, как дядя Саша взахлёб говорил ему, как сделал из соседки голую Мэрилин Монро, качнув для этого пиратскую программу.

– Понимаешь, старик, – рассказывал дядя Саша, дыша перегаром, – метров с десяти не отличишь! Ближе, правда, мощи не хватает... изображение расплывается, в пиксели уходит. У меня же простенький сотик. А так – обрисовываешь свою старую каргу под молоденькую певичку, и занимайся с ней любовью, пока не надоест. Там, глядишь, другую нарисуешь. Хочешь попробовать? А-а-а... да ты же у нас не продвинутый... хе-хе-хе...

До таких степеней внутренней свободы Николай ещё не дошёл, но аватару – то бишь то, каким он будет видиться пользователям Virtual Life – он выбрал достаточно скромную. Порывшись в сэмплах, он отыскал образ крепкого сполох-десантника с седыми висками и прищуром внимательных глаз стального цвета. Поглядев на свои движения со стороны, он остался доволен. Всё лучше, чем в жизни. Хе-хе-хе, как говаривал дядя Саша, наверняка всё ещё меняющийся мир, стоя у своего подъезда в застиранной футболке, спортивных мешковатых штанах и расшлёпанных тапочках.

Николай наконец-то рискнул выйти во двор. Дядя Саша узнал его по всплывающему над головой пользователя идентификатору.

– Подключился, значит, – удовлетворённо сказал он. Сам дядя Саша выглядел как подгулявший гусар с лихо заломленным на затылок кивером. – Ты, Колян, тактильные ощущения включил уже? А то у меня программка есть... на халяву такого нащупаешься!..

– Погоди пока... дай освоиться, – рассеянно ответил Николай, меняя цвет неба на зелёный. Дом он раскрасил в гранитные тона. Форму предметов, естественно, менять было нельзя, но то, что получилось, всё-таки смахивало на старинный замок. Порывшись в памяти, Николай добавил из сэмплов мшистые лишайники, и родной дом тотчас приобрёл вид археологического памятника.

Мимо протащился небольшой двуногий ящер, волоча за собой хвост. Идентификатор показал, что это соседский пацан лет тринадцати, который как-то, играя в войну, сверзился среди ночи с трансформаторной будки и орал так, что уши закладывало.

С тактильными ощущениями особой возни, – вопреки опасениям Николая, – не возникло. Потрогав

висящую в воздухе китайскую музейную вазу, он насладился её реальностью, прохладным совершенством фарфоровой поверхности и, небрежно убрав артефакт, на скорую руку перебрал несколько картин Сальвадора Дали. Картины на ощупь оказались шершавыми. Оказывается, каждый мазок на полотне существовал ещё и в третьем измерении... о чём, собственно говоря, Николай мог бы догадаться и сам.

Дядя Саша задремал, откинувшись на скамейке. Кивер каким-то чудом держался на его голове. Николай поморщился и отключил транслирование аватар. Дядя Саша возник перед ним во всей своей красе, а у пацана-ящера на задку светлых шортиков проявилось жирное пятно.

Николай превратил берёзы в пальмы, потом обратно в берёзы и увесил ветки драгоценностями из каталога Tiffany. Получилось очень мило.

Поглядев по сторонам и убедившись, что за ним никто не наблюдает, Николай подошёл к углу дома и осторожно активировал режим Mobile War, выбрав в качестве оружия довольно тяжёлую штурмовую винтовку с оптическим прицелом. В соответствии с опцией «Contra Omne» он начинал охоту на всех пользователей игры... и соответственно, будучи врагом всем.

Маячки-указатели, плавно перемещавшиеся в воздухе, показывали, что ближайшие противники находятся недалеко от стоянки слайдеров. Пока Николай пытался нащупать кого-либо в оптический прицел, он отметил, что противник тоже обнаружил его. Маячки замерли и через некоторое время осторожно и вкрадчиво стали смещаться вправо. Прокативший мимо автобус показал, что в нём тоже есть враг... но увидеть его Николай не успел.

Внезапно он получил несильный, но вполне ощутимый подзатыльник! На долю секунды всё вокруг окрасилось красным. Одновременно кольнуло шею, правое предплечье и спину, под правой лопаткой.

Николай присел от неожиданности. Винтовка исчезла из рук.

На какое-то жуткое мгновение он подумал: «Всё! Сбой системы! Я – инвалид!!» – но перед глазами возникло сакраментальное GAME OVER!

– Подстрелили! – пробормотал Николай и, кряхтя, разогнулся.

Обернувшись, он увидел в окне четвёртого этажа торжествующую Елену Борисовну Ролейникову, потрясающую десантным автоматом. Через секунду она радостно задышала ему в ухо:

– Привет, Коля! А я смотрю, ты тут руками машешь... ну, думаю, подключился всё-таки! Вот точно он сейчас режим MW опробует. Ну, взяла тебя на мушку и дала форы. Думаю, заметит он меня или не заметит? Тебе, как новичку, маячки пользователей в течение месяца положены... а ты даже и не огляделся! Вот и получи первую плюху. Я в тебя четыре пули всадила! Знаешь, своего первого киллера на всю жизнь запоминают!

– Ты сняла с меня пыльцу невинности, – криво усмехаясь, сказал Николай.

– А то заходи в гости, у меня сегодня грибы с картошкой!

– Ладно, позвоню вечером, – пообещал Николай, машинально поглаживая затылок. – Ловко ты мне засадила... даже больно. Ну, пока!

– Неженка! – хихикнула Елена Борисовна и отключилась.

Николай помахал ей рукой и поплёлся к своему подъезду.

«Пираты, – подумалось ему. – Эти чёртовы пираты. Если лицензионные программы таковы, то что же творится на чёрном рынке? «Садо-робот», «Вырви глаZZ!», «Дави их медленно», «Кровь & кишки», «Бордель m-le Fanny»... В офисе, посмеиваясь, дамочки шептались о том, что виртуальный секс не в пример интереснее реального... ну, это пустая бабья болтовня, – даже пираты не могут охватить всё многообразие тактильных чувств при занятии любовью... Что же так беспокоит меня? Почему на душе как-то нехорошо? Прикольно, спору нет... пусть лучше бегают и прыгают, чем, как мой отец, постоянно сидевший у монитора... а по воскресеньям – пейнтбол и пиво-водка...

Внезапно ему захотелось куда-нибудь на озеро... порыбачить.

Ладно, освоюсь с сотиком и в ближайшие выходные вытащу дочь из парка Game Land... пусть посмотрит на настоящую рыбу, поболтает ногами в воде...

Впрочем, фигушки! Дорого, чёрт возьми, дорого... а ему ещё три года кредит за подключение выплачивать...

Ладно, сделаем озеро прямо в квартире. Пусть немного отдохнёт от своего виртуального мира... хм... конечно, тоже в виртуальном, но зато – папином... хе-хе-хе...

Николай перезвонил дочери, попросил её скинуть ему её личную раскраску и убранство квартиры. Дочь отмахнулась было, но после отеческого внушения всё-таки выполнила просьбу. Николай, поморщившись, оглядел безумство девчачьего крикливого кича и вернул квартире истинный вид, повесив, правда, несколько картин Рафаэля Санти на стену. Пусть смотрит. Это тебе не анимэ и не рокеры. Ишь, повесила...

Озеро! Сегодня же вечером озеро и рыбалка! И никаких войн!

Вздыхнув, он полез в сэмплы на поиски нужных образов.

ГЛАГОЛЕВА Евгения Михайловна, авт. воспоминаний.

Жена А.Н.Глаголева; друг скульптора А.С.Голубкиной. Авт. воспоминаний в записи А.А.Глаголевой в кн. "А.С.Голубкина" М., 1983. С.135-137 (1879-1903. Приезд в Зарайск с мужем – преп. матем. реального училища. Дружба с семьей Голубкиных. Переезд в Москву. Преп. Голубкиной в Моск. коммерч. училище).

ИДРДВ. Т.5. Ч.2. Ук. им.

ГЛАГОЛЕВА Л.В.

Авт. кн. о преподавании арифметики (СПб., 1910). Венгеров. Источ.

ГЛАГОЛЕВА Ольга И., авт. воспоминаний.

Друг семьи А.А.Костюшко-Валюжанина, члена РСДРП. "Антон Антонович Костюшко-Валюжанин: (Воспоминания)". – "Былое", 1906. № 5. С.273-277.

ИДРДВ. Т.4. Ч.2. № 2683.

ГЛАГОЛЕВА Татьяна Матвеевна (псевд.: Глаголев, Т.; Смельский, Г.Вл.; Чурмянис, Н.К.; 1885 – ?), педагог, журналистка.

Преп. рус. лит. на СПб. высш. жен. курсах. Род. в Варшаве, дочь корпусн. врача. Авт. кн. "Ломоносов как гражданин". Воронеж, 1915. Авт. ст. "Раб, эллин и жрец. Бенедиктов, Щербина, Фет"... – "Рус. Мысль", 1917. № 2. Сotr. в "Сев.-Зап. слове" (1912. № 121); "Дне" (1913-14).

Масанов; Венгеров. Источ.

ГЛАГОЛЕВА Юлия, писательница.

Эмигрировала в Китай. Авт. кн. рассказов «Жар-птица в изгнании». Шанхай, «Слово», 1937. Впоследствии жила на о. Ява.

ЛЗР; Алексеев А.Д.; Хисамутдинов.

ГЛАГОЛЕВА-АРКАДЬЕВА Александра Андреевна (1884 – 1945), авт. научных и научно-популярных статей.

Физик, проф. МГУ, доктор физико-математич. наук. Род. в с. Товаркове Тульской обл. Окончила Московские высшие женские курсы (физико-математич. фак.). Авт. научных работ по рентгеностереометрии (1920), о новом методе получения кратчайших электрич. волн, т.н. массовом излучателе и др., а также авт. научно-популярных работ: статьи о Фарадее в Большой медицинской энцикл, т. 33 (1936); «От волн Герца к световым» – «Физика в школе», 1938. № 5-6; «А.Г.Столетов. К 100-летию со дня рождения» – там же. 1939. № 4 и др. См.: Волкова К.А. А.А.Глаголева-Аркадьева. Биограф. Очерк. М., 1947 (портр).

ГЛАГОЛЕВА-ДАНИНИ С.М.

Авт. брошюры по истории Франции (СПб., 1912). Авт. ст. "К истории сеньории в Дофинэ в XV111 веке" (сб. в честь Н.И.Кареева. Петроград, 1914).

Венгеров. Источ.

ГЛАДКАЯ А.Н.

Авт. "Отрывка из дел сороковых годов" (СПб., 1877).

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГЛАДКОБОРОВОДА Анна Ивановна (1893 – 1943), писательница.

О ней: Писатели и поэты Архангельской области. Архангельск, 1962.

Мацуев.

ГЛАДКОВА Екатерина Ивановна

Сост. кн. "Занятия в приятные часы" (СПб., 1822), посвятив ее имп. Марии Федоровне. О ней: Геннади. Словарь. 1. С.218.

Слов. рус. писательниц; Венгеров. Источ.

ГЛАДКОВА Елена Михайловна (псевд. Гем), писательница.

Авт. рассказа "Верблюд Ката" (М., 1930).

Масанов.

Продолжение на стр. 44

Выход на орбиту

Компания NBC Universal Global Networks (NBCU) объявляет о запуске новых сериалов на каналах SCI FI и Universal

29 мая прошлого года компания NBC Universal Global Networks объявила о начале вещания своих ведущих телеканалов в России – Universal Channel и SCI FI.

Компания NBC Universal Global Networks является частью NBC Universal, одного из лидеров среди средств массовой информации и компаний индустрии развлечений, занимающихся разработкой, созданием и маркетингом развлекательных, новостных и информационных программ во всем мире. Компания владеет и управляет такими телевизионными каналами, как SCI FI, 13th STREET, Studio Universal, Universal Channel и Das Vierte за пределами США.

После того, как NBC Universal приобрела компанию Sparrowhawk Media в октябре 2007 года, Universal Global Networks добавила в свое портфолио телевизионных брэндов такие международные (неамериканские) каналы, как Hallmark Channels, Movies 24, Diva TV, а также долю Sparrowhawk в канале KidsCo. В общей сложности эти телеканалы имеют аудиторию 130 миллионов домов в Европе, на Ближнем Востоке, Африке, Австралии, Азии и Латинской Америке. Владельцами NBC Universal являются General Electric (80%) и Vivendi (20%).

Канал SCI FI («Сай-Фай») работает под девизом «Место, где живет воображение» и посвящен научной фантастике, фэнтэзи и всему сверхъестественному. Разнообразная программная сетка включает различные сериалы и фильмы от эпических фэнтэзи и приключений супергероев до заставляющих задуматься футуристических драм.

Канал Universal предлагает зрителям «мир захватывающих развлечений» от одной из самых больших голливудских студий. Это место для умных и увлекательных развлекательных программ, где чередуются голливудские блокбастеры и самые успешные сериалы со всего мира.

Оба канала ведут вещание на базе цифровой платформы НТВ-Плюс, они предоставляют своим телезрителям возможность смотреть самые лучшие научно-фантастические и развлекательные программы, сериалы и блокбастеры от таких известных производителей, как NBC Universal, CBS Paramount и BBC.

Руководит каналами, полностью переведенными на русский язык, Колин МакЛеод, генеральный ди-

ректор NBC Universal Global Networks в Центральной и Восточной Европе.

За развитие телеканалов в России отвечает новое московское представительство во главе с генеральным директором по России Салихат Магадовой и менеджером по маркетингу Аллой Прохоровой.

В мае 2008 года компания NBC Universal Global Networks выступила официальным спонсором фестиваля фантастики «Аэлита», оказав тем самым существенную поддержку старейшему российскому конвенту фантастики. Уже после проведения фестиваля наши корреспонденты задали несколько вопросов генеральному директору NBC Universal по России Салихат Магадовой о том, как будет строиться деятельность канала SCI FI, который так интересен всем любителям фантастики нашей страны.

«Уральский следопыт»: Россия – страна нескольких часовых поясов. Как будет строиться время вещания в разных регионах России и в разных часовых поясах?

NBC Universal Global Networks: Наш спутник охватывает Россию до Урала – зрители могут смотреть наши каналы с одно- или двухчасовой разницей.

УС: В России, к сожалению, нет специального телеканала, посвященного фантастике, но кинофантастику очень любят, смотрят много и очень хорошо относятся именно к американской кинофантастике как к самой многочисленной в мире по имеющемуся количеству фильмов. Однако фантастические фильмы за всю историю кинематографа снимали не только в США. В связи с этим вопрос – будут ли фильмы и программы, транслируемые по каналу SCI FI, чисто американскими или планируется показ фильмов других стран, в частности, российских? Ведь есть масса зрителей, которым интересны, так сказать, «мировые исторические вехи» развития этого жанра.

NBCUGN: Мы всегда находимся в поисках хорошего контента, который заинтересует наших зрителей. Если в будущем будет такая возможность и мы обнаружим, что научно-популярная продукция из России или других стран отвечает требованиям брэнда SCI FI и способна привлечь зрителя, то мы будем в ней заинтересованы.

УС: Для телеканала SCI FI, как нам представляется, достаточно интересным могло бы быть постоянное сотрудничество с изданиями, продвигающими фантастику в регионах России, в частности, с таким, пожалуй, единственным, вне Москвы и Санкт-Петербурга, круп-

ным периодическим изданием, регулярно публикующим фантастику, как журнал «Уральский следопыт». Каковы планы по сотрудничеству с конвентами фантастики и периодическими изданиями в регионах России, в частности, с продолжением сотрудничества с «Аэлитой», возникшей в своё время как раз на базе журнала «Уральский следопыт»?

NBCUGN: В этом году мы присутствовали на фестивале «Аэлита». Это было очень важной платформой для распространения осведомленности о каналах среди поклонников научной фантастики. Мы надеемся продолжить работу с ними и с «Уральским следопытом» в будущем.

УС: В продолжение предыдущего вопроса хотелось бы спросить вот о чём. Конвент фантастики «Аэлита» – место, где присутствует большое количество уже состоявшихся и начинающих писателей-фантастов. В журнале «Уральский следопыт» публикуется много молодых, перспективных авторов. Эти люди могут быть интересными в смысле поставки материалов для сценариев новых фантастических фильмов и идей различных передач. Рассматривает ли руководство телеканала SCI FI возможность сотрудничества в данной области?

NBCUGN: Мы всегда заинтересованы в продукции мирового качества, которая соответствует бренду Sci Fi и привлекает зрителя. Если среди представляемого материала будут по-настоящему качественные работы, то сотрудничество не только возможно, но и состоится.

Предлагаем вниманию читателей информацию о двух новых сериалах, выпускаемых на экраны компанией NBC Universal Global Networks.

Sanctuary – «Убежище»

Сериал «Убежище» поведает зрителям об увлекательных приключениях красивой, загадочной и удивительной женщины-доктора Хелен Магнус (Аманда Таппинг\ Amanda Tapping, Stargate SG-1), о ее коллеге докторе Уилл Циммерман (Робин Данн\ Robin Dunne, Dawson's Creek), а также о ее бесстрашной дочери Эшли (Emilie Ullerup, jPod). Вместе они изучают тех странных и иногда пугающих созданий, которые тайно населяют нашу планету и живут среди нас.

Хотя их существование отрицают, считая их чудовищными порождениями нашего воображения и предметами детских кошмаров, Магнус узнает, что мир

полон ошибок и триумфов природы и впечатляющих доказательств того, что они действительно являются реальными.

Уилл – способный психоаналитик, «повернут» на изучении странных и любопытных явлений. Он с неохотой присоединяется к команде, чтобы помочь изучать существ, в которых он сам с трудом верит. Все вместе – Магнус, Уилл, Эшли и странноватый технический гений Генри – используют уникальное сочетание интуиции, медицинских знаний, передовые технологии, чтобы отыскивать создания, которые скрываются в уголках нашей цивилизации, и защитить нас от тех из них, которые слишком опасны на свободе.

Также в сериале снимаются Кристофер Хейердал в роли злодея Джона Друитта (Stargate Atlantis) и Райан Роббинс в роли Генри Фосса (Battlestar Galactica)

Этот сериал гордо носит титул пионера в новых технологиях в телепродукции.

«Убежище» – один из немногих сериалов, которые снимают в основном на зеленом фоне, с дальнейшим

использованием потрясающих визуальных эффектов и виртуальных декораций. Кроме того, это единственный сериал в Северной Америке, который снимают так называемой «Красной камерой» (Red camera) – цифровая система, которая записывает изображения с разрешением в четыре раза больше, чем у обычной камеры с высоким разрешением. В результате ни один другой сериал не сравнится с «Убежищем» по качеству картинки!

Съемочная команда сериала имеет за плечами большой опыт, например, съемки сериалов Stargate SG-1 и Stargate Atlantis. В команду входят исполняющий продюсер, писатель и создатель сюжета Дамиан Киндлер, исполняющий продюсер и исполнительница главной роли Аманда Таппинг, исполняющий продюсер и режиссер Мартин Вуд. Кроме того, в команду входит Сэм Эган (Jeremiah, The Outer Limits) в качестве исполняющего продюсера и сценариста, а также Джон Смит и Кит Биди в качестве исполняющих продюсеров

Flashpoint – «Горячая точка»

Жанр сериала «Горячая точка» можно определить как сплав криминала, драмы и триллера. Он повествует про отряд стратегического реагирования (ОСР), особую команду полицейских. Это элита, «голубая кровь» силовых подразделений. Они выделяются из общей массы благодаря неповторимому сочетанию смертельного оружия и человеческих навыков: мускулов и интуиции. Они всегда и везде стоят на страже закона. В этом подразделении ставки очень высоки и жизни полицейских всегда под прицелом. В этом суть их работы.

Бойцы команды ОСР освобождают заложников, арестовывают бандитов, обезвреживают бомбы, штурмуют отвесные стены зданий, видят сквозь стены

и отговаривают подростков от самоубийств. Команда использует уникальное оборудование – снайперские винтовки, гибкие камеры, роботов, световые гранаты, приборы ночного видения и электрошоки. Но технические примочки – это не главное; самое важное оружие в их арсенале – это человеческая интуиция, дар всегда находить нужные слова и правильно читать человеческие эмоции. Каждый член команды отлично подготовлен в ведении переговоров, выявлении точек воздействия и способах достучаться до истинных мыслей субъекта.

Эд Лэйн и Грегори Паркер являются центром притяжения всей команды. Это два совершенно разных человека, но они не столько противоположны, сколько дополняют друг друга.

Захватывающий сериал «Горячая точка» показывает людей, способных постоянно проявлять героизм на службе, но при этом не лишённых простых человеческих качеств. В конце трудового дня они спешат домой, неся на себе груз увиденного за день и того, что им пришлось делать. Они не всегда имеют силы усмирить демонов, живущих в потайных комнатах их душ. Они прячут эмоции, чтобы принять правильное решение в нужный момент. Эти люди постоянно сталкиваются со стрессовыми ситуациями. Такое ни для кого не проходит бесследно...

В ролях Эда Лэйна и Грегори Паркера снимались актёры Хью Диллон и Энрико Колантон. Также в качестве сотрудников ОСР в сериале задействованы Эми Джо Джонсон, Дэвид Пэтко, Майкл Крэм, Серджио Ди Цию, Марк Тейлор и Рут Маршал,

Режиссер сериала – Стефани Моргенштерн.

Статью по материалам компании подготовил Борис Долинго

Николай ГОДИНА

Из камыша выкрикивает выводов,
Плывущая по щёлку утюгом,
Вся в сером утка, только коршун выведаль
Про то, и поменялось всё кругом.

Так обречённо, будто заключенные,
Шагают по обочине добром
Деревья молча, много раз учёные
Заступником с пилой и топором.

Полынью степь горчит до одурения,
Где лунной пыли вёрткие столбы
Напоминают иногда бурение
И атомные иногда грибы.

* * *

Не чёрт, приписанный к болоту,
А выпь пугает по ночам.
Душа, готовая к полёту,
Вдруг отдаётся мелочам.

В углу болезного прилететь
Знобит черёмуху насквозь.
У соловья в седьмом куплете
Распев не в жилу, на авось.

И у меня в разладе строчек
Едва услышишь сам себя,
Когда б не звёзды вместо точек
И вместо плоских слов — судьба.

* * *

Ишоркал все глаза, из электрички глядя:
Корявые поля, колючий, в ёлку, лес,
Солдат вверху стоит, скорей всего в наряде,
Иначе бы зачем на вышку он залез.

Пугает Кисегач мятежною водою.
В какую редь сорочье парусит кубло.
Церквушка на бугре не смотрится святою,
Ворованным рублём постройку вознесло.

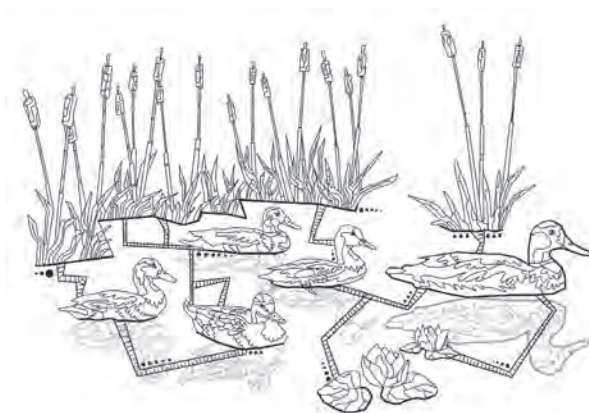

Рис. Я. Ахметшиной

Ландшафт средневековья — крепости, заборы,
Вдоль княжеских границ холопские клочки...
Качается вагон, работают приборы,
Попрятался народ за тёмные очки.

Храм

Из тумана вышел, как из моря,
Храм шеломчатый, огнём горя,
Точно под началом Черномора
Дружно тридцать три богатыря.

* * *

Стоящий по пояс в могиле
В казённый обряжен гранит.
Как маршал на автомобиле
Парадную стойку хранит.

Но суслик, стоящий в сторонке
Таким же манером — смешон,
Поскольку в заросшей воронке
Живёт припеваючи он.

Я сам не похож на героя,
Хоть в прошлом бывалый моряк.
Канаву ответственно роя,
Глазею вокруг: что и как.

Година Николай Иванович родился в 1935 г. на Полтавщине. Горняк по образованию. Автор более двух десятков книг стихов и прозы. Давний автор журнала «Уральский следопыт». Лауреат Всероссийских литературных премий им. Ф. Селянина (1999), им. Мамина-Сибиряка (2003), им. П. П. Бажова (2006) и др. Заслуженный работник культуры РФ, Почётный гражданин г. Миасса. Живёт в г. Челябинске.

ГЛАДКОВА Мария

Сотр. "Дам. журнала" (пер. «Маркиз Могу», 1827. Ч. 20) – Г-а, М-я. Авт. "Пятнадцатидневного путешествия" (СПб., 1810). О ней: Геннади. Словарь. 1. С. 218.

Слов. рус. писательниц; Масанов; Венгеров. Источ.

ГЛАДУШЕНКО Надежда Васильевна (псевд. Гладышева).

Врач (1887).
Масанов; Венгеров. Источ.

ГЛАДЫШЕВА

(См. Гладушенко Н.В.)

ГЛАДЫШЕВА М.А., издательница.

Издала «Показатель псевдонимов. Список современных русских писателей, носящих псевдонимы (посвящается гг. библиографам)». Сост. П.Библиограф. Казань. 1868.

ГЛАЗЕР Людмила Александровна

(См. Нольде Л.А.)

ГЛАЗУНОВА А., учительница.

Авт. (совм. с Е.А.Разиной – см.) кн. "Задачи и планы для упражнений в письменном изложении мыслей. 1-й курс". Изд. 3-е. СПб., 1900; изд. 4-е. СПб., 1902.

Венгеров. Источ.

ГЛАЗУНОВА Анастасия Ермолаевна (псевд. Беляева, А.), драматург.

Масанов.

ГЛАМА-МЕЩЕРСКАЯ Александра Яковлевна (урожд. Барышева; 1859 — 1942), авт. воспоминаний.

Актриса, педагог. Дебютировала в 1878 на Александринской сцене. Играла в Киеве, Житомире. Вильне. С 1880 работает в Москве в Пушкинском театре. После ликвидации театра входила в состав «Первого товарищества русских драматических актеров», ездила по городам Дона и Поволжья. Выступала также в московском театре Корша. Много занималась театральной педагогией. "Воспоминания" (Лит. обраб. и коммент. Н.Д.Носкова. Вступ. ст. Эм. Бескина) М.-Л., 1937; отрывок – в кн. "Русский провинциальный театр" М.-Л., 1937.

ИДРДВ. Т.3. Ч.3. № 6625.

ГЛАСОВА А.

Авт. и издательница рассказов для детей (1880-е гг.). Напр. "Сашурка-бедокурка" – рассказы из детской жизни с картинками (М., 1886).

Венгеров. Источ.

ГЛЕБОВА А.В., поэтесса 1900-х гг.

Венгеров. Источ.

ГЛЕБОВА А.П., поэтесса.

Сотр. в "Рус. паломнике". В 1892 в этом журнале были опубликованы ее стихотв.: «Надгробный венок» (№ 14) – А.Г.; «Магдали на св. перед Тиверием» (там же); «Достойно есть» (№ 18).

Масанов.

ГЛЕБОВА Варвара Павловна, переводчица.

Сотр. "Пантеона литер." 1890-х гг. Пер. с чешск. "Псоглавцы" Алоиза Ирасека (СПб., 1911).

Венгеров. Источ.

ГЛЕБОВА Евдокия Николаевна (1887 – 1980), авт. воспоминаний.

Учительница пения, сестра художника П.Н.Филонова. «Дневники Филонова в воспоминаниях его сестры Е.Н.Глебовой» \ \ СССР. Внутренние противоречия. 1984. № 10. С. 129-273. То же. Воспоминания о брате \ \ Нева. 1986. № 10. С. 148-176.

РРЭВД. 3.

Продолжение на стр. 58

* * *

Пейзажи в духе Рокуэлла Кента
Я до определенного момента
Воспринимал глазами и душой,
Но чувствовал нутром, что им чужой.

Не вписываюсь в тему, как поморы.
Расставленные криво мухоморы
Грибков вдоль стекловидного песка
Напоминают Крым издалека.

Увидеть яхту вместо ледокола.
Услышать, как в стакане кока-кола
Шипит волне прибрежной в унисон...
Кабсдох рычит, в ответ поёт Кобзон.

* * *

Расшатала нервную систему
Колебанья ртутного столба,
На котором каркает не в тему,
Вороном прикинувшись, судьба.

С быстротой распада изотопов
Разбежались дни, как не видал.
Вот последний, тяжело протопав,
Грязью обывательской обдал.

До трясушки дрожь томит колени,
Дождь живит, по-летнему густой,
Будто в детстве для успокоенья
Умывает мать святой водой.

* * *

Брал без разбега и с первой попытки
Прясло, где в кружеве зрела бахча,
Полз по-пластунски, рвал плети, как нитки,
Сердцем в песок учащённо стуча.

Бог из-за тучи под лунною маской
Тихо следил, гневным глазом вина.
Сторож, ружьё прижимая с опаской,
Ждал наступленья грядущего дня.

Там, за крапивой, безлики и серы,
Все по, забытым давно, именам...
Белые зубы, зелёные сферы,
Чёрные семечки по сторонам.

Владимир САНДАЛОВ

* * *

Подброшен случаем не в лучшем из пространств,
Который день заваливает снегом.
Здесь странно все, а лучшим из лекарств
Считают время с неусыпным бегом.

И примешь все и, выйдя из себя,
Пойдешь сквозь ветер, путеводным следом.
Кого-то встретив или обойдя,
Сочтешь несчастьем, отнесешь к победам.

И вдруг поймешь, и горечь от лекарств
Подступит к горлу, приморозит темя.
И, оглядывая не в лучшем из пространств,
Увидишь снег, как выпавшее время.

* * *

Вот бы следовать за летом
Вдоль всего меридиана,
Оставляя без ответа
Зов осеннего тумана.

Оставляя листья жухнуть,
Стать цветку закладкой в книжке,
И большой печной задвижке
У камина сажей пухнуть.

Восхитится солнце медью,
Отзовется небо синюю.
От столетия к столетию
Вот бы следовать за жизнью.

***

Доктор, послушайте душу
Дервянной трубкой.
В легких хрипы. Листья. Лужи.
И земля как губка.

Жизнь толчется за грудинно
Сердцем – мерной ступкой.
Время – в пыль. Душа незрима
В оболочке хрупкой.

Грустно. Сыро. Я простужен.
Снег шуршит, как крупка.
Доктор, послушайте душу
Дервянной трубкой...

***

Желтый лист упал лицом к земле,
Широко раскинув жилистые руки.
Он кричал, но шелестные звуки
Отозвались треском на костре.

Желто-черной грудью было странно
Глубоко вдыхать мороз и дым.
Оставалось небо голубым,
Облака поплыли дымно, плавно.

Дым струился, как река, на небо.
Пламенел, искрился пережат.
Полетев горячей искрой слепо,
Желтый лист упал лицом в закат.

***

Кепка мокрым носом
Тычется в лицо.
Осень, снова осень
Трется о плечо.

Небо – свод подвала.
Дождь. Померкший свет.
Лето – из кармана
Порванный билет.

Осень. Флаг победный –
Зонт над головой.
Слился лист билетный
С желтою листвою...

Что ж... поправлю кепку,
Что ж... закрою зонт,
И билет счастливый
Брошу в небосвод.

Лето

Не свести концы с концами.
И душа, что у предела –
В колыбели, под часами,
И любила, и болела.

*Владимир Сандалов – врач, хирург. Родился в 1961 году.
В 1984 г. закончил Свердловский государственный медицинский институт. Печата-
лся в региональных и городских газетах и журналах, поэтических сборниках.
В 2006 г. выпустил сборник стихов. Живет и работает в г. Екатеринбурге.*

И не будет сна и дела.
Лето выпито бокалом.
Осень к небу охладела,
Дождь досадует устало.

Вот и яблоки с тумана
Обрываю, подбираю.
От обиды, от обмана
Сок терпенья запасаю.

Октябрится Бабье лето –
Многоцветность увяданья.
Многословность у привета,
Молчаливость у прощанья.

Неизменное

Неизменное... как для тебя.
Понедельник, будильник до хрипа.
Просыпаешься, жизнь не любя.
Рассыпается книжная кипа.

Круг с шести, и откроется штора,
Свет струится от окон и звезд.
На кроваво-рассветность простора
Сходит сон – нереальности мост.

Чаем с пастой язык обжигая,
Бутерброд дожуешь у порога.
Хлопнет дверь, лифт зевнет, убегая.
Неизменное... как для другого.

* * *

Покажи мне свой вид из окна.
Я хочу посмотреть в это небо.
Будит утро, смеется и машет весна,
И дождем умывается лето.

Облаками укрыт горизонт.
День открыт, скрашен видом и словом.
Лето в осень. Спешат. На карниз, на газон
Небо стелится белым покровом.

Вот и вечер теряет свой цвет.
Время точно не знает пробелов.
Вид окна со двора – притягательный свет
Часть бескрайнего звездного неба.

У осени

От осени лето в полшаге
Дождя, в перелете листа.
Молчание белой бумаги
Сомнения терпят всегда.

Под осень прозрачные дали
Туманно и листовенно лгут,
И мысли в осенней печали
Листы незадачливо мнут.

Рис. Я. Ахметшиной

У осени все без причины.
Бумага, следы на снегу.
А в вазе горят георгины,
Пугливо прижавшись к окну.

* * *

Часы потеряли свой счет.
Светло. Небо ищет покоя.
За грустью тоска вслед уйдет
И счастье прихватит с собою.

И скоро, спеша в темноту,
Секунды отсыпят курганы.
А жизнь, второпях, на лету,
Стрясает пустые карманы.

Вот грусть, за судьбой семени,
Чтоб счастье тоскою не вышло,
Часы потекут без меня,
Теряя в песке чувство смысла.

* * *

Назови имя этой снежинки,
Угадай номер той борозды.
Сколько атомов в этой пылинке
От кометы, планеты, звезды?

Назови имя облака в небе,
Посчитай лунный свет за три дня.
Сколько пыли в одной корке хлеба
От воды, от земли, от огня?

Назови имя той незнакомки,
Счет слезам угадать не спеши,
Отзовись, собирая осколки
От звезды, от огня, от души...

Ольга БЕЛЫХ

Чёрно-белое

кто-то выключил день
и включил фонари
до зари

заморозил окно
чтоб не видеть пурги
и не зги

только «чёрный квадрат»
в галерее ночей
он ничей

по ту сторону мрак
чернотой скрипит
и не спит

одиночества сон
не запомнить никак
это знак

колыбельной летит
завывания звук
белых вьюг

и уносится жизнь
на неё оглянусь
улыбнусь

полупризрачный дым
это жизнь ну а твердь
это смерть

Любовь до гроба

мой город похож на десятки других
таких,
что облик меняют по сто раз на дню,
и ню
за каждой витриной и в каждом окне.
но мне
тепло: мы с ним после его наготы
на «ты».
он за руку держит, целует меня,
и дня

нам мало, мы вместе все ночи весны.
а сны
в копилочку падают по одному.
ему
захочется после их все посчитать
и стать
хранителем женских секретов и слёз
всерьёз,
когда я оставлю совсем одного
его.

В городе N

Больше тысячи вёрст. Али я не собака
и прививка от бешенства мне не нужна?
Я прошла напролом – любовая атака
для меня, как свобода, была так важна!
В этом городе N в самом центре России
одиночество тихо скулит у ноги
и виляет хвостом. Не скулить попроси и,
натянув поводок, замолчать помоги.
Лучше пусть влажным носом уткнётся в ладошку,
в ней отчаянье спрятав. Я, взгляд опустив,
соглашусь, что я здесь для него – понарошку,
и в сторонку уйду, лишь губу закусив.
Этот город с теплом и зимой вперемежку
водит за нос меня по проспектам, мостам.
Он устроил за мной настоящую слежку
и упрямо таскается днём по пятам.
По ночам же в окно фонарями мне светит
и обрезком стучит водосточной трубы.
Завтра утром уеду, и он не заметит
на запястьях моих свежих шрамов судьбы.

Амбиции

Жизнь проиграю фальшивыми нотами,
Всё заплачу я – рублями, копейками!
Выжмусь, как пчёлка, последними сотами –
Жить мне осталось одними римейками.
Трубы органные стройно красуются,
Там, кроме звуков, моё одиночество
Тягой печной не особо любитесь,
Ввысь торопясь улететь, как пророчество...

Белых Ольга Александровна родилась в 1971 г. в Челябинской области, в 1993 г. закончила биофак УрГУ им. А.М. Горького, с 1994 г. работает научным сотрудником УрНИИ дерматовенерологии и иммунопатологии, г. Екатеринбург, кандидат биологических наук. Публикации стихов – в международном интернет-журнале «Russian Globe», в коллективных сборниках Регионального общественного фонда содействия развитию современной поэзии «Светоч» (г. Москва), в сборнике стихотворений поэтов-медиков Екатеринбурга «Гиппократ над Гиппокреной» (г. Екатеринбург).

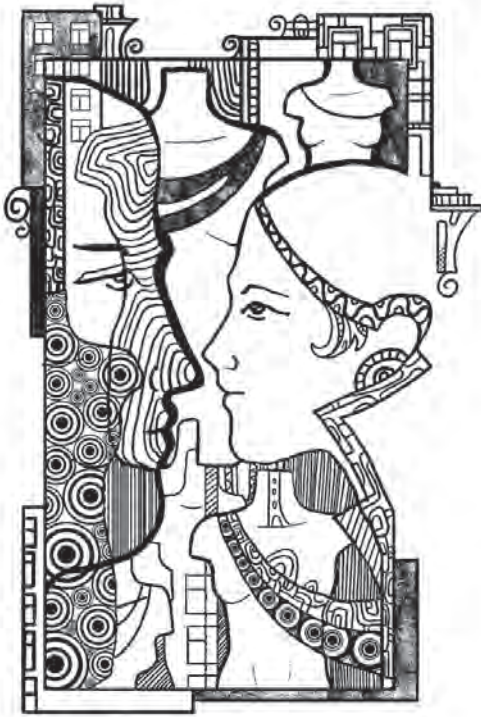

Рис. Я. Ахметшиной

По полу смело рассыплю звенящие
Я чёрно-белые зебры-ступенечки:
Нет здесь фальшивых – одни настоящие
Бусинки, бантики, фантики, фенечки...
Жизнь проиграла я правой рукою, а
Левой – ещё впереди репетиции.
Фельдшер опять ставит ловко уколы мне –
Я БУДУ ЖИТЬ – вот такие амбиции!..

Июньское воскресное

Я бегала, помню, босою с утра,
С горбушкой, слегка посолённою, хлеба.
Вовсю кукарекал петух со двора,
И было бескрайним уральское небо.

За речкой коровы лениво паслись,
Горячая пыль обжигала подошвы.
У лужицы бабочки дружно спаслись
От жажды. («Меня не боитесь? Ну, что ж вы!»)

Из этой же лужи попить и бежать
В луга разнотравья – меня там не видно!
С крыльца (далеко уже!) крикнула мать:
«А ну, марш домой! Стынет суп! Как не стыдно!»

А я на лугу (четверть часа ходьбы
До дома, где пышные стынют ватрушки)
На пыльной ладошке дорогу судьбы
Черчу от поляны к своей деревушке...

И вот прибежала... «Пошто все молчат?
Маманя, смотрите, какие каменья
Нашла я. Наверно, открыла я клад?»
Но в ходиках словно застыли мгновенья.

Разбитая чашка. И руки дрожат
У мамы. Отец непривычно серьёзен.
Кулак побелел его – так он был сжат.
И будто не лето на улице – осень...

И врезалось в память на все времена:
Июнь, воскресенье, война.

Рецидив

Февраль звенеть не перестал –
как я устала!
Капельки радуется март –
а мне-то что?
Июль взойдёт на пьедестал,
и всё сначала:
вот снова принят низкий старт –
и всем назло
сентябрь, смакуя рецидив,
назначит встречу.
Больное сердце –
горячей и горячей.
В январь придя, не загубив
любви, ответу:
плевать хотела я
на выписки врачей!

Фонари

Ах, какие цвели в полумраке осеннем
фонари за окном! Хризантемам под стать!
Одиноко слонялся по берегу Сены
дождь босой. У камина ты сел полистать
свой любимый (тебе его я подарила
в прошлой жизни), зачитанный томик Буше,
сознавая, как сердце ногтём из акрила
я царапнула больно. Теперь ты «шерше
ля...» меня. Но не там, не тогда, не оттуда:
я давно – просто дождь. И не более чем.
А на полке каминной – с щербинкой посуда,
как с щербинкой – душа на фонарном луче.

Пробки

Голым пузом сверкая, гуляли нимфетки
по проспекту. И думалось, жизнь – это блюз,
что играл гитарист на обочине. Ветки
колыхались от ветра и музыки. Шлюз
был открыт на Плотинке, и пруд избавлялся
от излишков воды, как от прожитых лет
я, стирая морщинки на фото. Казался
нереальным и страшно далёким «тот свет».
До поры и до времени. В этих заторах,
где, как айсберги, давят друг друга авто,
надрывались от страха сирены двух «Скорых»:
«Не успеть? Не успеть. Не пропустит никто?»
И никто не виновен – обычные пробки
на обычном проспекте. И слышится блюз,
что никак не закончится. Только что в скобки
жизнь кого-то взяла и стряхнула, как груз.

Повесть о погибших и выживших

И детство наше было —
длиннее жизни всей...

I часть

У мачехи

Посветлели лица людей, в речи их стала ощущаться уверенность и надежда на будущее: «Ну, теперь выживем! — говорили они вдохновенно. — Теперь не пропадем!» Радовались окончанию войны — все! Радовались тому, что долгая голодная зима позади! Весна несла жизнь! Люди, люди! Сколько же они вынесли страданий, которые клинописью легли на их лица, обесцветили улыбку, выбелили волосы.

Все задумчивее становилось лицо нашей матери. На ее ресницах застыл мелкий бисер... Она все чаще уединялась и подолгу смотрела в одну точку, слышались ее тяжелые вздохи. «Мама плачет, — шептал нам старший брат Володя, — говорят, от нас папа ушел?» Мы не узнавали нашу маму, всегда подвижную, работающую, неунывающую. Она угасала... Смотрела на нас уже каким-то печальным-печальным взглядом. В этот момент нам казалось, что она нас не видит, ее отсутствующий взгляд просто пугал.

Старшему из нас было уже одиннадцать лет, и он все чаще подходил к матери, успокаивая ее:

— Мама, папа обязательно вернется, как только устроится шофером в Первомайском. Мы ведь его так ждали!

— Сынок, обидно-то как — отец ваш поверил в сплетню...

После возвращения с войны отец ни одного дня не оставался в семье, сразу уехал в совхоз «Первомайский». По воле судьбы или по взаимному согласию отец жил уже с другой женщиной, у которой было трое несовершеннолетних детей.

Наша мать стала быстро слепнуть, и вскоре ее определили на первую группу инвалидности. Поскольку отец был партийным, партком обязал его всех своих пятерых детей взять в новую семью.

Маленький старый домик, бывшая ветлечебница, стоял возле кормокухни, и мачеха сразу же стала посылать меня туда за отрубями, овсяной трухой и жмыхом:

— На мешок, да смотри, никому на глаза не попадайся, в тюрьму посадят, — сказала она, вытолкнув меня за дверь.

Уже стемнело, я, боязливо оглядываясь по сторонам, пошел по тропке, которая вела к кормокухне. Рабочая тропа тянулась дальше к свинарникам, скотному двору и заканчивалась перед конным двором. Послышался разговор женщин, идущих со смены, и я притаился в высокой траве, невольно прислушиваясь к чужим голосам.

— Посмотреть бы, как в таком маленьком домике живут две семьи? Говорят, их там десять человек — теснотища ведь...

— Ой, Нюра, ты ничего не знаешь, беда не в маленьком домике, Марфу Дмитриевну жалко. Она, бедная, с пятью детьми всю войну надсажалась на работе и тянула хозяйство, сама недоедала, а ребятшек сберегла, не дала умереть с голоду.

Женщины остановились — повисла звенящая тишина, я замер, поняв, что разговор идет о нас.

— Неужто ты их знаешь, Маруся?

— Я знала Марфу, когда они еще в Речелге жили во время войны, и мой Петро их хорошо знает. Они с Федором Мокеевичем-то раньше в ЧК были. Оба носили черную хромовую форму с галифе. Только Федор-то возил председателя колхоза в Речелге, а

Виктор Вдовин родился в 1938 г. С 1957 по 1960 гг. служил в Советской армии, где получил профессию войскового повара и водителя 1 класса. После службы окончил вечернюю школу и автотехникум, позднее — метрологический техникум. За сорок лет трудового стажа был активным рационализатором-изобретателем. Был освобожденным секретарем комсомола. С 1998 г. на пенсии. Живет в п. Глубокий Лог В.Пышминского р-на Свердловской области.

мой Петро — директора совхоза в этом же районе. Они часто встречались во время совещаний. А мы с Марфой познакомились в роддоме. Петро Федора осуждает: «Такую семью бросил, на ково променял? На Шурку-Леонику, у которой трое, и все от разных. Леониха-то — Марфе в подметки не годится. А еще коммунист, тьфу... Марфа-то ведь из-за него ослепла. Куда Бог смотрит?..»

Женщины молча пошли по тропе дальше, лишь слышались вздохи и отрывки возмущенных фраз. Я пролез в дыру, что в стене, и в густой тьме услышал шуршание, урчание и писк крыс. Их было много, и они ничего не боялись. Мной овладел страх. Мне шел седьмой год, и я вполне осознавал, что ворую... Но страх перед крысами и зловещей тьмой был не так ужасен, как страх перед мачехой.

Я еще только нагреб полмешка, а пальцы правой руки слиплись, как от клея, и крысы искусали мне правую кисть, она ныла и кровоточила. С этой ношей я с трудом пролез в дыру и, не помня себя, помчался домой. Заскочив в сени, едва переведев дух, уже волоком потащил мешок к ящику, чтобы высыпать наворованное. Сзади, будто призрак, возникла мачеха:

— Почему так мало? Вас, паразитов, кормить надо. Иди и принеси полный мешок.

В доме был слышен Валькин визгливый крик и плакали Володя с Геной. Валька была намного их старше, и они часто от нее страдали. Ей было пятнадцать, и это превосходство давало ей возможность держать нас в подчинении.

— Тетя Шура, я боюсь крыс, они меня покусали, вот, видите! — в доказательство я протянул окровавленную руку. Даже не взглянув, она резким шлепком ударила меня по уже отекающей и онемевшей руке:

— А ты рот-то не разевай, не лезь к ним, и они не тронут.

Схватив за загривок, мачеха вытолкала меня на крыльцо. Ничего не оставалось делать, как вновь отправиться на встречу с этими ужасными, гадкими тварями. Раньше как-то я заприметил, где лежат отцовские краги, и пока мачеха зашла в дом, чтобы разобраться с детворой, я, прокравшись, быстро схватил их и выскочил на улицу.

Прежде чем залезть в дыру, я натянул краги по самые локти и нашел большую палку, она, может быть, и не была крепкой, проверять-то было некогда, но все-таки придавала мне некоторую уверенность.

Очутившись внутри склада, я хоть и не испытывал прежнего ужаса, но все равно страх не оставлял меня. Шлепая палкой по куче отрубей, я медленно пробирался к деревянному, уже изрядно погрызенному крысам, ящику. Набрал полный мешок и завязав его, я еле-еле вылез из дыры, которая казалась мне более узкой, чем в первый раз, когда я вихрем из нее вылетел.

Мачеха уже ждала меня во дворе, приподняв мешок, как бы проверяя его на вес, она удовлетво-

ренно хмыкнула и, словно ставя точку в нашем не состоявшемся споре, сказала:

— Ну, что ж, хорошо... Теперь ты каждую ночь будешь приносить по два таких мешка.

Услышав этот приговор, я только всхлипнул сквозь слезы и промолчал. Да и что говорить-то, кто заступится и кто поможет?! Уставший и голодный, с трудом волоча ноги, я побрел домой.

В этот раз в некотором роде мне повезло, так как ночь была светлая. Луна, почти полная и на удивление яркая, скорбно смотрела на меня с высоты, словно сочувствовала моему нелегкому и бедственному положению.

Войдя в дом, я понял, что для всех нас места уже определены: кто-то на нижнем ярусе, кто-то на полу. Одного из двойняшек, Колю, мачеха посадила в левом углу прихожей, как я понял позднее, в самое морозное место, где зимой весь угол промерзал и даже, когда в доме было натоплено, он белел инеем. Но пока еще начало лета...

Спали мы все на полу, возле стены, без постели, ее просто не было. Зоя с Колей тогда шел четвертый год. Зоя была боязливой и при малейшей опасности закрывала личико руками, становилась в угол лицом и долго так стояла. Больше всего она боялась подходить к кухонному столу, откуда пахло хлебом. Если мачеха заставляла кого-то из нас около стола, то хватала больно за ухо и с силой швыряла в угол, где сидел Коля. У всех нас уши были надорваны и часто кровоточили.

Мы постоянно были начеку, избегали даже взгляда мачехи, чтобы не давать ей повода для очередной взбучки, которую она периодически проводила для профилактики, знай, мол, кто в доме хозяин. Да и кроме нее самой в доме достаточно было хозяев, которые не упускали возможности, чтобы поддаться нам между делом. Это была старшая дочь мачехи — Валька и ее шестилетний вредный брат Витька, который частенько улучал момент, пока не видит мать, крадучись подбегал и плевал в Зою и Колю.

Валька часто, из ничего, затевала жуткие скандалы: «Паразиты, рахиты, вшивики», — кричала она, и лицо ее при этом становилось красным, злым и уродливым, как сама смерть, а в продолжение всего за дело принималась мачеха — избивала Володю с Геной. В этот момент мы, младшие, стыли от ужаса, особенно Зоя. Я до сих пор помню ее глаза, полные страха. После очередного такого побоища Володя с Геной убежали к маме на второй участок, это в пяти километрах от Первомайского.

Отца мы боялись не меньше мачехи. Дома он бывал редко, но когда появлялся, особенно после заседания парткома, то смотрел на нас недобрый взглядом, будто мы чужие приживалы и ему навязали нас как обузу.

Обреченную на вечную слепоту, лишённую детей по распоряжению парткома, за неимением жилплощади, мать поселили в рабочей комнате при сви-

нарнике, где пахло навозом и было до жути много клопов. Днем обычно бывало шумно, свинарки, гремя ведрами, то заходили, то выходили, но она ни на что не жаловалась, она вообще была очень терпеливая, все хранила в себе, и только одно пекло душу, как там ее деточки, ее кровинушки, только бы никто не обидел, только бы сыты да в тепле были. И теплилась в сердце ее надежда на то, что с отцом ведь дети-то, с родным, он не допустит, если что... Но почему-то каждый ее день начинался с тревоги, и никак эта тревога не уходила, как бы она себя ни успокаивала, не находила веские доводы в пользу бывшего мужа, снова и снова прислушивалась и с отчаянием ждала, что вот-вот и...

— Марфа, посмотри, там, за дверями, не твои ли стоят?

Мать тяжело поднялась и на ощупь, медленно пошла к выходу.

— Мама, это мы... — с некоторым смущением, оттого, что сбежали, проговорили брата.

Она крепко прижала их к себе, беззвучно заплакала, и чтобы дети не увидели ее слез, уткнулась лицом в куртку старшего сына. Немного погодя, придя в себя, стала тихонько и ласково, будто поглаживая, проводить руками по лицу и вдруг ощутила под пальцами припухлости и шишки.

— Глаза, как ваши глаза, сыночки? — в отчаянии запричитала она.

Дети, не ожидавшие такой реакции со стороны матери на их появление, даже растерялись, но старший Володя, быстро придя в себя, постарался успокоить мать, прижавшись к ней всем телом, ласково поглаживая ее рано поседевшие волосы.

— Не надо, мама, не надо, не плачь, все в порядке. Теперь мы вместе, и всегда будет так. Никто, слышишь, никто нас у тебя больше не отнимет. Я обещаю. Мы справимся. Мы выживем, чтобы нам это ни стоило! Ты веришь?

Она, низко опустив голову, молча стояла, прижав к себе детей, и плакала.

Стали подходить на перерыв свинарки. Зная, что произошло в жизни этой слепой, молчаливой женщины, и обстоятельства, из-за которых она оказалась здесь, в этой служебной комнатке, все прониклись к ней жалостью и сочувствием.

— Покорми-ка ребят-то, Марфа, пусть с нами обедают. Эх, Марфа, только одно горе пережили, эту проклятую войну, а на вас горе-то навалилось не легче.

Женщины, то одна то другая, развязывали свои узелки с обеденными пайками и радушно делились с матерью. Приносили и клали ей на колени: кто вареное яйцо, кто оладью, а кто вареную картошку. Мать, растроганная таким вниманием, благодарно кивала головой и тихо приговаривала: «Спасибо, спасибо, люди добрые!» Слезы катились по ее щекам, по подбородку, а она тихонько утирала их кончиком старенького, линялого платка. Но это были уже другие слезы — слезы благодарности, слезы пережитых тревог.

— Как там мои младшие: Витя, Зоя, Коля? Искалечит ведь она их там, слабенькие они у меня, особенно Коля, ножки его совсем не держат. К концу войны совсем оголодали.

Сидевшая у окна синеглазая, хрупкая женщина встала и подошла к матери. Переложив все съестное с ее колен в карманы Володи и Гены, она сказала:

— На улице есть столик, пообедайте-ка там, ребята.

Проводив их на улицу, женщина подошла к матери и тихонько сказала:

— Марфа Дмитриевна, ты хорошая мать, коли, так мучаешься за них, а Шурка, эта ведьма, действительно может их искалечить или даже убить... — Все обедавшие женщины, будто по команде, перестали есть и с открытыми ртами удивленно смотрели на своего бригадира. — Тех троих, младших, нужно скорее определить в детдом...

Все враз заговорили, возбужденно заспорили:

— Что ты такое говоришь, Полина Петровна, ведь нет такого закону, чтобы при живых родителях и в детдом.

— Да знаю, знаю, что нет такого закона... этот случай как исключение, да если еще мы напишем в райком...

— Девки, Костюнин едет, перерыв-то кончился, — женщины засуетились.

Все свинарки и жители второго участка побаивались и недолюбливали Костюнина, избегали его холодного, злобного взгляда.

— Что вы, как козы, повскакивали? — прикрикнула на них бригадир. — У нас еще десять минут осталось.

К мачехе часто заходил ветеринар, от которого пахло какими-то лекарствами, табаком и перегаром. Глаза его всегда были осоловелыми. Он часто покашливал и озибался по сторонам.

— Федор-то Мокеевич куда уехал?

— Да никуда он не уехал, бригадиром механизированной бригады работает сейчас и живет там с бригадой на полевом стане.

— Что, и домой не приезжает?

— Нет, там их кормят.

Ветеринар, ухмыльнувшись, осмелел.

— Я, Шурка, смотри, что принес!

Достаёт из ветеринарской сумки баночку со спиртом и кусок сала. При виде сала у меня заныло в желудке, так как ели мы только вареные отруби, а такое лакомство даже и не снилось. Овсяный кисель мачеха варила только своим, нам его никогда не давали.

— Витька, ты что там долго скоблишь, иди-ка гусей посмотри, цыплят пересчитай. Стой, Зойку возьми, пусть пасет. Эти паразиты, лентяи убежали, работы испугались.

— Тетя Шура, я один пойду, ее гуси клюют.

— Я что сказала? Пусть пасет, тебе другую работу дам. Зоя всхлипнула, и огромные испуганные глаза моментально наполнились слезами. Мачеха, не

желая меня слушать, схватила ее и, нервно дергая за руку, толкнула к дверям, где сидел Коля, который напуган был не меньше своей сестры.

— Шура, ну иди сюда, брось ты их, что ты с ними, как с родными, возишься? — бормотал захмелевший ветеринар.

Буквально через секунду мы оказались на улице. Солнце припекало по-летнему, не жалея сил. Двор был живой. Все копошилось, прыгало, летало, чирикало, пищало и гоготало.

Гусей я уже не боялся, они меня несколько раз сбивали с ног, больно щипали, лежащего били крыльями, и я научился от них обороняться. И в этот раз я также взял в одну руку хворостину, другой обнял Зою за худенькие плечики, прижав к себе, вел ее мимо гусей и они, как прежде, не нападали, но она, устремив на меня испуганные глазенки, дрожа всем тельцем, жалобно приговаривала: «Итя, Итя, Итя», так как букву «в» не выговаривала. Я на ходу подобрал еще одну хворостину и подал сестренке:

— На... крепче держи, не выпускай из рук, маши ей по сторонам.

Вооружившись вицами, мы с опаской подошли к выводу, который состоял из трех гусей и уже окрепших гусят. Когда остановились, Зоя неотрывно продолжала умоляюще смотреть на меня, так как страшно боялась остаться одна.

— Витька, иди сюда, оставь Зойку с гусями, — нетрезвым голосом кричала мачеха. Сестренка, вцепившись в меня обеими ручонками, в испуге повторяла: «Итя, Итя, Итя...»

— Не бойся, Зоя, маши хворостинкой сильнее и бей их, — второпях, уже на ходу, наставлял я ее.

Но обратно добежать я не успел, мачеха подскочила, схватила меня за руку.

— Сколько тебя звать можно? — яростно прокричала она и потащила меня к дому. — Кто за тебя убирать навоз у гусей будет?

Я очень боялся за Зою, и пока мачеха тащила меня, крепко держа за руку — оглядывался и вырывался... Вдруг я услышал, как испуганно вскрикнула Зоя, громко захлопали крылья гусей... Вырвавшись и подхватив на ходу свою хворостину, я помчался на помощь к ней. Две крупные птицы хлестали крыльями неподвижно лежащее тельце, топтались на нем и рассвирепело клевали, издавая оглушительные крики. Подбежав, я начал хлестать гусей с такой яростью, с такой злостью, что от них только перья летели во все стороны. Разогнав их, я на коленях подполз к распластанному, окровавленному тельцу малышки. Лицо ее было мертвенно-бледным, и мне показалось, что жизнь покинула ее. Я низко наклонился над ней, и она, с трудом приоткрыв глаза и всхлипнув, ухватилась за меня обеими ручонками так сильно, что мачеха никак не могла ее оторвать от меня, когда я внес ее в дом.

После этого происшествия Зоя тяжело заболела, не могла уже больше ходить и совсем перестала говорить. Когда все затихало, она подползала ко мне,

и, обнявшись, мы засыпали у стены на полу. Во сне она часто вздрагивала, стонала и хваталась за мою одежду.

Вскоре ветеринар принес в подарок мачехе поросенка, и в прихожей для него сделали клетку. Он был крупный и свирепый, а вдоль его спины тянулась синяя широкая полоса, позднее его назвали — Синкой. Работы мне еще прибавилось: убирал навоз, кормил эту Синку, таская по ночам отруби для нее и гусей. Мы и сами ели эти отруби, правда, нехотя, несмотря на пустые желудки. Они обычно были недоваренными и недосоленными. Находясь в постоянном страхе и голоде, день казался нам мучительно долгим, но выбора у нас не было. Чувствовали мы себя спокойно только тогда, когда оставались в доме одни, и в эти редкие моменты я старался подкормить объедками двойняшек.

Однажды после очередного застолья мачехи и ее друга ветеринара, я нашел на кухонном столе кусок сала и, не думая о последствиях, разделил его на три части. Мы мигом с жадностью их проглотили! За дверями послышался шум...

— Не облизывайте губы, — цыкнул я на младших.

Коля быстро заполз в свой угол, а следом за ним Зоя поползла в свой. Валька, придя из школы, прошла на кухню, погромела посудой и быстро выбежала на улицу. Вскоре запыхавшись, прибежало все семейство: Валька, Витька и мачеха с Юркой на руках. Валька, пристально всматриваясь в меня, закричала:

— Мама, я есть хочу! Ты говорила, что есть вкусное копченое сало, где оно?..

Мачеха положила спящего Юрку на кровать и, взяв меня за ухо, злобно выговаривая каждое слово, зашипела:

— Я ведь знала, что ты воровливый, и специально положила сало на стол, чтобы поймать тебя... Где сало? Ну?!.. Давай сюда!

Глаза мачехи выражали ненависть. Я замер в ожидании удара и увидел, как брат и сестра сжались в страхе за меня. Теряя сознание, я слышал, как истерично кричит Валька.

Очнулся уже ночью. Весь мокрый, я лежал под деревянной кроватью. Голова тяжелая, как чугунок, сильно тошнило. Когда сознание стало проясняться, почувствовал, что возле меня лежит Зоя и тихо плачет, повторяя: «И, И, И...». Она все еще не могла говорить.

Следующее утро выдалось шумным и нервным: поросенок пронзительно визжал, Юрка плакал, Валька не желала выгонять гусей на выпас, и они гудели, как пчелы в улье, в своем загоне, в кухонном баке закончилась вода, а идти за ней было некому. Сквозь затуманенное сознание я услышал шаги, направляющиеся в мою сторону: «Мачеха», — догадался я. Вытащив меня из-под кровати, она старалась

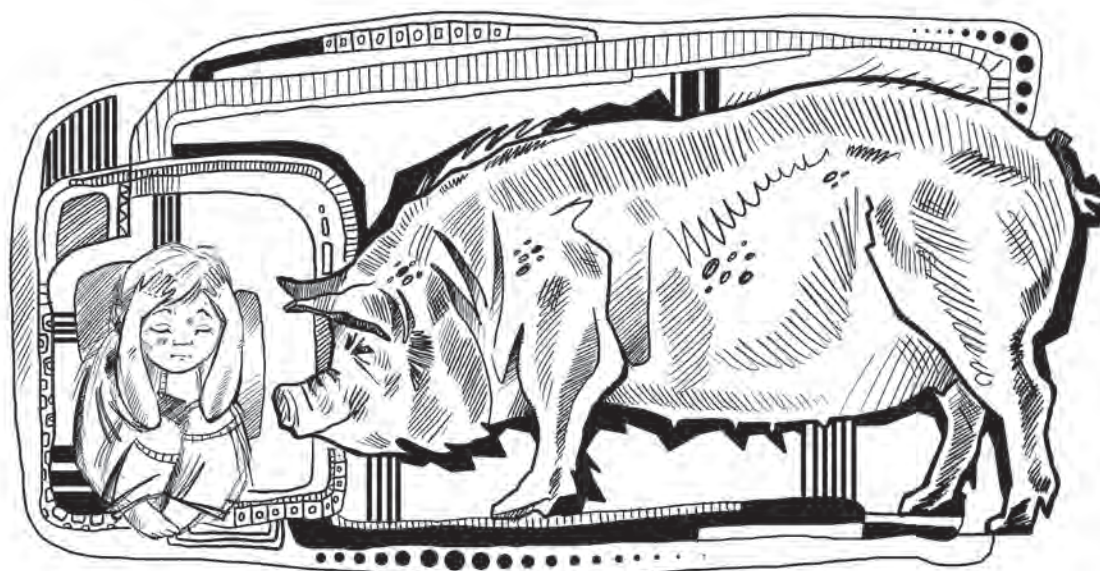

Рис. Я. Ахметшиной

ровно усадить меня на полу, но тело никак не хотело принимать правильное положение и постоянно падало то в одну, то в другую сторону. Придерживая меня за плечи, она заискивающе заговорила:

— Пойдем, Витька, киселька овсяного поешь, чайку с сахаром...

Потом она попыталась поставить меня на ноги, но они были какими-то ватными, и я не мог на них удержаться, сразу падал. Поняв, что ее старания тщетны, оставила меня в покое еще на целые сутки. Пока я вылеживался на грязном полу, временами приходя в себя, слышал ее разговор с ветеринаром:

— Что я, дура, наделала? Без него как без рук, он ведь все по хозяйству делал... а что с этих рахитов, никакого толку, посдыхали бы скорее...

Вскоре я снова крутился, выполняя то одну, то другую работу. Брат с сестрой в это время были оба не ходячими, я и за ними ухаживал. Ухаживал — это значит: убирал за ними, кормил их (приносил варенные отруби), а если у них нарушался стул, что случалось довольно часто, то мне и доставалось также часто от мачехи.

— Витька, ну-ка иди сюда... чем пахнет? — гневно кричала мачеха, тыкая пальцем в угол, где сидел Коля.

— Тетя Шура, я уберу, — отвечал я, спеша все исправить.

— Сейчас же пойд и вымой! — в этот момент я, как обычно, получал сильный подзатыльник.

Витька, старший мачехин сын, был страшно вредным, и ему нравилось все делать назло... Однажды он нашел для себя забавное занятие — брал клюку и, тыкая Синке в морду и бока, визгливо хрюкал, передразнивая свинью. Мачеха и Валька гром-

ко хохотали над тем, как Синка яростно грызла эту железяку. Вдруг мачеха спохватывалась:

— Витя, хватит ее дразнить, вдруг она зубы сломает... Она же нам поросенок будет приносить. Вон какая она большая стала!

После таких игр свинья стала ужасно агрессивной, начала грызть даже доски, лежащие во дворе. Росла она быстро, и скоро клетка, которую для нее ранее построили, была уже тесновата. Уборку же в ее «жилище» мне приходилось делать два раза в неделю, и все мачехино семейство с интересом наблюдало за этим действием. Когда эта дикая, разъяренная свинья сбивала меня с ног, а затем переворачивала как бревнышко, с боку на бок — все дружно хохотали, так как для них это казалось очень забавным. Я вскакивал на ноги и, хватаясь за доски, пытался протиснуться в щели между ними. Мачеха удерживала меня, прикрывая лаз своим телом, гневно при этом ругаясь:

— Синка должна к тебе привыкнуть, почеси ей спинку.

На ногах у меня постоянно подсыхали коросты, и когда они отпадывали, казалось, вся кожа вокруг зудела. Я очень боялся и жутко ненавидел эту свинью. Она мне казалась просто чудовищем... мне часто снилась ее темно-синяя, волосатая спина, большие желто-коричневые зубы и окровавленная морда. После таких снов я просыпался весь в поту, а сердце колотилось, как молот о наковальню. Когда же дома никого не было, я открывал нижние доски клетки и быстро убирал навоз, тут же трусил соломы, а когда мачеха возвращалась домой, то долго задерживала взгляд на клетке и затем, с подозрением осматривая меня, приговаривала:

— Не искусала? Вот видишь, привыкает к тебе...

Витька уже боялся дразнить свинью клюкой. При ее виде Синка, оцетинившись, вставала на задние

ноги, опершись передними в хилую стенку клетки. Все в испуге разбежались в разные стороны, боясь, что стенка вот-вот рухнет и эта зловещая громадина, вывалившись оттуда, сомнет все на своем пути, и только мачеха, улыбаясь, любовалась.

— Витька, ты почему мало таскаешь отрубей — два мешка... Приноси по три. Ни гуси, ни Синка не наедаются. Вы еще тут жрете.

— Тетя Шура, дыру забили досками, я еле через ворота пролезлаю.

— Сало-то любишь, вон какой кусок сожрал... А может, ты этим паразитам скормил? Ну, говори, что молчишь?

Коля не ел уже несколько дней, мачеха спрятала его чашку и мне строго наказала: «Не суй ему ничего, узнаю — будешь жить в одной клетке с Синкой». Я чувствовал, что мачеха задумала что-то недоброе...

Коле становилось все хуже и хуже, он совсем ослаб, уже и сидеть не мог. Мачеха строго следила за тем, чтобы я не подстилал под него никаких тряпок. Мне удавалось подкармливать его, лишь когда мы дома оставались одни. Я быстро выскребал из посуды и кастрюли остатки овсяного киселя и отдавал младшим, и они жадно съедали. Но это случалось редко. Прошло уже много дней Колиного голодания, я не знал, что делать. Обьедков не хватало, а мачеха все строже следила за мной, особенно после украденного сала.

Хорошо помню, как, наварив большую кастрюлю отрубей со жмыхом, мачеха приказала мне: «Корми его». Я обрадовался — тетя Шура подобрела! Сам Коля ложку держать в руках не мог. Я, поддерживая его левой рукой за спину, правой кормил его. Ел он сначала жадно, на безжизненном лице появилось что-то вроде слабой улыбки. Мачеха сидела в стороне и строго наблюдала. У меня сильно устала левая рука, и Коля уже отказывался от этой мешанины. «Пусть отдохнет», — сказала мачеха. Все: Валька, Витька и Юрка, — уже спали. Только Зоя поглядывала на нас, сидя в дальнем углу. «Ну-ка корми снова», — приказала мачеха. Коля проглатывал эту грубую мешанину нехотя, мычал и отворачивался.

— Тетя Шура, он наелся.

Отшвырнув меня, мачеха подставила стул и сама стала кормить Колю, насильно открывая ему рот и напихивая его пищей.

— Держи его сзади, что он валится, как бревно, паразит...

Я, сзади сидя на корточках, поддерживал Колю за спину, чтобы он оставался в сидячем положении.

— Жри, паразит! Пока всю кастрюлю не съешь, спать не ляжешь!

В кастрюле уже почти ничего не осталось, а у Коли сильно раздулся живот.

— Витька, если тебя кто-то будет спрашивать, скажешь, кормил ты, тети Шуры дома не было, понял?

После этого Коле стало совсем плохо, он страшно мучился, но стонать боялся. У него нарушился стул,

и я постоянно промывал и протирал в том углу, где он лежал. Витька подходил и плевал на него. Позднее я понял, что я почти стал соучастником убийства младшего брата.

Но Коля выжил. Задумка мачехи не удалась, после чего она долго на мне душу отводила:

— Витька, Синке уже тесно, натааскай досок, клетку на улице надо сделать.

Снег постепенно сходил, а на его месте тут же появлялась молоденькая зелень, и всякая травинка радостно тянулась к солнышку и, покачиваясь от малого дуновения ветерка, будто бы приветствовала этот новый незнакомый для нее мир, но такой желанный и необходимый.

Шел 1946-й. Уже год как мирная жизнь. Май отогревал душу своими лучами и радовал зеленым бархатом лужаек. На улице построили новую клетку для Синки.

— Будешь пасти ее целый день и только вечером загонять на место, понял?

Я кивнул головой.

— От нее будет много поросятков. А ты, Витька, теперь будешь приносить по четыре мешка отрубей.

Я невольно весь сжался. И так еле справляюсь с работой, а тут еще поросята, и всю ночь таскать отруби... А главное, я страшно боялся этой людоедки Синки.

— Витька, сегодня будешь пасти Синку на улице. Кормушку поставил? — Я кивнул... — Ты что, язык проглотил?

Мачеха ходила возле клетки свиньи, держа на руках засыпающего Юрку.

— Витька, отрывай доски и выпускай Синку на улицу.

У меня от такой команды по спине пробежал холодок. Я стал руками отрывать доски, но сил не хватало.

— Возьми клюку, — крикнула она с порога.

Я стал отрывать доски клюкой, которая в моих руках вертелась во все стороны. Мачеха ушла во вторую половину дома. Витька запрыгнул на кровать и с любопытством (что же из этого выйдет?) смотрел в окно. При виде клюки Синка взбесилась, стала агрессивной, по всей спине поднялась щетина. Я растерянно стоял возле клетки, не в силах пошевелиться, ноги стали как ватные и не желали мне подчиняться, чтобы спастись бегством. Свинья искоса, злобно поглядывала на меня, словно готовилась к жестокому сражению со смертельным врагом. Положив Юрку на кровать, мачеха выскочила из дома, нервно выхватила клюку из моих рук и начала с ожесточением вырывать с корнем доски, чтобы выпустить чудовище на свободу.

Оказавшись на воле, сытая свинья словно взбесилась: она носилась по двору, вздымая клубы пыли и сметая все на своем пути, подпрыгивая, визжала, как резаная. Нарезвившись, она принялась своей

мордой перепахивать землю во дворе. Мне она казалась страшным, злым существом.

Наблюдая за ней, я не двигался с места и даже, кажется, не дышал. Мой взгляд неустанно и пристально следовал за ней по всему двору, куда бы она ни направлялась. Зрелище было зловещее. Огромное животное, как монстр, тяжело ступая, передвигалось то в одну, то в другую сторону, протяжно, даже с каким-то присвистом, втягивая воздух своими широкими, волосатыми ноздрями.

Я и не заметил, как на крыльцо вышла и села мачеха с проснувшимся Юркой на руках.

— Посмотри, Юрочка, какая хрюша у нас большая выросла. А ну-ка, Витька, отгони-ка ее на зеленую травку, подальше.

Витькой мачеха называла меня, а своего родного — Витей.

К этой весне две гусыни опять много выпарили цыплят, которые паслись за домом, в еще молодой, невысокой травке...

— Зойка, иди сюда, — услышал я голос мачехи.

Я испугался за сестру, догадавшись, для чего она ее зовет. Не выпуская хвостину из рук, я подошел к крыльцу.

— Витька, иди, паси гусей. Коли Зойка не умеет пасти их, пусть пасет поросенка.

Синка рылась уже около самого крыльца.

— Зойка, отгони-ка ее подальше... на палочку.

В этот момент какая-то недетская злость вскипела во мне на эту свинью. Подбежав к ней, я изо всех сил несколько раз хлестнул Синку поперек спины. Хрюкнув, она отбежала на небольшое расстояние, остановилась, полуобернувшись ко мне, и мы, как два врага, посмотрели друг на друга. Я люто ненавидел эти свинячьи узкие глазки, эти жирные кривые ножки и грязно-синюю волосатую шкуру, свисающую с ее подбородка. Но почему-то именно сейчас я почувствовал какое-то облегчение — я уже не боялся этой свиньи.

— Ты что, паразит, делаешь, зачем ее так бьешь? Она же будет свиноматкой, с поросятками будет. Зойка, ты будешь пасти Синку.

Зоя испуганно смотрела то на меня, то на мачеху, то на свинью. Она еще не оправилась от стычки с гусями, а здесь...

— Тетя Шура, я буду пасти и гусей, и свинью, — поспешно выкрикнул я, подскочив к крыльцу, понимая, чего добивается мачеха и чем все это может закончиться.

— А кто другую работу будет делать? Иди, убирай навоз и доски, промой пол, вонища от этого паразита.

Я взял сестренку за руку и повел в дом, но мачеха, заслонила дверь, не пропустила нас внутрь. Оттолкнув меня в сторону, она схватила Зою за руку и приказала:

— Стой здесь, пусть Синка к тебе привыкает.

Стоя на крыльце, я смотрел широко распахнутыми от страха глазами на свою маленькую, как трю-

стиночка, хрупкую сестренку, с предчувствием неминуемой беды, которая исходила от этой злобной женщины.

— Ну, иди, работай, что стоишь? — закричала она на меня.

Вытаскивая доски и навоз, я продолжал неотрывно следить за Синкой. Роясь в земле, она все ближе подбиралась к крыльцу. Я сильно нервничал, по телу била мелкая дрожь, из рук все валялось обратно на землю, и приходилось снова наклоняться, выпуская из вида сестру, и выгребать навоз наружу. Я боялся за нее. Наполняя очередной тазик навозом, услышал пронзительный крик Зои. По спине пробежал мороз... Бросив все, я в ужасе выскочил на улицу и остановился как вкопанный, не в силах сделать еще хоть один шаг. Синка подняла на меня окровавленную морду, и ее свиньи глазки довольно щурились, глядя на меня. Между ее ног лежало истерзанное тельце моей сестры, а рядом, возле неподвижного тельца, скомканным грязным клочком валялось ее платьице.

— Тетя Шура! — в истерике закричал я, подскочив к свинье и изо всех сил колотя палкой по ее спине. — Тетя Шура!

Синка не обращала на меня никакого внимания. Я в отчаянье крутил головой по сторонам, чтобы хоть кого-то увидеть и позвать на помощь. Животное продолжало терзать окровавленное тельце, резко мотая головой, отрывая куски плоти. Передними ногами, прижав к земле неподвижное тельце, она с хрустом сдирала кожу со спины вдоль всего позвоночника.

Мачеха, выйдя на крыльцо, спокойно села. На ее лице не было ничего, кроме... довольной ухмылки. Она смотрела на меня равнодушным, не мигающим взглядом, и я видел в нем желание покончить со всеми нами. Я стоял, безвольно опустив плечи, ослабевшие руки как плети свисали вдоль туловища, а сердце, еще недавно бьющееся, как набат... молчало... оно умерло.

Со стороны скотного двора по рабочей тропе шли люди. Мачеха, держа Юрку на руках, схватила Зою за руку, поняв, что рука сломана, схватила за вторую, затащила в сенки, выплескивая на ходу всякие ругательства в наш адрес.

Шедшие по тропе остановились за домом, оживленно переговариваясь, заглядывали через забор.

Я сидел подле останков сестры и горько плакал от бессилия, бесправия и незащищенности, от безнадёги, вполне осознавая всю глубину трагедии произошедшего. Но что мог сделать, что мог изменить маленький семилетний мальчишка и как противостоять этому огромному злу, которое поселилось в этом доме, под одной с ним крышей.

Мачеха куда-то убежала... Вскоре из школы пришла Валька. Не говоря ни слова, она прошла на кухню и, увидев, что Зоиной клетки нет, прошла во вторую половину дома. Не обнаружив ее и там, Валька довольно улыбнулась. Брезгливо глянув в

сторону сидящего в углу Коли, она вышла, шумно хлопнув дверями. Я продолжал неподвижно, в глубокой скорби сидеть возле Зои, и мой отсутствующий взгляд уже ничего не выражал, только пустоту и холод... И только где-то глубоко внутри жгло... Я ненавидел Синку, мачеху, Вальку и этот тесный холодный дом...

Не знаю, сколько времени я так просидел, наверно, не очень долго, но мне показалось, что целую вечность — вечность боли, страдания и одиночества.

В сенки, где находились мы с Зоей, вбежали запыхавшиеся ветеринар и мачеха. Ветеринар, встав на одно колено, начал небрежно, как кусок дерева, ворочать Зоино тельце с боку на бок, смазывая его зеленкой, перевязывая бинтами все тельце, руки и ноги, бормоча что-то себе под нос. И я вдруг, понял: «Зоя живая!» Закончив перевязку, ветеринар подошел к мачехе и возбужденно зашептал:

— Если что, ты-то тут ни при чем.

Позднее я понял, как мачеха жаждала нашей смерти и в то же время боялась тюрьмы.

— Витька, вы с Зойкой и рахитом будете спать здесь. — Откуда-то мачеха принесла брезент и тряпки. — Вот ваша постель.

Из принесенного ею я соорудил что-то вроде постели, уложив большую часть тряпок туда, где собирался разместить сестру. В полу были большие щели, и отцовский фронтальной брезент очень пригодился. Теперь нашим жилищем стали сенки. Уже который день Зоя не приходила в сознание, но ее тельце оставалось теплым.

На третью ночь после переселения было очень холодно, я замерз и без сна лежал с открытыми глазами. Слышно было, как мимо проходили рабочие, спешащие в ночную смену. Я встал, меня била крупная дрожь, так я еще никогда не замерзал... Выгнав гусей на выпас, я тут же вернулся обратно.

— Выпускай Синку, — приказала мачеха, держа на руках Юрку. — Не будите Вальку, ей сегодня не в школу, пусть спит.

Выпуская Синку, каждый раз, когда не видела мачеху, я палкой сколько было силы колотил свиному по спине и бокам, вкладывая в эти удары всю свою ненависть, мстил за Зою, за Колю, за себя. Эта людоедка начала меня бояться и при моем приближении отбегала в сторону, завидев палку в моих руках.

Отгнав Синку подальше, я вернулся в сени. Мачеха с позевывающей Валькой стояли в дверях и брезгливо смотрели на неподвижно лежащее тельце, обмотанное бинтами и измазанное зеленкой.

Я догадался, почему я ночью так замерз... Зоино тельце остыло... Я стоял за домом и плакал... Идущие, мимо нашего дома женщины остановились и о чем-то оживленно стали разговаривать. Заметив меня, они подошли поближе:

— Тебя опять эта сволота била?

От проявленного сочувствия я заплакал еще сильнее и не смог выговорить ни слова. Вокруг собралась уже целая группа. Одна из них обратилась ко мне, обняв нежно за плечи, тихо спросила:

— Видели на днях наши бабы, кого-то Шуркина свинья искусила. Не тебя ли?

— Сестру мою, — с трудом выговорил я.

— А где она?

Захлебываясь слезами, я не мог говорить.

— Ну, скажи, что с ней?

— Умерла она... сегодня ночью, — с трудом выговорил я.

Женщины, полные решимости, не сговариваясь, направились к дому.

Я зашел в сени и тихонько присел подле Зоино тельца. Предвидя суровую разборку с группой возбужденных женщин, в доме начался переполох, но быстро все стихло, забрав Юрку и Витьку, мачеха с Валькой быстро покинули дом. Женщины загнали Синку в клетку, гусей — в загон и все стояли, возмущенно между собой переговариваясь.

На другой день на машине приехал отец, молча подошел к трупику Зои, наклонился и посмотрел на меня:

— Синка ее?

— Я кивнул головой.

Отец уехал молча, даже не зашел в дом, где уже собрались люди.

Вскоре со второго участка на лошади, запряженной в телегу, приехали Володя, мама и Гена. Маму ввели в дом.

— А где же мои-то? — произнесла она вслух.

Женщины с жалостью смотрели на ее мертвые глазницы и крестились, произнося: «Господи, господи, горе-то какое».

Я поспешил к маме. Прижавшись к ней, я ощутил теплоту и надежность. От ее ласкового прикосновения мое сердце вздрогнуло и радостно забило, как маленькая птаха, желающая выбраться из этой тесноты на свободу, расправив крылья, взвиться прямо к солнцу, напиться этой горней синевы росистых трав и дышать, дышать, дышать...

Я взял ее за руку и осторожно подвел к Коле сидящему в своем углу. Мать, будто зрячая, медленно опустилась перед ним на колени и ласково заговорила с ним. Она говорила спокойно и умиротворяюще, но было видно, что она с трудом сдерживает слезы. Лицо ее разгладилось, и чуть заметная улыбка сделала ее моложе.

Коля начал произносить какие-то звуки, радуясь близости с мамой. Своими слабенькими ручонками он вцепился в ее морщинистую, шершавую руку, пытаясь что-то выговорить. Мама, не отнимая своей руки у малыша, с надсадой в голосе спросила:

— Витя, где Зоя лежит?

Она крепко прижала Колю к своей груди, медленно наклоняясь над его головкой, поцеловала и поднялась с колен. Я подвел ее к безжизненному

тельцу сестры. Взяв ее на руки и прижав к себе, мать опустила на стоящую возле печки скамейку и, раскачиваясь из стороны в сторону, будто укачивая спящего ребенка, беззвучно зарыдала.

Долго она так сидела, прижимая дочь к груди, тихо покачивая головой и чуть шевеля посиневшими губами. К матери приблизилась уже знакомая мне женщина:

— Пойдем, Марфа Дмитриевна, отдохнуть тебе надо, всю ночь просидела, пожалей себя...

Мать, словно очнувшись, медленно подняла голову:

— Маруся — ты?

— Я, Марфа, я.

— Горе-то тебя как измучило.

Маруся взяла маму под руку и помогла ей подняться.

— Где эта змея ядовитая, увидеть ее хочу — детушкинцу этакую...

Не успела Маруся и шагу шагнуть, как услышала у себя за спиной будто вздох людей, которые находились в доме: «Ох!», и обернулась... Несколько женщин, что стояли поближе, подхватили падающую без чувств мать. Долго она лежала в глубоком обмороке, и никто не мог забрать из ее объятий мертвое тельце девочки. Маруся суетилась возле матери, всхлипывая и крестясь. Почти все женщины молча плакали: кто — прикрывая лицо руками, кто — отвернувшись к окну, чтобы не выказывать своей боли и без того страдающим чужим горем людям, а кто — просто, не стесняясь своих слез, смахивал их с лица кончиком головного платочка. Дом был наполнен тяжестью переживаемого в этот час горя, и, казалось, что даже стены вот-вот возопиют под этим гнетом.

К лежащей на широкой скамье мертвенно-бледной матери подошла еще одна знакомая:

— Ой, Марфа, — качая головой, будто говоря сама с собой, прошептала: — От твоей красоты-то ничего не осталось, — перекрестясь, она отошла к стоящим поодаль женщинам, вытирая глаза белой тряпкой.

На пороге появилась Валька с подружками. Она рассказывала им что-то веселое, и они все улыбались. Володя, увидев это, схватив штыковую лопату, бросился на Вальку. Все с визгом метнулись по сторонам. Зная, что Валька, как и ее мать, тоже принимала участие в истязании его младших братьев и сестры, Володя бежал за Валькой, размахивая лопатой и крича вслед, что все равно поймает и вернет ей все долги за все дела ее.

Мать очнулась, не выпуская трупик из рук, попыталась сестры... Женщины спешно пришли ей на помощь, усадили возле стенки, чтобы она могла на нее облокотиться. Попытались взять из ее рук тельце девочки, но она твердо ответила:

— Нет, — она еще крепче прижала дочку к груди и, как в забытьи, повторяла и повторяла, полусшепотом, одни и те же слова:

— Будь проклята эта война... будь проклята эта война... будь проклята, эта война...

Мать по характеру своему была беззлойной и не винила ни отца, ни мачеху-разлучницу. Она во всем винила войну — не будь войны, не было бы столько горя.

Вечером, уже в сумерках, старшие братья, мама и Коля поехали на телеге домой. Я один остался в хищных лапах мачехи. Я побежал за телегой, но какой-то мужчина, подхватив меня на руки, сказал: «Потерпи, сынок, скоро на парткоме мы решим вашу судьбу», — и, отпустив с рук, поставил меня на ноги, после чего я немного успокоился и долго еще стоял под впечатлением от случившегося, смотря вслед удаляющейся телеге. Теперь, когда мои родные знали, что происходит в мачехином доме, и когда внутри меня поселилась надежда на скорое изволение, я словно обрел внутреннюю силу, решил держаться и ждать.

После всего, что произошло, мачеха ко мне стала немного лучше относиться. Кормила уже овсяным киселем, давала чай с сахаром, но забыть все пережитое и простить я никак не мог, и в душе у меня была пустота и злость... Я не находил себе места. Перестал по ночам ходить за отрубями. Мачеха долго меня уговаривала, но я был уже не тем забитым и покорным мальчиком, который соглашался на все, лишь бы она не трогала двойняшек. Я уже не боялся ее так, как раньше. Сейчас все проще...

Время шло медленно, иногда казалось, оно останавливалось и никак не хотело двинуться с места. Я все ждал и ждал, когда за мной приедут, и однажды, я все-таки не вытерпел, — задумал побег — к своим. Мечтал об этом уже ежедневно, но не мог — не было подходящего случая. Гусей и Синку я пас с утра до вечера. Проходившие по рабочей тропе люди догадывались, что я таскал по ночам отруби, но из-за жалости ко мне молчали.

Как-то сидел я в глубокой задумчивости недалеко от тропы и вздрогнул от неожиданности. Возле меня стояла женщина.

— Тебя как зовут?

— Витей, — отвечаю.

— Вот что, Витя, не ходи больше за отрубями по ночам. Пусть Шурка сама ходит, ворует, может, скорее ее посадят, издевается ведь она над вами.

Я встал и, стыдливо опустив голову, произнес:

— Я больше не ворую отруби.

Женщина подошла ко мне поближе, погладила меня по голове и сказала:

— Вот и молодец. Говорят, мама приезжала?

У меня выступили слезы.

— Да, они все уехали и Зою увезли.

— Зою? Это ту девочку, что Шуркина свинья загрызла?

Я заплакал. Она бережно прижала мою голову к своей груди и стала гладить меня по волосам, ласково приговаривая, чтобы я успокоился. По тропе проходили другие женщины:

ГЛЕБОВА Людмила

(См. Грибоедова, Л.Т.)

ГЛЕБОВА Мария Михайловна (1840–е гг. — 1919), авт. воспоминаний.

Актриса Александринского и провинциальных театров, антрепренер. "За пятьдесят лет. (Воспоминания)". Сообщ. П.Скуратов. — "Русское Старина". 1916. Т.166. № 6; Т.167. № 7-9; Т.168. № 10-12. Напис. воспоминания о пребывании в Германии во время войны — в кн. Г.В.Шварца "Из вражеского плена" (Пг., 1915).

ИДРДВ. Т.3. Ч.4 ; Т.4. Ч.4 указ. имен.

ГЛЕБОВА Софья Николаевна (1854 — 1937), авт. воспоминаний.

Родственница Л.Н.Толстого. "Поездка в Ясную Поляну". — "Яснополянский сборник", 1980. Тула, 1981.

ИДРДВ. Т.5. Ч.1. № 433.

ГЛЕБОВА-СУДЕЙКИНА Ольга Афанасьевна (урожд. Глебова; 1885 — 1945), авт. дневника, переводчица, муза поэтов, адресат многих стихотворений.

Актриса и танцовщица. Художница прикладного искусства, скульптор. Первая жена живописца, графика и сценографа С.Ю.Судейкина. Ближайшая подруга А.А.Ахматовой (см). Окончила драматич. курсы Императорского театрального училища в СПб. по классу В.И.Давыдова, выступала в эпизодических ролях на сценах петербургских театров, была участницей представлений в «Бродячей собаке» и «Привале комедиантов», выступала в спектаклях по музыкальным сочинениям М.Кузмина. Была «подругой поэтов» и адресатом многих стихотворений, героиней «Поэмы без героя» А.Ахматовой, прототипом героинь М.Кузмина. С 1924 г. — в эмиграции. О ней: Мок-Бикер Э. «Коломба десятих годов...»: Книга об Ольге Глебовой-Судейкиной. СПб., 1993; Тименчик Р.О. Глебова-Судейкина: Первое приближение \\ Новое лит. обозрение. 1994. № 7 С. 213-219; Вера Судейкина. Дневник: Петроград. Крым. Тифлис. М., 2006.

ГЛИНИНА Ю.К.

Авт. "Записок хиромантки" (М., 1907). Венгеров. Источ.

ГЛИНКА Авдотья Павловна (1795 — 1863), поэтесса, прозаик, переводчица, обществ. деятельница.

Дочь поэта и переводчика П.И.Голенищева-Кутузова. С юности в совершенстве владела неск. европ. языками, изучала поэзию и музыку. Познакомилась со ссыльным поэтом-декабристом Ф.Н.Глинкой, полюбила его и вышла за него замуж. Современники отмечали религиозн. одержимость и нетерпимость Г. Она не примыкала ни к одному из лит. направлений. В 1850-е гг. вместе с мужем увлеклась спиритизмом. Много занималась благотворительно-просветительской деят., участв. в благотв. концертах, была попечительницей обществ и учеб. заведений. Лит. известность Г. принес перевод "Песни о Колоколе" Ф.Шиллера (М., 1832), популярной в либер. кругах. Переводы Шиллера издала отд. книгой (СПб., 1859). Много заним. перев. религ. лирич. стихов преромант. характера. При жизни Г. напеч. лишь небольшая часть ее оригин. стихов. Выступ. популяризатором Священного писания ("Жизнь Пресвятой деви Богородицы из книг Четьи-Минеи", выдерж. 16 изд.). В 50-е годы выступ. с нравоучит. повестями "для народного чтения". Две светские повести Г. не имели успеха. Пов. "Леонид Степанович и Людмила Сергеевна" (СПб., 1856) сохраняет историко-лит. интерес как один из первых образцов антиингилист. романа. Г. написала также "Мои воспоминания о незабвенной Екат. Влад. Новосильцевой, урожд. графине Орловой" (М., 1850).

Русские писатели (портр); Масанов; Слов. рус. писательниц; ИДРДВ. Т.1. № 431; Розанов.

Продолжение в следующем номере

— Пойдем, Нюра, — обратились они к стоящей возле меня женщине. Увидев мои заплаканные глаза, подошли к нам.

— Нюра, это тот мальчик, про которого мы говорили?

— Да, это Витя, он больше по ночам не ворует, — сказала женщина, улыбаясь и продолжая гладить меня по голове своей крепкой, но нежной ладонью.

Женщины еще немного постояли со мной, а затем пошли дальше.

Днем к дому, громыхая и пыхтя, подъехала грузовая машина. Отец выгрузил из кузова несколько мешков отрубей и сразу уехал. Во дворе, похрюкивая, рылась Синка, паслись уже окрепшие гуси. Все утопало в зелени: под забором цвела неприхотливая череда, крапива вытянулась в мой рост и склоняла свои тяжелые стебли, норовя уцепить то за руку, то за ногу, а кусты сирени, которые отцвели еще весной, стояли как принцессы в широких атласных платьях. Селяне несли из леса корзины, полные душистой земляники. Лето, в полноте своей, радовало и сердце, и душу.

— Витька, завтра сходишь за ягодой, Юрочке нужны витамины. Валя посмотрит за твоими гусями и Синкой.

Я очень обрадовался мачехиной просьбе, ведь я уж и не помню, когда ходил в лес, хотя он вон совсем рядом, рукой подать. Но больше меня тревожила не прогулка по лесу, а...

— Хорошо, тетя Шура!

С нетерпением я ждал завтрашнего дня, ночью спал плохо, все ворочался. Только рассвело и солнце чуть высветило макушки сосен, я подхватил литровую кружку и побежал по той дороге, по которой уехали мои родные в тот памятный для меня вечер.

На пути, в перелеске, паслось много свиней, они почему-то были без пастуха, я настороженно остановился, но моя цель была уже так близка, что, преодолев свой страх, я вихрем промчался через опасный участок, не оглядываясь.

Все очень обрадовались моему приходу! Мама обняла меня и сказала:

— Зоеньку-то мы похоронили, — и на ее глазах тут же выступили слезы.

(Продолжение следует)

Владимир ТРУСОВ,
фото автора

Царский мост

Через старый Сибирский тракт между селениями Гробо́во (сейчас Первомайское Нижнесергинского района Свердловской обл.) и Черемшой (принадлежащей Первоуральску) протекает на протяжении 7 км Большая Расковалиха (Расколиха), которая впадает в речку Черемшу. В 3 км от деревни Черемши находится гора Расковалова, или Расколиха (410 м). С этой возвышенности и стекают Малая и Большая Расковалихи. Малая речка от истока через 3 км вливается в Большую Расковалиху. Через эту «старшую» речку на

Трусов Владимир Александрович, автор более 150 статей на исторические, родо-ведческие и краеведческие темы. Печатался в журналах «Уральский следопыт», «Веси», в альманахах и сборниках. Участвовал в съемках художественных фильмов режиссеров Геннадия Каюмова «Варвара» и Андрея Мармонова «Дикое счастье» по одноименному роману Д. Н. Мамина-Сибиряка. Живет в Первоуральске.

Сибирском тракте и построен уникальный мост. Ему более двухсот лет.

Царским я назвал его потому, что по нему проезжали в 1824 году царь Александр I; в 1837 г. – царевич, наследник престола Александр Николаевич, в 1845-м – герцог Максимилиан Лейхтенбергский, муж дочери Николая I.

Существует несколько легенд о происхождении топонима речки.

Однажды у ямщика, везшего барина, расковалась лошадь и не могла в гололед одолеть подъем от реки. Ямщик ходил в деревню Гро-

бобо за кузнецом. Так приток Черемши и назвали Расковалиха – где расковалась кобыла.

Есть версия, что название произошло от беглого старообрядца по имени Расковал, жившего на берегу этой реки.

Можно отметить и такую легенду. Якобы на берегу реки находилась кузница, где снимали оковы со ссыльных людей. Все равно уставшим каторжникам без еды, теплой одежды, спичек и в незнакомой местности бежать было бесполезно.

Вблизи села Первомайского находится гора Грובה (415 м). В 1875 году Василий Иванович Немирович-Данченко совершил путешествие по Уралу. Во время поездки он вел записи. В конце 1870-х и в 1880-е годы стали печататься произведения об Урале Д.Н. Мамина-Сибиряка (например, роман «Приваловские миллионы»). И поэтому Немирович-Данченко решил вернуться к поездке на Урал. Многие за 15 лет забылось. А чтобы книга «Кама и Урал» имела коммерческий успех и лучше продавалась, Василий Иванович придумал много невероятных историй и анекдотов, которые подчас цитируются как исторические факты. Вот что он сочинил о местности неподалеку от царского моста.

«Название горы «Грובה-ская» – от чего и село произошло – явилось потому, что близ вершины нашли громадные гробы в виде колоды. Над гробами был насыпан курган.

– Чьи же это гробы?

– Да видишь, цари были такие неверные, которых Ермак побил, – ну, так и гробы их.

В другом месте мне объяснили иначе.

– Это волшебные люди в гору хоронились. Как Русь пришла – они и давай в гробы прятаться... Им в гробах просторно было. Они с собой туда золото и серебро прятали... Ну, а по ночам выходили и убивали наших. Покуль мы по горам

этим крестов не поставили – все так и шло. А как кресты поставили – сейчас они, волшебные люди, в гробах своих истлели, а все богатство их в гору ушло – жилами просочилось в горах-то, в камению самом...»

На самом деле имя деревни Гробо́во произошло во второй половине XVII века от основателя по фамилии Трофимко Ондреев сын Гробов, жившего ранее в Уткинской (Чусовской) слободе.

О строительстве дороги в этих местах сообщается в двух документах, найденных в Государственном архиве Свердловской области.

«Доношение.

В канцелярию Главного заводского правления Сибирских и Казанских заводов от поручика Карла Бранта.

В указе Ея Императорского величества ис канцелярии Главного правления Сибирских и Казанских заводов, писанной июля 5-го под № 2773-м, а полученной мною того ж июля 7-го чисел 1735-го году, в котором написано мая 13-го дня велено поручику Сикорскому от Билимбаевского завода до реки Пу́та измерять места, где мосты и гати надлежит сделать, расположить на Уткинскую слободу, заводы партикулярные и черемис посчислению дворов каждого, токмо выключая мастеров. От реки же Пу́та мосты мостить Кунгурским уездом и оные, чтоб, конечно, в июле окончаны и отделаны были. Ему ж поручено смотрение в поселении высылаемых ис Кунгурского уезда крестьян по Кунгурской дороге близ Уткинской пристани. Для вспоможения в том ему послан от здешней роты капрал, но ныне ис присланных от него Сикорского доношения о дороге усмотрено, что не токмо она в июне окончана, но еще сделано самое малое число, только что делать начато, а о крестьянех, что их выслано и где под селидбу места отведены и не репортовано, а понеже ему Сикорскому за положенными на него другими делами всегда самому при том быть и оно ж усмотреть невозможно. И за тем то исправление дороги и селидба крестьян на кунгурские и в том исправлении дорога и в селидбе прилежное смотрение мне поручику Бранту, и что дороги исправлено будет и какими людьми, также и кунгурских крестьян к поселению явитца и на которое место о том репортовать.

И по оному Ея Императорского величества указу и определению дороги по своей возможности старосте имел, и другие вперед дорогою усмотрено мною было от Билимбаевского завода мостов и гатей сделано и лесу росчищено по настоящим местам близ половины до Кленовской заставы, а от Кленовской заставы, а кунгурских крестьян у поселения такого не

имелось, о чем от меня представлено было в Главную канцелярию доношением июля 17-го дня, как к росчиске дороги и мощению мостов по силе указов, писанной на партикулярные заводы и в Чюсовскую пристань к высылке к росчиске дороги и мощению мостов, требовано ж сеньтября 6 дня, но которым моим требованиям к росчиске дороги никто и по ныне не бывали, а за чем неизвестно, и в Кунгурскую воеводского правления в канцелярию и в Пермское начальство о сыску и в присылке к поселению на показанные места требовано их неоднократно, но которым моим требованиям в присылке к поселению имеетца самое малое число, а в бытность мою Кунгурского ведомства разных сел крестьянами и оброчными черемисами от деревни Ачида по обоим сторонам лесу разрубили на четыре версты, мостов намостили чрез реку Ачид мост тритцеть восемь сажень, близ же деревни Ачида мосту три сажени, от Ачида в разстоянии в двух верстах чрез лог мост восемнатцати с половиной сажени.

И канцелярию Главного правления Сибирских и Казанских заводов о вышеписанном обо всем доношу и на оное какое да благоволение будет. Октября 29 дня 1735-го году. Карл Брант».

«1735-го ноября 5 день. По указу Ея Императорского величества в канцелярии Главного заводов правления, слушав сего доношения, согласно определили: оную Кунгурскую дорогу по силе прежде учиненного в июле мсце сего года определения росчищать и как тем определением повелено исправлять неотложно и чего поныне не доделано, то доделать будущю весною и о том, куда надлежит подтвердить указами. Антон Хрущов, Никифор Клеопин, Игнатей Юдин».

Каменный мост через речку Большую Расковалиху был построен только несколько десятилетий спустя, когда заработал на полную мощь почтовый Сибирский тракт.

Царский мост на речке Большой Расковалихе надо сохранить для потомков как памятник архитектуры. Но для этого мост следует отреставрировать. При бурном весеннем паводке из основания моста уже вымыло несколько больших камней. Их надо установить на свои места. Объем работы пока не большой, и не нужно ждать дальнейших разрушений. Не за горами юбилейная дата 400 лет дому Романовых, и реставрацию царского моста можно приурочить к этому торжеству.

Феликс СОЛОМОНОВИЧ,
фото из фондов Ивдельского краеведческого музея

ИВДЕЛЬЛАГ

Сплавные работы

Параллельно с лесозаготовками в подразделениях Управления велась кропотливая работа по подготовке первого сплава леса. Несмотря на сложности в подготовке и проведении всего комплекса сплавных работ, это был самый надежный и дешевый способ доставки древесины к месту переработки. Сама природа способствовала этому, так как весь район был изрезан тремя основными реками Лозьвой, Ивделем и Сосьвой, со множеством притоков и маленьких речушек.

Ещё в начале года был разработан детальный план подготовки и проведения сплава древесины по рекам Ивдель и Тальтия, Лозьва и Талица, Сосьва и Шегульта (позднее древесина сплавлялась еще по рекам Ушма, Вижай, Забытая, Северная Тошемка). Началось строительство плотин на реках Ивдель и Талица, обустройство сплавных путей. Сплав продолжался с ранней весны и до глубокой осени. Все намеченные пла-

ны были значительно перевыполнены. Впоследствии сплав проводился по двум бассейнам.

По Верхне-Лозьвинскому древесина поставлялась молём (каждое бревно отдельно) Першинскому ДОКУ, где перерабатывалась и, частично вагонами, отгружалась потребителям в круглом виде. Сплав леса в этом бассейне проводился на расстоянии 328 км шестью мастерскими участками (Ушминским, Вижайским, Бурмантовским, Шипиченским, Пристанским и Утенинским) дистанционно-патрульным способом до лесохранилища лесозавода. Такой способ давал возможность применить на сплаве, кроме моторных лодок, катера, трактора и другие средства механизации. Одновременно велась зачистка рек от остатков сплава, подъем затонувшей древесины. Люди, работавшие на «зачистке», проживали на «харчевых» плотях. На сплавном «караване», кроме жилых палаток, находился штаб, склады, столовая, электростанция, работал радиоузел, раз в 7 – 10 дней демонстрировались кинофильмы. В общем, по реке двигался микрогородок от пос. Ушма до акватории Першинского

Продолжение. Начало в № 2.

ДОКа. В лесохранилище, на расстоянии 23 км, древесина пропусклась по коридорам, сортировалась и подавалась на «хобота» выгрузочных агрегатов (выгрузка велась круглосуточно). Даже в мирное время сплавщики работали по 10 – 12 часов. Выгружаемая древесина после сортировки укладывалась в штабеля или подавалась в цеха для распиловки. В летние месяцы за сутки выгружалось более 10 тыс. кубм леса.

В подготовке, сплаве и выгрузке древесины ежегодно участвовало более двух тысяч мастеров, механиков, механизаторов и рабочих, в основном заключенных.

Сельское хозяйство

Наш край мало приспособлен для сельского хозяйства. Земледельцы каждый гектар земли с боем отвоевывали у тайги и болот. Но, несмотря на это, до организации Ивдельлага на территории с. Никито-Ивдель работало шесть колхозов и подсобное хозяйство «Золотопродснаба».

Для увеличения обеспеченности продуктами питания, которых очень не хватало, особенно в годы войны и послевоенный период, в 1938 г. при создаваемом лагере получило развитие сельское хозяйство. Особенно после приказа Наркомата внутренних дел от 7 февраля 1942 г. «О создании собственной продовольственной и фуражной базы».

В пос. Старая Сама, на 5-м ОЛПе, были организованы крупные молочно-товарная и свиноводческие фермы.

Подсобные хозяйства выращивали картофель, морковь, свеклу, капусту, турнепс и даже горох. В парниковом хозяйстве снимали огурцы и помидоры, но только для вольнонаемных.

В конце 1938 г. в Управлении был организован отдел сельского хозяйства и ширпотреба, а руководить ему было чем. В Управлении на лесозаготовках и хозяйственных работах имелось уже 880 лошадей, и каждый год их число увеличивалось.

В начале пятидесятых на балансе Управления – уже 16325 га угодий, пашни – 2080, крупного рогатого скота – 995 голов, свиной – 513 и лошадей – 1095.

С каждым годом увеличивалось производство сельхозпродукции, сотрудники и осужденные имели в достаточном количестве собственный картофель и овощи. Среди работников Управления начало развиваться огородничество.

В 1940 г. средний удой на одну фуражную корову по сравнению с 1938 г. вырос в полтора раза, и это тогда, когда не было комбикормов, а рацион составлялся из сена, сочных кормов и корнеплодов. Начали организовываться малые молочные и свинофермы в подразделениях. В Самском хозяйстве выпускались различные колбасные изделия (организовал участок Ф.И. Виплер, из сосланных немцев), сыры. В 1953 г. были посажены яблони, а в 1957 г. разводились пчелы. В 1960 г. все имеющиеся в городе сельские хозяйства, принадлежащие колхозам и другим предприятиям, передаются в ведение Лесоуправления. Особых успехов добивалась Л.И. Драгунова, длительное время работавшая бригадиром теплично-парникового хозяйства. Выращивая «капризные» огурцы, она ими и рассадой обеспечивала не только город, поселки района, но и населенные пункты дороги Ивдель – Обь.

До пуска в действие автодороги Ивдель – Североуральск пионерский лагерь «Уралец» полностью обеспечивался сельхозпродукцией Самского участка.

На Ивдельском участке в 1969 г. вместо небольшого цеха по переработке молока был запущен молоко-

Карта Свердловской области с обозначением ИТЛ, УИТЛК, комендатур отдела спецпоселений. Начало 50-х гг.

Город Ивдель. 30-е годы

завод. Микроцеха по переработке молока, обеспечивающие молочными продуктами детские учреждения, столовые, магазины и больницы, были организованы не только в подсобных хозяйствах Управления, но и в отдаленных подразделениях. Во всех подразделениях и в городе работали хлебопекарни, выпускающие хлеб и хлебобулочные изделия для значительных коллективов вольнонаемных сотрудников и заключенных.

С середины шестидесятых, особенно в начале семидесятых годов, было развито птицеводство. Птичник подсобного хозяйства обеспечивал город и поселки яйцом, куриным мясом и цыплятами.

Центральные ремонтно-механические мастерские

Создание Ивдельлага автоматически поставило задачу организации ремонта имеющейся техники, изготовления инструмента и оборудования для лесозаготовительных работ, транспортировки леса, деревообработки, изготовления необходимых литейно-кузнечных изделий для производственных и жилых зон колоний.

Имеющийся в Лаксийском ОЛПе ремонтный участок, расположенный в нескольких небольшихдомишках, где работали десяток заключенных-металлистов, латающих технику, никого удовлетворить не мог.

В начале лета 1939 г. на юго-восточной окраине села, рядом с бревнотаской и пилорамой, на острове реки Ивдель, принадлежащем 9 ОЛПу (ныне ИК-55), были заложены фундаменты ЦРММ. Т-образный корпус строился с перспективой дальнейшего расширения. Строительство велось ускоренными темпами все световое время (использовался не только световой

день, но и летние белые ночи). Привезенное в зимнее время лошадьми со ст. Вагран оборудование монтировалось сразу, в еще строящемся цехе. В мастерских располагались механический, слесарный, моторный, медно-гальванический и монтажный участки. Была столярная мастерская. Возводилась электростанция и парокотельная с котлами П-75 и СК-125, кузнечно-литейный участок. Впоследствии даже работала часовая мастерская.

В мастерских тогда трудились до 15 заключенных инженеров (осужденных по 58 статье), но они в основном работали простыми слесарями и станочниками. Среди них были С.А. Кокаулин, после освобождения трудился гл. инженером мастерских и в производственном отделе Управления; инженер-механик В.Л. Рафаэль, принимавший участие в установке на Всемирной выставке в Париже знаменитой скульптуры В.И. Мухиной «Рабочий и колхозница»; инженер-инструментальщик М.Г. Вайнер, закончивший политехнический институт в Германии; модельщик Фишер, формовщик Дормерас, литейщик Соклаков, токарь-универсал В.С. Подколотный, инженеры И.И. Фризен, Я.Х. Лейвальд и многие другие. Об их технических знаниях, участии и организации производства, рационализации и изобретательстве рассказывали чудеса.

В ЦРММ ремонтировались автомобили ЗИС-5 и ГАЗ-АА, газогенераторные ЗИС-13, ЗИС-21 и ГАЗ-114, трактора различных марок, всевозможное оборудование для лесозаготовок, деревообработки и сплава. Изготавливался различный инструмент и запасные части, даже для швейных машин своей пошивочной мастерской. В последующие годы ЦРММ ремонтировали автомашины ЗИС-355, трактора ТДТ-40 и 55, 60 и 75, ТТ-4, гидропогрузчики, различные двигатели, а

также всевозможное нестандартное оборудование и т.д. Чугунным и стальным литьем предприятия пользовались не только подразделения лагеря, но и предприятия области: Свердловский механический завод, Белоярский инструментальный и другие.

Трудармия

Ивдельлаг был одним из четырех лагерей, где находилась основная масса трудармейцев на Урале (кроме Ивделя, Н.Тагил, Краснотурьинск и Челябинск). К нам трудармейцы начали прибывать осенью 1941 г.

В информационно-архивной группе ФГУ ЦИТО ГУФСИН России по Свердловской области с дислокацией при ИК-55 (бывшем архиве Ивдельлага) есть три книги, в которых помещены списки трудармейцев, побывавших в Ивделе. В них названы люди различных национальностей (в подавляющем большинстве – немцы) с указанием их года рождения, кем и когда был мобилизован, а также его дальнейшее местонахождение и судьба, которая была очень непростой. Их там 13496 человек. Думаю, что и этот список неполный – это подтверждают многие факты. За примерами далеко ходить не надо.

Приказом НКВД № 0083 от 12 января 1942 г. «Об организации отрядов из мобилизованных немцев в лагерях НКВД СССР» и докладной запиской начальника 2-го отдела ГУЛАГа Грановского уже конкретно говорится, что в Ивдельлаг направлено 12899 человек. И еще один факт: фамилий многих людей, сегодня живущих и здравствующих, в списках просто нет.

Из мобилизованных создавались спецотряды, просуществовавшие до 1946 г. как лагерные единицы, под порядковыми номерами. Первый отряд из мобилизованных немцев в Ивделе был создан 12.01.1942 г., а к апрелю их уже было пять и три отдельные колонны.

Первый отряд в составе четырех колонн дислоцировался в районе Каменки (сегодняшний пос. Полуночное). Второй в составе двух колонн – в поселках Першино и Палкино. Третий в составе трех колонн – у поселков Пещерное, Шипичное и Талица. Четвертый отряд в составе трех колонн – в районе пос. Вижай, Бурмантово и 70-го квартала. Пятый отряд в составе двух колонн – у поселков Лаксия и Горностаевка. Три отдельных колонны находились в районе поселков Утенино, Северный и Ивдельского сельхоза.

Конечно, эти отряды и колонны не имели ничего общего с армией, хотя и создавались из лиц, в основном призываемых военкоматами, а были просто лагерями для ссыльных.

Кстати сказать, из Ивдельлага трудармейцы постоянно передавались в другие организации и учреждения. В самом Ивделе «услугами» спецпоселенцев пользовалось в основном Полуночное рудоуправление, Северная геологоразведочная экспедиция (особенно в 1946 г.), Марсятское рудоуправление и даже городской отдел МВД, да и многие другие.

В 1943 г. в пос. Старая Сама (расположен в 3 км от одноименной станции железной дороги) привезли

еще и высланных женщин-немок, также якобы трудармеек. Условия их проживания и использования на работах ничем не отличались и были несколько не легче, чем у женщин-заклученных.

Пошивочная мастерская

Должен отметить, что смертность и среди трудармейцев была высока. Особенно в 1942 г. – 1387 человек и в 1943 г. – 667. За десять лет, с 1941 по 1950 гг., скончалось 2212 человек.

В апреле 1946 г. трудармия была ликвидирована, а немцы переведены на спецпоселение, под надзор местных органов НКВД. И эта «свобода» еще продолжалась почти десять лет, до момента выдачи им паспортов.

Медицина

При организации Ивдельлага медицинская служба начиналась с нуля. Первоначально больница и поликлиника в «Городке» расположились в трех деревянных зданиях. Впоследствии одно из зданий больницы было заменено на вновь выстроенное в конце 50-х годов. В декабре 1970 г. началось строительство двух двухэтажных кирпичных лечебных корпусов и поликлиники. В них сегодня располагается отделение филиала Центра медицинской и социальной реабилитации, возглавляемое В.И. Конишевским.

Приведу несколько цифр:

На 1 января 1942 г.

	Вольнонаемных	Заклученных
Врачей	3684	2100
Фельдшеров	4242	2102
Медсестер	4559	2281

На 1 декабря 1944 г.

	Вольнонаемных	Заклученных
Врачей	3765	1800
Фельдшеров	3765	1800
Медсестер	5157	2599

В больнице работали высококвалифицированные врачи-специалисты, в том числе два заслуженных

врача РФ Ц.Д. Шмидт и А.А. Шаронин. Многие были отличниками здравоохранения. И.Д. Прудков по договору должен был работать в Ивдельлаге три года, а проработал вместе с женой, тоже врачом, девять лет. После отъезда в 1961 г. работал в Областной железнодорожной больнице, а потом в 40-й гор. Свердловска. Доктор и профессор медицинской академии. К сожалению, он рано ушел из жизни, но его дело продолжают два сына, тоже классные специалисты. Один из них – Михаил – главный хирург Уральского федерального округа, а другой – Александр – возглавляет медицину гор. Екатеринбурга.

Теперь о врачах-заключенных. В первом ряду, конечно, стоит Н.И. Торопов, работавший хирургом в 4-м управлении Народного комиссариата здравоохранения СССР, потом главным хирургом КВЖД (Китайская восточная железная дорога), а вернувшись оттуда после ее продажи – в институте им. Склифосовского. Это ли не характеристика специалиста, спасшего множество жизней в Ивделе и поселках, особенно в зонах, среди осужденных! Был случай, когда он, отбывая срок по 58 статье, не побоялся вступить в спор с начальником Управления Борисовым – по организации питания и лечения в больнице и ее строительстве. В то время это был подвиг!

После отъезда из города Торопов возглавлял детский санаторий. Его постоянным напарником был не менее известный врач – ленинградец А.Е. Цацкин. Помню из рассказов матери, что к нему во время войны приезжали из многих городов страны больные женщины и после его операций выписывались здоровыми.

Нельзя не сказать о терапевте Н.Е. Рубинчик, которая вместе с мужем, видным судостроителем, тоже отбывала наказание в Ивдельлаге. Да и о других врачах-заключенных: Пересада, А.М. Горовиц, Оснесс были «политические». Врач И.Г. Гентер в течение трех лет, начиная с 1938 г., отбывал срок в Ивдельлаге, потом до 1953 г. находился на спецпоселении. Впоследствии длительное время трудился в пос. Екатерининка, получив признание многих жителей района.

В каждой из колоний для осужденных были открыты фельдшерские пункты, где оказывалась первая помощь; имелись небольшие изоляторы. В случае серьезного заболевания или получения травмы, заключенных отправляли в центральную больницу, расположенную в 9 ОЛПе (впоследствии 4 ИТК, ИК-55). В начале 40-х в Лосином была открыта психоневрологическая больница, а чуть позднее в Надымовке – туберкулезная. Медицинский персонал везде был высококвалифицированным. Первоначально в больницах работали те же врачи, что и в вольнонаемных, а впоследствии они начали укомплектовываться своими кадрами.

Культурно-массовая работа

В колониях среди осужденных работала художественная самодеятельность. Лучшие артисты-заключенные, по инициативе начальника Управления И.И. Долгих, были собраны в лагерную агитбригаду при 9 ОЛПе. Руководителем назначили композитора и дирижера А.В. Варламова, а бригадиром – художника-карикатуриста и выступающего с пародиями М. Усааса. Руководил оркестром быв-

Дом в поселке Полуночном

ший главный дирижер московского театра оперетты А.А. Хмелевич. В ее составе выступали известные в то время артисты, музыканты и композиторы: Г. Чехмахов – аккордеонист, М. Степанян – тромбонист, А. Назарян и Тактаулов, Н. Ровнев и Суржиков – саксофонисты; солист Большого театра СССР, баритон Д. Головин, певицы сестры Александровы, Л. Сидельникова из КВЖД, Е. Быстров – артист ленинградского ТЮЗа, актер Харьковского театра оперетты А. Соколовский, танцовщица из Белоруссии М. Малиновская, Шамсутдинов – из театра оперы и балета г. Казани. Танцевальную группу возглавляли Илларионов, искусствовед и драматург И. Багиашвили. Выступали виолончелист М. Гессель, скрипач Шевчук, певец Н.Н. Крейер, художник-декоратор Подрапатов, комики-пародисты Ижик и Кольцов, а также Стрельцов, Шевчук, Чернова, Арутюнов, Михайлов, Блехер, Калабухов и многие другие. Почти все они были осуждены по 58 статье. Этот коллектив постоянно выступал в клубе им. Дзержинского и в подразделениях Ивдельлага. В его исполнении можно было услышать и увидеть программы различных жанров в сопровождении большого эстрадного оркестра.

Спортивная работа

В 50-х годах стали проводиться соревнования среди заключенных на первенство Ивдельлага – между колониями. Финальные соревнования проходили в парке «Кедровник», и мне довелось судить соревнования по легкой атлетике, волейболу и футболу. Должен сказать, что команды были сильные, т.к. в их составах выступало много мастеров. С 1948 по 1950 годы в Ивделе отбывал срок и тренировал команду «Динамо» один из четырех братьев футболистов-спартаковцев Старостиных – Александр – тоже по 58 статье.

Нерегулярно, но проходили, прямо в жилых зонах, товарищеские встречи по волейболу и футболу между командами Управления и осужденных. Не всегда вольнонаемные были победителями.

Учитывая значимость достижений наших спортсменов, в 1974 г. в Ивделе прошел финал первенства Главспецлеса МВД СССР по легкой атлетике и кроссу.

Великая Отечественная

В самом начале войны в системе лишения свободы было 53 исправительно-трудовых лагеря, 425 исправительно-трудовых колоний, 172 контрагентских колонии и 50 колоний для несовершеннолетних.

При наступлении фашистских войск было эвакуировано 750 тыс. заключенных из 27 лагерей и 210 колоний. Было этапировано более 141 тыс. осужденных из 272 тюрем.

Великая Отечественная война коренным образом изменила жизнь всей страны, в т.ч. нашего села и поселков. Ивдельлаг, а он был закрытым учреждением, не остался в стороне и делал всё для победы над врагом.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1941 г. заключенные досрочно освобожда-

лись и направлялись в действующую армию. За мелкие преступления вообще не привлекались к наказаниям. Всего по стране в армию было направлено порядка 420 тыс. заключенных. Только по специальной разрядке, от 20.12.1942 г. из подразделений Ивдельлага было отобрано двести человек в возрасте до 40 лет, досрочно освобождены и отправлены в действующую армию. Часть узников, по специальному Постановлению Государственного Комитета Обороны (ГКО), была освобождена из-под стражи и отправлена в штрафные батальоны, таких по СССР набралось 157 тысяч.

Начиная с 1946 г. в лагерь начали прибывать бывшие фронтовики, осужденные за мародерство, хулиганство, изнасилование и т.п.

Условия жизни ивдельчан в годы войны, как и во всей стране, ухудшились. Несмотря на это, плохо одетые и обутые, голодавшие и недосыпавшие люди отдавали все свои силы работе – строили лежневые дороги, жилье, дорогу Ивдель – Полуночное, трудились на лесозаготовках и т.д. На всех этих и многих других трудились местные жители, спецпереселенцы и заключенные.

В военные годы Ивдельлаг увеличил производство древесины, столь нужной стране. За годы войны произведено и отгружено предприятиям Наркомата обороны более 370 тыс. кубометром леса. Першинский ДОК за период 1941 – 1945 гг. дал стране 368 тыс. кубм. пиломатериалов. Подразделения Учреждения поставляли авиабрус, артрафеты, ружейные болванки (их производили Лангурское и Юртищенское отделения), вагонную обшивку, шпалы для железных дорог, доски для автокузовов, заготовки для снарядных ящиков, судостроительные материалы. Кроме того, производились и отгружались круглые лесоматериалы: лыжные и фанерные кряжи, блиндажный накатник (изготавливали Вижайское и Шипиченское подразделения). Колонии в пос. Сама изготавливали для фронта лыжи и полозья саней.

Центральные ремонтно-механические мастерские выпускали солдатские котелки. Из жести, отходов этого производства, изготавливались пуговицы. Выпускали мундштуки, портсигары и зажигалки.

Работа строящегося марганцевого рудника была на особом контроле правительства, т.к. он практически остался единственным в стране, который добывал и отгружал марганцевую руду заводам, производящим бронированную сталь. Его начал возводить Ивдельлаг, потом передал другим строительным организациям.

Хочу напомнить, что не только труд заключенных, но и работавших с ними сотрудников обеспечивал выполнение поставленных задач. Трудилось много женщин. И все исполняли свои обязанности по 14 – 15 часов в сутки. Приходили после работы в нетопленое жилье, не всегда было что покушать да и во что одеться. Заключенные говорили работникам ИТУ: «Разница между нами только в том, что мы находимся внутри зоны, а вы снаружи».

(Окончание следует)

Валентин Моисеев,
фото предоставлено автором

Шахматный меценат Елим Демидов

Как-то раз, достаточно давно, попал мне в руки старый номер городской газеты «Тагильский рабочий» (за 15 июня 1996 года) с небольшой заметкой краеведа Тигрия Дьячкова о последнем владельце уральских заводов Елиме Павловиче Демидове, князе Сан-Донато. В заметке рассказывалось о малоизвестной стороне жизни этого неординарного человека – серьезном увлечении шахматной игрой, о вкладе в организацию крупнейших международных турниров. В газете был напечатан найденный Дьячковым фотоснимок, где Демидов изображен среди крупнейших шахматистов начала XX века. «Правда, это не подлинник, а фотокопия, она очень старая и, к сожалению, не отличается хорошим качеством», – сетовал автор.

Прошло время, я нашел другие, ранее не знакомые мне, материалы, и захотелось дополнить рассказ Тигрия Васильевича, замечательного энтузиаста-исследователя, которого, к сожалению, уже нет среди нас.

Напечатанный в «Тагильском рабочем» снимок, оказывается, неоднократно публиковался. Например, в книге Б.С. Вайнштейна «Мыслитель» (М., «Физкультура и спорт», 1981 г.), посвященной чемпиону мира по шахматам Эмануэлю Ласкеру. Но в этой книге, как и в большинстве другой шахматной литературы, издававшейся в СССР, Демидов совершенно не упоминался, что вызвано общественно-политическими причинами, поэтому пришлось обратиться к дореволюционным изданиям.

Наиболее полная информация о Е.П. Демидове как шахматном меценате оказалась в монографии «Международный шахматный Конгресс в память М.И. Чигорина», С.-Петербург, 1910 г. В ней множество фотографий, в том числе и упомянутый выше снимок, его сделал, как выяснилось, известный петербургский фотограф К.К. Булла. Основной частью «Конгресса» являлся международный турнир маэстро; прошел также всероссийский турнир любителей, в котором первое место занял 16-летний шахматный гений Александр Алехин. Эти крупнейшие, вошедшие в историю шахмат, соревнования проводились ровно сто лет назад, в начале 1909 года, в Петербурге; для их организации собирались пожертвования. Любопытно познакомиться с обширным перечнем «жертвователей». Пер-

*Елим Павлович Демидов, князь Сан-Донато
Снимок из архива И.Т. Коверды*

вым в списке названы его императорское величество государь император, выделивший 1000 рублей, и члены семьи императора, внесшие от 25 до 100 рублей. Затем перечисляются различные общества, а также многочисленные частные лица, из которых больше всех (по 300 рублей) пожертвовали Е.П. Демидов и Н.С. Терещенко, опередившие даже миллионера барона А. Ротшильда (200 рублей). Демидов, несомненно, мог дать еще больше, только превзойти императора было бы непозволительной дерзостью. Но в те времена и 300 рублей являлись огромной суммой. Среди «жертвователей» немало известных людей, например, турнир поддержал князь П.А. Шервашидзе,

Моисеев Валентин Дмитриевич родился в 1944 году в городе Нижнем Тагиле. Окончил физический факультет УрГУ. Инженер-геодезист. Живет в Нижнем Тагиле.

потомок семейства, родственного юной жене А.С. Грибоедова Нине Чавчавадзе.

Кроме материальной помощи, Елим Демидов активно участвовал в турнирах как почетный вице-председатель организационного комитета. «Конгресс» открыли 1 февраля 1909 года, он продолжался месяц. После окончания всех шахматных партий, 28 февраля, состоялся торжественный банкет; нарядно убраные столы были украшены вазой, «всемилоливо пожалованной Государем Императором». На банкете председательствовал и провозгласил первый тост «За здоровье Их Императорских Величеств» Е.П. Демидов. Призы победителям турниров вручал также Елим Павлович (в турнире маэстро первое место разделили Э. Ласкер и А.К. Рубинштейн; в турнире любителей 1-й приз Демидов вручил юному Алехину, будущему чемпиону мира). На следующий день был заключительный сеанс одновременной игры из 25 партий, проведенный Э. Ласкером, а 2-го марта почетный вице-председатель Е.П. Демидов чествовал участников турниров роскошным завтраком.

В библиотеках (в частности, в прекрасной краеведческой библиотеке Нижнего Тагила) о заводчиках Демидовых, в том числе о Елиме Демидове, хранится немало интересных книг и периодики. Любопытное сообщение находим в «Екатеринбургских епархиальных ведомостях» за 1891 год – об открытии Елимом Павловичем Демидовым в Нижне-Тагильске (одно из старых названий Нижнего Тагила) с целью оказания помощи голодающим дешевой столовой на 400 человек. То есть Елим Павлович продолжил традиции своего отца Павла Павловича Демидова, активно занимавшегося благотворительностью в России и за рубежом (Павел Павлович долгое время жил в Италии, его избрали даже почетным гражданином города Флоренции).

В литературе о Демидовых высказываются подчас спорные мнения (и это, наверное, хорошо, ибо, как известно, истина рождается в спорах). Например, встречается утверждение, что унаследованный Деми-

Участники турнира маэстро и члены Организационного комитета. Во втором ряду шестой слева – Е.П. Демидов

довым княжеский титул за ним в России не был признан. На мой взгляд, это опровергается хотя бы уже тем, что в официальных документах упомянутых выше Петербургских турниров 1909 года (в том числе в «списке жертвователей», рядом с именем российского императора), Елим Павлович именуется князем Сан-Донатом.

У Елима Павловича Демидова была непростая судьба. На следующий после своего рождения (25 июля 1868 года) день он потерял свою мать, красавицу Марию Элимовну (Елимовну) Мещерскую, бывшую фрейлину высочайшего двора. Спустя 17 лет во Флоренции скончался отец, Павел Павлович; прах П.П. Демидова перевезли в Нижний Тагил и похоронили в семейном склепе, в подвалах красивейшей Выйско-Николаевской церкви. Получивший в наследство крупнейшие заводы и рудники Елим Демидов, оставаясь их владельцем, выбрал для себя иное поприще – дипломатическую карьеру, жил в основном за границей, доверив заводское хозяйство управляющему.

Изредка навещая свои далекие от центра Европы владения, Елим Павлович в свободное время непременно выезжал за город, любил пикники на вершинах Уральских гор. Оттуда открывался замечательный вид на окрестности, там легко дышалось, там можно было поиграть на свежем воздухе и в любимые шахматы – зная увлечение своего хозяина, земляки вытесали для него на одной из скал шахматную доску.

Елим Павлович умер за границей, но не был в буквальном смысле этого слова эмигрантом: ко времени революции 1917 года он служил российским посланником в Греции, где и остался. Его похоронили в 1943 году в Афинах.

На пикнике. Слева – Елим Демидов. Снимок из архива И.Т. Коверды

Юнга с Соловецких островов

В Белом море при входе в Онежскую губу расположена группа островов, которые местные жители называют Соловками. Знамениты острова не только природным музеем-заповедником со старинными скитами, соборами и монастырями, но и первым советским концентрационным лагерем (СЛОН) – прообразом гитлеровских лагерей смерти, куда по иронии судьбы помещали и священнослужителей. А в годы Великой Отечественной войны здесь находилась школа, где обучались юнги, проходили суровую выучку и становились настоящими моряками.

Сам я тоже в некоторой степени причастен к флоту. В свое время пришлось работать матросом-электриком на сухогрузах, которые ходили на Японские острова. Мой дед был офицером флота его императорского величества и участвовал в известном Цусимском сражении, папа был рулевым на морском охотнике и прошел всю войну в составе морской пехоты. Двоюродный брат служил в Порт-Артуре, сестра – на базе КАФ радисткой в Хабаровске. Поэтому мне близка тема флота.

Хочу познакомить читателей с человеком интересной судьбы, кировградцем, который был юнгой на Соловках вместе с Валентином Пикулем – известным писателем занимательных книг, и с народным артистом Борисом Штоколовым. Такое не забывается.

В военное суровое для страны время сирот-подростков брали к себе в экипажи военные моряки, чтобы хоть как-то согреть их теплотой коллектива, одеть и накормить. Попадали на флот и ребята, бежавшие из дома, обуреваемые морской романтикой и желанием бить фашистов. Вот и было тогда принято решение создать школу юнг на Соловках, научить ребят морскому делу. Однако в большей степени такое решение было вызвано желанием сохранить их жизни, поскольку все ждали быстрого окончания войны.

В уральской глубинке тоже хватало ребят, бредящих морем и желанием воевать. Да и жилось в тылу

пацанам не сладко, голодно, холодно. Поэтому Свердловская область тоже решила послать в школу юнг своих подростков. Разумеется, комсомольские путевки давали не всем желающим, но и Мише Чеботареву повезло: мечта пятнадцатилетнего пацана стал реальностью.

...Разместили ребят в монастырских постройках Соловков, накормили, одели в настоящую морскую форму и распределили по экипажам – так называются на флоте подразделения. Миша попал в класс механиков торпедных катеров. Шел 1943 год.

Когда привезли на Соловки, Миша познакомился в экипаже с Борей Штоколовым, будущим народным артистом СССР, а пока, как и он сам, носившим форменку юнги. На Саввати, в соседнем классе, учился и еще один пацан, который впоследствии снискал себе мировую известность – Валентин Саввич Пикуль. С ним Мише не пришлось часто общаться, о чем до сих пор жалеет.

Науки постигали легко – преподаватели были высококлассными специалистами из числа опытных моряков, да и на фронт хотелось поскорее. Не только морскому делу учились ребята в школе, набирались и сил. На этот раз Соловецкие острова давали пользу Родине, а не гноили узников в казематах НКВД.

Учебный курс закончили через 1 год и 10 дней. В 1944 году ребят стали распределять по флотам. Всех отличников учебы направили на Черное море, попал в их число и Михаил – повзрослевший, возмужавший.

Когда привезли в Севастополь, определив в полуэкипаж, город еще дымился руинами. Немцев оттуда выбили, а вот работы морякам хватало, море было буквально засыпано фашистскими минами.

Из города Поти пришла эскадра и встала в Карантинной бухте, вот на нее и попал Михаил уже на постоянную службу. Взяли его на торпедный катер, которым командовал Герой Советского Союза Черцов. Надо сказать, что катера Г-5, имевшие большую скорость, были весьма опасны не только

Анатолий Козырев, журналист, автор двух сборников стихов. В журнале «Уральский следопыт» печатается с 2005 года. Живет в Кировграде.

Вид на Соловки с гавани

для противника, но и для экипажа, поскольку на них стояли авиационные двигатели с бензиновым топливом. Но для проведения работ по разминированию им не было равных. Скорость позволяла вовремя уйти от разрывов.

Корабли подрывались часто, пока близлежащие воды не были очищены от мин – затаившейся фашистской смерти. Весь флот снял бескозырки и фуражки, когда под воду ушел крейсер «Москва». Работы у моряков было много. Не жалея своих жизней, они спасали товарищей. Это было время великого морского братства.

Война закончилась, и началась демобилизация, но Миша, которого уже в то время называли Михаилом Александровичем, попросил оставить его послужить еще – прирос бывший юнга душой к морю. Просьбу удовлетворили, стал старшина Чеботарев сам командовать торпедным катером, служил при штабе Черноморского флота. Только через семь лет он снял морскую форму, а вот тельняшку – душу моряка – носил еще очень долго.

Вернувшись в родной Кировград, стал работать на заводе твердых сплавов в химико-металлургическом цехе. Обзавелся семьей, закончил техникум, и трудовые будни для него стали такими же привычными, как и флотская служба.

Вышел на пенсию, увлекся рыбалкой. Частенько его можно было видеть на прудах Верхнего Тагила с удочкой. Приезжает домой румяный от морозца, чуть усталый, но всегда с уловом, пусть и не очень богатым. А вот Соловецкие острова не забывают-

ся, ведь это было время его романтической, хотя и трудной, юности. В памяти навсегда остались вечно молодые ребята, крепостные стены с башнями, Успенский и Преображенский соборы, строй молодых парнишек в черных форменках и, конечно, песня:

*Мы юнги флота, крепки как бронь.
За честь народа пойдем в огонь...*

Не хочется проводить аналогию между поколениями, но она напрашивается сама. В чем причина, почему пацаны военного поколения в свои 13 – 15 лет считали для себя большим праздником одеть военную форму, а для сегодняшних 18-летних парней служба в Вооруженных Силах в тягость? Не понимает этого и Михаил Александрович, не понимают и его сверстники.

Фотографий того времени у юнга Чеботарева нет, поскольку в экипаже, да и во всей школе не было фотоаппарата, а хотя бы и был, где тогда можно было достать фотопринадлежности? Осталась только одна память.

Нет уже в живых Валентина Саввича Пикуля, ничего не слышно о Борисе Штоколове, мало осталось ребят того времени. Однако когда Михаил Александрович посмотрел киноленту «Юнга Северного флота», снятую по книге Пикуля, то ему вспомнилась юность.

Кто живет на речке Сале

Коварный лед

Сковал мороз Салю. Бежит она под ледяным панцирем, журчит помаленьку. Подхожу к речке, выбираю место и осторожно перехожу на другой берег. Обманчив ледяной мост на течении: то родники, то быстрина истончила лед, а то в сугробе у берега вода и вообще едва замерзла. Того и гляди, провалишься.

А вот лось глодал ветки кустарников, растущих по берегам. Десяток раз перешел он речку туда и обратно, в одном месте даже прыгнул на лед с крутого берега, но нигде не провалился, хотя нам с ним в весе не равняться. То ли по журчанию воды определяет зверь толщину льда, то ли еще по чему. Только точно знает, где можно переходить. Мне, человеку, это не дано.

Бобровые галереи

Шел я зимой по берегу Сали и провалился в какой-то ров по грудь. Когда выбрался, заметил, что валенки вывожены в грязи и иле. Заглянул осторожно в пролом, увидел подледную галерею высотой в метр, ведущую от реки в старицу. Теплом и сыростью веяло из-под льда. Это бобровая галерея, по которой они ходят зимой.

Много стариц на Сале, и почти каждая соединяется с рекой. Во многие бобры прорыли каналы, по которым заплывают подальше от реки, туда, где есть осины, ивы и березы – корм этих зверей.

Часто осенью уровень воды в реке бывает высоким, затопляются берега и значительные пространства болот. А потом мороз скует воду, она спадет, и подо льдом образуются пространства.

Удобно бобрам. Выбравшись из норы, плавают они подо льдом, а забираются по галереям в старицы. И тепло зверям, и от врагов защищены, и прямо подо льдом на берегах стариц можно погрызть какие-то ветки. Тоже прибавок к зимним запасам.

По зову природы

Трудно поверить, но рыба, идя на нерест вверх по реке, неимоверным рывком преодолевает пороги и небольшие водопады. Нечто подобное можно увидеть и на наших реках у мельниц.

Долго еще после половодья вода стремительно стекает из прудов, падая на стлань и бурля в желобах между бревен. Когда на стлани вода становится мелкой и выступают бока некоторых бревнышек, то можно увидеть, как из подмельничного омута запрыгивают на стлань рыбки, особенно окуни и щурята, и стремительно плывут вперед, рассекая воду так, что клином расходятся волны и от спинного плавника брызги летят вверх. Не поборовших стихию, уставших вода сносит обратно в омут. Впрочем, некоторые застревают в желобке между бревен и погибают. Однажды мальчишки при мне за полчаса поймали руками до двух десятков застрявших рыбок. Были и щурята по 200 – 300 граммов.

В детстве во время запруживания воды на мельнице в Русской Лозе мы нашли на стлани застрявшую метровую щуку. Видимо, и ей в водополе не хватило силы преодолеть падающую воду и перескочить вешники.

В оттепель не спится

В декабре енотовидная собака спит, забравшись в старые барсучьи или собственные норы. Это так должно быть. Но находят ее под выворотнями деревьев и пнями. А раз при мне привезли колхозники в мешке двух живых зверьков в заготконтору, найдя их в стоге сена, за которым приехали на санях.

Енотовидная собака спит плохо. В оттепели бродит в поисках пищи, оставляя ломаную линию маленьких следов. Однажды в январе попала в капкан, поставленный на лису с приманкой из тухлой рыбы. Учув запах, шла ночью напрямик по полю два километра от ближайшего леса.

Так они и коротают зиму: в морозы спят, в оттепели бродят.

Нужны шишки

Белки зимой кормятся семенами из шишек хвойных деревьев и запасами. Когда в лесу неурожай, то они бедствуют и едят почки и хвою. Много хвои и кончиков веток

бывает под кормовыми деревьями. Охотники, увидев это, говорят: «Белка хвою стрижет, голодно ей». Когда урожай шишек хороший и тепло, белки часто бегают по лесу, а отдыхают ночью в гайне – домике из веток и мха. Тепло в нем в любые холода. А ударят лютые морозы, не каждый день станут зверьки выходить из домиков. Так и дожидаются теплых дней.

Прощальные хороводы

Кто не знает канюка-сарыча. Высоко парит он в жаркий день в голубом небе. И несется к земле его тоскливая песнь: «Пить, пить, пить». Отсюда и происходит слово «канючить».

Сарычи не собираются в стаи. Однако несколько лет назад я вел урок с ребятами на улице. Мы услышали крики канюков. Высоко в небе десятки птиц образовали друг за другом три кольца. Эти хороводы двигались по часовой стрелке и в то же время медленно уплывали на юго-запад. Много минут мы любовались этим необычным зрелищем.

Тяга

Солнце скрылось за лесом, и стала надвигаться темнота с прохладой и тишиной. Только легкий ветерок колышет ветви осин, березок и лапки редких елей. Грустно, напряженно идешь по лесной дороге. И вдруг «цик», еще раз «цик» – слышен голос птицы. И вот она, увеличенная сумерками, летит над головой. Ясно слышно хорканье. Это лесной кулик вальдшнеп.

У вальдшнепов весной своеобразный ток, который называется

тягой. С наступлением сумерек вылетают красивые птицы и тянут над лесом в поисках самки. Если бросить вверх фуражку, когда недалеко пролетает вальдшнеп, он подлетит поближе. А дело вот в чем. Когда сидящая на земле самка услышит призывный голос самца, то она взлетает и часто тут же садится. Пролетающий кавалер бросается к ней. Севших на землю вальдшнепов различить трудно.

Неудачная охота

Медленно идет рысь по лесной поляне. Вдруг – рывок и большие скачки. Это она за глухарем, взлетевшим из снежной квартиры. Метров тридцать преследовала лесная кошка глухаря, но он успел подняться над снежной белизной. Прыгнув в последний раз, выбила из хвоста птицы несколько перьев. Посмотрела вслед, потопталась и отправилась дальше.

И снова бросок – за зайцем. Прыжки огромны. Через сотню метров остановилась. Спасся косой. Неудачная охота. Рысь, как мы говорим, молниеносна в броске, а гнать долго не может. Если в решительном броске не схватила жертву, то не преследует.

Все это я прочитал по следам.

Заячья хитрость

Лесная заснеженная дорога вывела меня на обширную поляну. Когда-то здесь стояла буровая нефтегазоразведчиков. Территория была основательно расчищена, а сейчас все заросло травой, пучки которой и разные будылья торчали

из-под неглубокого снега. Поляну пересекало несколько заячьих троп.

Центр поляны оказался сплошь утопан зайцами. Они здесь жиро-

вали, выкапывая и скусывая торчащую траву. В центре ровной, избежной вдоль и поперек площадки оказалось несколько нор. В мелком снегу, правда уже слежавшемся, сделать норы было трудно, поэтому зайцы сначала вырывали ямку, а уж из нее вели ход до метра длиной. Норы были тесные, заяц только ползком и мог в них забраться, своды местами обвалились.

Как я понял, это были своеобразные убежища зверьков. Лисы здесь не водятся, а рыси обходят открытое пространство стороной. Опасность косому грозит от пернатых хищников, например, большой совы или филина. Мелькнет тень на опушке, до спасительных кустов не добежать, юркнул зайцы в снежные норки и исчезнут. Кругом ночное белое безмолвие.

Выдрины игры

Выдре и зимой живет плохо. Крепкий мех с удивительно густой подпушью никогда не намокает в воде и отлично сохраняет тепло. Да и с кормом нет проблемы. Это нам, рыбакам, мало рыбы в водоемах, а речная хозяйка всегда изловит себе к столу солидную щучку, окуня, сорогу или другую рыбу. Ловит же она их превосходно. А сытая, любит и поиграть, порезвиться.

Хорошо наблюдать ее повадки на свежем, гладко припорошенном снегом льду. Вот она несется скачками, троит-четверит след (на прыжках видны три или четыре следа от лап) и вдруг падает на брюхо и катится по льду иногда метра три и больше. Затем снова несколько прыжков, и снова скольжение. Идешь за поворот, за другой, а след, словно точки и тире, не кончается.

А еще она любит кататься с обрывистого берега реки. Скатится на лед, забежит вверх и снова вниз. До земли изотрет тонкий снег, так что он покроется серой пылью.

Мало стало здесь выдр. Говорят, не уживаются они с бобром. Так что надо их беречь.

Вечера в Госьково

Госьково – это деревня в Алапаевском районе Свердловской области. На Среднем Урале. Судя по окончанию слова, Госьково – село. К тому же селами в старой России называли населенные пункты, имеющие церкви. В Госьково церковь была – кирпичная, постройки 1912 года, и сегодня останки её стен видны.

А сама деревня – старая, ей лет 300. Я сам видел на карте Верхотурского уезда еще XVII века ее название.

Там родилась наша мама, Анна Ивановна, девичья фамилия – Логинова. И все мы трое, ее дети, а теперь уже и наши дети, и даже внуки, живущие в небольшом шахтёрском городке Артёмовском, считаем деревню родной. И отец наш, Алексей Романович, тоже крестьянского корня, в родном селе Мостовском бывал очень редко, а в Госьково – часто и охотно. Их просто невозможно было не полюбить, эти места: реку Реж со скалистыми берегами и таинственными пещерами в них, чистые, светлые сосновые боры, глубокие лога, заросшие травами и кустарником, с хрустальной водой ручьев на дне (в них до сих пор любители-старатели моют золотой песок), просторные поля с березовыми колками... В деревне сохранились еще уральская окающая речь, диалектные слова, самобытные сказки и былички.

В середине 80-х годов прошлого уже века родители купили в Госьково домик – старый, рубленый лет сто назад. Вот отсюда-то мы и стали наезжать летом всем большим семейством, как говорится, с чадами и домочадцами. В деревне, особенно для городских жителей, всегда много необычного и интересного. И вот, собравшись вечером, все мы делились увиденным и сделанным, а потом, ближе к ночи, устраивались поудобнее на своих постелях, и дети просили взрослых рассказать что-нибудь из прежней жизни, «страшное». Раньше и мы просили. И начинались рассказы. О необычном, таинственном, всякой «нечести». Порой приходили соседи, знакомые, иногда кое-кто приезжал вместе с нами, и все вступали в разговор со своими сказками и байками. Доходило, случалось, до того, что после услышанного даже ноги с кровати страшно было спустить. Зависело это, конечно, от мастерства рассказчика.

Впрочем, вот некоторые из этих историй, баек, быличек – назовите как хотите. Мы с сестрой записали их по памяти, стараясь сохранить своеобразие речи рассказчиков.

Рассказывала Аксинья Ивановна:

– Как-то я с поля поздно домой пришла. Дело ещё в девках было. Отец баню топил. Все уж вымылись, ну и я тоже думаю: пойду пыль смою. Отец стал отговаривать: «Скоро уж полночь, не ходи, девка, одна в баню». А вымыться хотелось, я и пошла. Зажгла свечку и поставила на окошко. Хотела сначала попариться. Только взяла веник – под полком кто-то зашевелился... Я отбежала к дверям. А из-под полка высунулась сначала рука, а потом голова. И стал вылазить из-под полка-то кто-то черёмной да кудрявой! Я закричала, бросила в его веником да за дверь в чём мать родила! Забежала домой ни жива, ни мертва. Отдышалась, рассказала всё родителям. Отец с братом пошли в баню. Никого не увидели. Только веник, который я бросила, – без единого листочка, и веточки все измочалены, по всему полу разбросаны...

Дед Роман:

– Покос. Гребли сено. У соседей маленькёй робёнок, а оставить не с кем – брали с собой. Сплели из

тальника коробок, положат туда, да и поставят под куст – он и спит.

Один раз так жо спал, а в лесу-то сучья как затрещат – ровно кто-то большой идёт. Робёнок-от заплакал: испугался. Мать услышала, побежала к кустам-то, а робёнка нет... Только слышно, как по лесу-то всё дальше, дальше... Кто унёс?

Поплакали-поплакали, ну да слезам горю не поможешь, надо как-то дольше жить.

Прошло так сколь-то лет. О робёнке забывать стали. Народилось у их ишшо пятеро.

Вот пришло время старшего-то уж женить. К свадьбе готовились. Мать-та пошла как-то управлять скотину и слышит: «Мама, мама, это я, Вася. Ты меня не бойся – я в яслях. Позови отца, возьмите меня отсюда да скорей окрестите». Она так и сделала. А когда крестили, дак полная купель шерсти с его набралась. Ну окрестили, принесли домой, стали расспрашивать. Он и сказал, что жил у лесного дядьки, в логове. Тот его везде за собой таскал. А как-то узнал он, в какой стороне родна-та деревня, и сбежал.

Корелин Анатолий Алексеевич родился в Артёмовском в 1949 году. По образованию – учитель русского языка и литературы, но более тридцати лет работает в разных газетах, сегодня – корреспондент городской газеты «Всё будет!». Увлечения – краеведение и туризм. Был соавтором книги о родном городе – «Шахтоград».

На другой день свадьбу справляли братову. Вася и предупредил родителей, что дядька может прийти. Поставили ему прибор, положили самые лучшие куски. В полночь и поднялась буря!.. Даже изба вся тряслась. Вдруг открылась дверь и зашёл неизвестно кто. Его не было видно, только лавка, где Он сидел, поскрипывает да куски один за другим из чашки пропадают. Отужинали так-ту, плясать начали. Под Им – только половицы прогибаются, да «ух», «ух» – ровно филин. Гости домой расходиться стали. Дядька тоже, видно, собрался: схватил Васю в охапку и потащил. Вася – кричать. Ладно, поп (его специально пригласили) окропил всё святой водой да ладаном кадил. Так до утра вьюга-то не стихала, весь дом дрожал, ставни хлопали. Но, видно, не мог Он прорваться в избу-то. Этим всё и кончилось.

Бабушка Тоня:

– Я поздно вечером пришла как-то с работы, а мама мне и говорит: «Поросёнок куда-то убежал, найти не можем». Ну я и пошла искать. Спускаюсь с угору-то к реке, к плотике, который напротив Мельничной дороги. А темненько уж было. У реки-то посветлей, от воды-то. Глянула из-под руки на реку и вижу: на плотике кто-то есть. Вижу – баба на коленках стоит, волосы распустила – длиннущие, так по воде и стелются. А она зачерпнёт ладошкой воды да по голове себя похлопывает. Да сама волосатая вся. Я сначала-то вроде не испугалась, кричу: «Поросёнок не видели?», а сама всё ближе подхожу. Опять кричу. А как совсем близко-то подошла, вижу – она из-под волос-то на меня смотрит. А глаза – красные, как угли. Глянула так-то и упала в воду, только круги пошли. Ох,

и испугалась я! Как побежала домой – не помню, как и добежала, и про поросёнка забыла.

Бабушка Тоня:

– В Раскатихе у меня подружка была. А у ей – сестра. Связалась с женатым, и до свадьбы дело дошло. Жена-то его сколь раз приходила – уговаривала, грозилась. А она всё равно не попускалась: любила шибко. Вот свадьбу справили. И после свадьбы молодая сразу заболела: не ест, не пьёт, исхудала вся. Мать баушек всяких приглашала, Придут, посмотрят, головой покачают, а лечить не берутся: не справимся мы. И уходят. Девка совсем худая стала – не встаёт уж, а болеть – ничё не болит. Один раз матери кто-то подсказал, куда идти. Пришла она к баушке. Та послушала, головой покачала, а лечить тоже отказалась.

А в это время бывшая-то жена увидела куда и давай перед им выхваляться: вот, мол, как я твою жену испохабила, не встанет она больше. Тот пошёл домой и матери всё рассказал. Та побежала к её матери и давай вместе её пытаться. Она и созналась. Оказалось, та бабка, что идти отказалась, и наворожила на её. Не на её, а на куклу: назвала куклу её именем, отпела в церкви и закопала под половицу в бане.

Как узнали матери, куклу-ту и отрыли. И стала девка поправляться. Совсем здоровая стала.

Бабушка Тоня:

– Баба одна у нас в деревне пошла вечером как-то на реку, бельё полоскать. Смотрит, а на плотике гребень лежит, красивой такой, камням изукрашенной. Она и возьми его.

Ночь настала. Спать легли. Слышит: «Баба! Отдай гребень!» Она испугалась, крестится. Так до утра и простучались.

На другую ночь – то же. Дак того тошнее: воют, кричат, изба даже трясётся вся: «Отдай, баба, гребень!».

На третью ночь опять буря поднялась – только дом затрясся весь. Баба не выдержала: взяла гребень, пошла... А кругом верешшат, улюлюкают, кричат, огоньки мелькают – как глаза светятся, а кто – не видно. Жуть! Но баба пошла на плотик, положила гребень, где был, и – сразу тихо стало. Никакой бури как не бывало.

Бабушка Татьяна Николаевна:

– У меня золовка была, Зоей звали. Не много пожила: захворала и умерла, годов восемнадцать всего и было. А как умерла – мне покою не стало. Сажу с бабам напротив дома на завалинке, гляжу на окна, а она из-за косяка выглядывает... Дома тоже – то за спиной стоит, то из-за дверей выглядывает. Покою нет.

Как-то ночью в Тагил ехать собрались – поезд только ночью ходил. Я скотину управлять пошла. Со свечкой. Дою корову. А в углу загородка была для овец. Посмотрела туда, а ягнёнок – уставился на меня и смотрит прямо в глаза. Не отрываться... И вдруг расти начал... Растёт, растёт, с телёнка уж вырос, а сам мне всё в глаза смотрит. И я от его взгляд отвести не могу. А сама чувствую, что кто-то в углу шевелится. Гляжу, а там Зоя стоит и пальцем грозит... Как соскочила я да побежала из конюшни! За порог запнулась, дак и подойник пролила – так и выскочила на улицу. Кричу мужика своёва: «Егор! Егор!» Прибежал он, еле меня успокоил. А самим уж ехать надо. Егор и повёз меня на Незевай. Сажу я и голову в сторону повернуть боюсь, как окостенела вся. Только глаза скошу в сторону, а Зоя и стоит у саней на запятках, да на меня смотрит. Только платье по ветру развеивается... Не помню, как и доехали до станции.

Бабушка Тоня:

– Отец мой, Ефим Николаевич, много «знал»: в травах разбирался, заговоры разные знал, коновалом был – лошадей лечил. В деревне его побаивались. Он охотник был заядлой да рыбак, дак всю жизнь в лесу да на реке. Заездки через всю реку были настроены, а никто у его никогда ни единой рыбки не вытащил, ни одной зверюшки из капкана не украл.

На свадьбы его дружкой приглашали. Вот как-то раз один сосед не пригласил его на свадьбу – сына женили. Зимой дело было. День стоял морозной, а ветра не было. Молодые после венчания по деревне покатались, к дому подъехали. Только к воротам подъезжать – тут ветер поднялся, свету белого не видно. Настоящая буря. Снег так и метёт, так и бросат в лицо. Кони еле до дому добрались, а в ворота не входят: на дыбы стают, рвутся, храпят. Чуть молодых из

кошевы не вывалили. Отец парня додумался, в чём дело, и к Ефиму. В ноги пал: «Прости Христа ради!» Тот сначала и слушать не хотел. Потом согласился. Вышел из ворот, поклонился на восток с наговором. И сразу тихо стало, бури как не бывало. И кони успокоились, в ограду зашли. Соседи с поклоном пришли: «Не побрезгуй, Ефим Николаевич, нашим застольем. Спасибо, что не пообидился». Уговорили их с мамой на свадьбу пойти, да ишшо и на почётное место посадили.

Мама рассказывала:

– Небольшая я еще была. Бегала как-то по улице, и вихорёк на меня набежал. И сразу живот заболел, прямо приступ начался. Лежу корчусь – боль страшная, ровно камни в животе ворочаются. Баба подошла посмотреть, загнула рубаху, а у меня посредине живота полоса багровая. Широкая такая. Баба говорит: «Это тебе, девка, кто-то «хомут» сделал». Побежала к соседке – та много «знала». Она пришла, посмотрела и говорит: «Это точно Матрёна сделала. Пойду к ей». Она, эта бабка, за рекой жила. Привела её. Та посмотрела, пошептала – и всё прошло. Как не бывало. Так долго потом извинялась. Говорила, что не специально мне послала, просто – по ветру пустила, он ко мне и прицепился.

Бабушка Тоня рассказывала:

– Мужик один был в Раскатихе. Пришёл из армии и книжку с собой большую, старинную привёз. А жена неграмотная была, всё у его спрашивала, что за книжка. Так ничего и не могла добиться от его. А мужик, как вечер – за книжку, и сидит чуть не до утра. Баба замечать стала – неладно чё-то с мужиком. Как-то вечером подошла к ему (он опять книжку читал) и говорит: «Неладно ты, отец, делаешь. Давай к попу схожу, поговорю с им?». А он как взглянет на её, как закричит: «Посмотри в окошко-то! То же и с тобой будет, если скажешь». Та выглянула – и обомлела: за окошком она сама стоит, голая и вся в крови...

Бабушка Тоня рассказывала:

– В Раскатихе была у меня подружка. А у её – сестра. Мать стала за ей замечать: чё-то неладно с девкой – всё чё-то читает, читает, в тетрадку записывает. Вот и сидит целы вечера. Мать её ругать стала, а она ничё, не огрызается. Как-то мать подошла к ей и давай опять ругать. А она взяла свечку, книжки свои и ушла в баню. И сидит до утра. А потом пропала. Хватилась утром её мать, а её нету... Так больше и не появилась. А в бане с тех пор свечка стала гореть: в полночь загорится огонёк и до утра горит. А у свечки – тени какие-то мелькают, кто – не разберёшь. Потом разобрали эту баню на дрова.

Мама рассказывала:

– В нашей деревне, на нижней улице, семья жила. Хорошо жили, по тем временам богатые считались. И, говорят, кварцевое золото добывали. Вот они по

старой привычке этим и занимались. В Сарайном логу в ручье мыли.

Вот и стали люди замечать, что ночами к ним в трубу змей огненный летает. Летит по небу – точно как змея, только огненная вся, и к ним в трубу – только искры из трубы посыплются. Люди и болтали, что нечисто у них, будто змей этот им золото-то и носит.

Отец рассказывал:

– Недалеко от нас семья одна жила. Хорошо жили, богатенько. Как-то мужик приехал с базара и сразу в баню пошёл. А бумажник забыл вытащить из кармана. Сходил, вымылся, спохватился: бумажника нет! Куда девался? Кинулись искать. Пропал, как не бывало. Баба-хозяйка и говорит: «Надо съездить к тётке Прасковье – поворожить. Пускай в колечко посмотрит. Она это хорошо умеет – сразу скажет, кто взял». Поехал мужик (а ехать надо было в другую деревню), взял внучонка с собой. А дело зимой было. Замёрзли дорогой. Приехали – дед внука сразу на печь посадил, греться. Сами сели чай пить, за чаем и поговорили. А про парня все и забыли. Потом старуха и говорит: «Ты выйди, а я поворожу». Мужик вышел из избы. А мальчишко наблюдает с печи, любопытно ему. Видит, старуха открыла подполье, а оттуда вылезает огромная красная собака. Старуха у ней и спрашивает: «Кто кошелёк у мужика взял?». Собака отвечает: «Съела его корова, когда мужик в бане мылся. Только ты скажи ему, что сноха взяла. Изведут они её за деньги-то – она и будет моя. Заберу её к себе». И спустилась обратно в подполье. Старуха так мужику и сказала, как собака велела.

Поехали они домой, а внук-то ему всё и выложил, как дело было. Приехали – закололи корову и нашли бумажник этот.

Отец рассказывал:

– Спустился мужик впервые в шахту, боится. Роба на нём новая, каска с фонарём, а всё равно страшно – темень. Вот идёт он по штреку, слышит – кто-то ему сзади: «Шастов! Шастов!». Он остановился: «Чё, кто звал?». Молчат. Снова пошёл. Опять: «Шастов! Шастов! Шастов!». Мужик опять остановился: «Кто это?». Молчат. Идёт и оглянуться уже боится. А ему всё: «Шастов! Шастов!». Мужик аж вспотел весь. Подошёл, там бригада работала, рассказывает, а они не верят. Обиделся, пошёл, и вдруг: «Шастов! Шастов!...» Он: «Ну что, слышали?». Они как захохочут. Оказывается, это у него штанина о штанину задевает и шелестит. Мало ли что с перепугу ни покажется.

Мама рассказывала:

– Это мужик как-то на вокзале Егоршино рассказывал.

Шёл, говорит, как-то через кладбище ночью. А на дороге днём-то кто-то могилу выкопал, вот он и не заметил, да и провалился. Лежит и слышит – кто-то там ещё, в могиле-то... Спички были – зажёл, осветил: а там козёл, ещё раньше его провалился, товарищ по

несчастью. В другой раз посмеялся бы, говорит, а тут не до смеха: могила глубокая, да ещё и ногу подвернул – никак самому не выбраться. Сижу, говорит, думаю, что делать, или до утра ждать?

Слышит – по дорожке кто-то идёт, разговаривают. Он давай кричать. Подошли. Оказалось, два солдата. Кладбище-то оцепили – дело в войну было, – кого-то искали. Ну, они давай его вытаскивать. Связали два ремня, спустили ему. А мужик решил подшутить над ними: сделал петлю, накинуд козлу на рога, кричит: «Тащите!» Те стали вытаскивать. Один рукой-то перехватился да козла за рога-то вытащили. А солдат-то, говорили, даже заболел с испугу.

Бабушка Тоня:

– Как-то отца нашего – он ишло парнишкой был – лешей-от три дня по лесу таскал. Ему годов десять было. Родители послали его в лес лошадь привести. Он взял недоуздок да пошёл. Не первой раз ходил. Ушёл – и потерялся: вечером не пришёл. Его давай искать. Полдеревни подняли. Весь лес не один раз прошли – нету.

Только через трое суток нашли – у самой деревни. Стоит он у дерева, уздечка на плече, одежда – одне ремки, а глаза – как у самашечего. Стали его расспрашивать, как да что. Он и давай рассказывать: «Подошёл ко мне мужик мохнатой. Голова – вровень с соснам, глаза – как уголья горят. Взял меня за руку, крестик с шеи сорвал и повёл с собой. Всё время так меня по лесу и водил, всё по чашшобам, я уж свету белого не взвидел, день с ночью перепутал. А сёдни ушёл куда-то и оставил меня здесь – ждать его».

Ну, его домой привели, святой водой отпоили. Крестик надели. Он долго болел после этого, еле отводились.

Много лет уже не пополнялась «копилка» этих историй. Может быть, они – услышанные от кого-то и рассказанные другим людям – примета времени? Из бытовой речи почти исчез этот жанр – устный рассказ. Теперь большинства рассказчиков уже нет в живых, а истории эти хранятся в этих записях. Дай Бог, чтобы они и сегодня были кому-то интересны.

Прекрасное даровано Земле

«Минералы, коих основание составляет окись глициния, принадлежат к числу редких образований природы. По сие время известны только два таковых минерала: берилл с принадлежащим к нему изумрудом и эвклаз»

Так писал Д. Соколов – знаменитый профессор Петербургского горного института – в 1832 г. С тех далеких времен многое изменилось в минералогии и науках о Земле, но находки бериллиевых минералов – это увлекательная глава в истории уральской минералогии. До конца XVIII столетия ученые не знали, что в широко распространенном драгоценном берилле и ещё более ценимом и почитаемом прозрачном ярко-зеленом изумруде в большом количестве содержится неизвестный химический элемент.

26 плювиоза VI года революционного календаря (т.е. 14 февраля 1798 г.) на торжественном заседании Французской Академии наук Л. Н. Вокелен сделал доклад об открытии в берилле из Сибири нового химического элемента «глициния» (от греч. слова «сладкий»), поскольку некоторые соединения этого элемента Вокелену показались сладкими. Сейчас во всем мире применяют название – бериллий.

Бериллий (химический элемент № 4) – типично редкий элемент; на тонну земного вещества в среднем приходится лишь 4,2 г этого металла. Это, конечно, очень немного, но не так уж мало, если вспомнить, например, что такого обычного металла, как свинец, на Земле вдвое меньше.

Мир бериллиевых минералов удивителен и прекрасен, и сейчас, в начале XXI, века в земной коре их найдено более 80.

И по-прежнему берилл – самый известный из них, один из самых желаемых в любой коллекции в любом минералогическом или геологическом музее.

Берилл с точки зрения минералога-химика – кольцевой силикат бериллия и алюминия ($\text{Be}_3\text{Al}_2\text{Si}_6\text{O}_{18}$), но обычно его индивидуиды содержат незначительные примеси «хромофоров», которые превращают бесцветный берилл в красиво окрашенные разновидности: аквамарин, гелиодор, воробьевит, изумруд.

Их окраска (кроме изумруда) обусловлена маленькими примесями ионов двух- и трехвалентного железа, которые занимают в структуре минерала различные позиции, что и вызывает широкую гамму цветов и оттенков.

Чем отличаются эти камни от обычного берилла? Ведь формула их та же – $\text{Be}_3\text{Al}_2(\text{Si}_6\text{O}_{18})$. Но эта формула не учитывает примесей, которые, собственно, и превращают обыкновенный минерал в драгоценные камни: голубоватый аквамарин и золотисто-желтый гелиодор окрашены ионами железа, а в изумруде (нашем уральском), кроме трехвалентного хрома, имеется и незначительная примесь трехвалентного железа. Розовый цвет воробьевита объясняется примесью рубидия, цезия и марганца.

В природе берилл, как правило, встречается в виде кристаллов, и независимо от окраски все его разновидности имеют одинаковый облик. Обычно это – одиночные кристаллы, шестигранные призмы,

увенчанные головками различной сложности.

Берилл – один из немногих минералов, кристаллы которого достигают гигантских размеров (до нескольких тонн). В Уральском геологическом музее хранится кристалл массой несколько десятков килограмм, происходящий из знаменитого Малышевского месторождения (изумрудные копи).

В многотомном атласе кристаллов, составленном В. Гольдшмидтом (1853-1933), кристаллам берилла посвящено 160 чертежей, на 50-ти из них – уральские камни. Почти все они изучены Н.И. Кокшаровым.

На Урале берилл и его разновидности принадлежат к категории редких созданий природы. На Урале, как и в других частях света, берилл – самый доступный и самый известный из всех бериллиевых минералов. «Здесь, – как утверждает А.Е. Ферсман, – он известен с 1699 г., но достоверно установлен у деревни Алабашка в 1720 – 1730 гг.».

23 января 1831 г. произошло событие, оказавшее значительное влияние на развитие горнорудной промышленности Урала. Эта дата является официальной в открытии изумру-

дов на Урале. Первый изумруд России приобрел всемирную известность, и таковым уральский изумруд остается до наших дней.

Интересная деталь из истории: Мюнхен, 2006 г., Мюнхенский музей. «Рейх дер кристалле» (царство минералов) выставил на ежегодной ярмарке минералов знаменитую друзу уральского изумруда, принадлежавшую герцогу Максимилиану Лейхтенбергскому. Она представляет собой штупф, имеющий 40 см в поперечнике, буквально набитый крупными и мелкими густо-зелеными кристаллами изумруда с изумрудных копей с р. Токовой на Урале. Эта друза была добыта в самые первые годы разработки этого месторождения и является одним из лучших найденных там образцов, сохранившихся до наших дней.

«Не подлежит сомнению, что редкость, блеск и ценность камней послужили причиной того, что во все времена они считались самыми прекрасными и изысканными созданиями природы». Несомненно, к числу таких творений относятся многие бериллиевые минералы, но воплощение красоты природы – берилл.

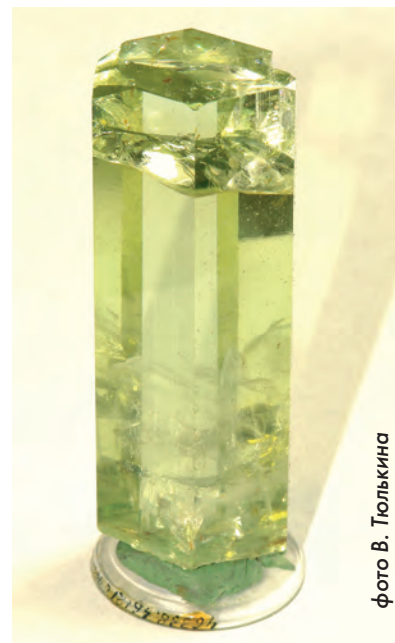

фото В. Тюлькина

В Уральском геологическом музее экспонируется прекрасное собрание семейства бериллов. Здесь и восхитительные аквамарины Адуя со следами растворения, и золотистые гелиодоры из жил Казённица и Голодная, что находятся вблизи знаменитого села Мурзинка, и гордость уральских драгоценных камней – изумруд.

По разнообразию окраски берилл не уступает ни одному из минеральных видов. Берилл – благородный минерал, известен около двух тысяч лет. В сводке минералогических знаний и опыта древних отме-

фото В. Тюлькина

фото В. Тюлькина

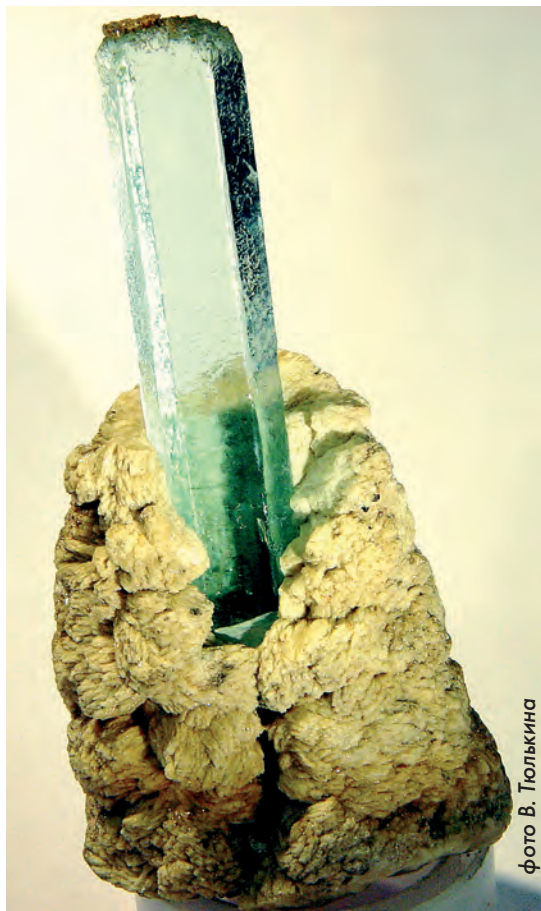

фото В. Тюлькина

чается: «...что это единственный драгоценный камень, который предпочитает обходиться без золота... наиболее ценятся камни, похожие по цвету на зеленое спокойное море».

«Цвет для мозга может быть таким же питательным, как витамины для организма. Цвет влияет на душу, он может возбудить в ней чувства, рождать мысли, которые и успокаивают и волнуют, тревожат или угнетают», – отмечают психологи.

Вот уже более 150 лет Уральские изумрудные копи пользуются мировой известностью и по сей день поставляют на рынок прекрасные камни. Изумруды Урала отличаются чистотой и прозрачностью, благодаря которым имеют прекрасный природный блеск.

С древнейших времен и до настоящего времени камень сопровождает человека. Одни из них, по образному выражению А. Е. Ферсмана, являются пассивными участниками че-

ловеческой жизни, другие пробуждают мысли и чувства.

В доколумбовой Америке существовал культ изумруда, ему приписывались обладание таинственной силой исцелять недуги и даровать счастье. И в наше время изумруду приписывают врачующие качества.

«Он снижает высокую температуру, помогает лечить воспаления, экзему и ряд женских заболеваний, болезни мочевого пузыря, способствует рассасыванию камней в почках, лечит ожоги и диабет, спасает от чумы, трудных родов ...» Достаточно или продолжать ещё?

Все сказанное выше о целебных и магических свойствах, приписываемых изу-

мруду различными магами и чародеями, хорошо знакомо. Ещё в XIX веке в Бразилии традиции предписывали врачам носить перстни с изумрудами, а также иметь перстень с самым красивым сочетанием алмазов и изумрудов.

В заключение отметим, что открытый в конце XVIII в. бериллий более ста лет оставался «безработным элементом». В 30-х годах XIX в. А. Е. Ферсман называл бериллий металлом будущего.

Ныне свойства бериллия чаще всего именуются «удивительными». Что может дать нам бериллий?... Пружины, способные выдерживать до 20 млрд циклов нагрузки, пружины, не знающие усталости, практически вечные; бериллиевые бронзы, у которых при старении прочность возрастает.

Бериллий и его сплавы все шире используются в космической, ракетной, авиационной и атомной промышленности. А важнейшим источником металла бериллия является рядовой, не драгоценный берилл!

фото В. Тюлькина

Михаил ФОНОТОВ,
фото Владимира САДЫРИНА

И жить торопится...

Как будто никто не заставляет прострел (сон-траву) рано, раньше других, зацвести и отцвести. Ни к чему такая торопливость. Другие-то травы не хотят рисковать. А он норовит из-под снега приподняться и сразу открыть сезон.

Впрочем, прострел легкомыслием не избалован. Скорее наоборот, он весьма практичен. Подготовку к весенней побудке начинает... с весны, с предыдущей. Все лето он запасает пищу на голодный апрельский день. Уже осенью он в прикорневой розетке закладывает бутоны. И сразу же, как истинный полярник, снаряжает их мягкой, пуховой, ворсистой одежкой. Каждый бутон обволакивает мешочком из тонких листьев-полосок. Покрывало, так его называют ботаники, как и сам бутон, он нежно опушивает. (Весной, когда цветок раскроется, а цветонос под ним вытянется, покрывало «отстанет», опустится вниз, и не каждый догадается, что оно всю зиму было колыбелью цветка.) Прострел знает: надо все подготовить с осени, весной будет недосуг. А когда «полярная экспедиция» снаряжена, остается пригнуться, припасть к земле, укрыться снежным одеялом, спать под ним всю долгую зиму, чтобы весной, с первым теплом оч-

нуться, приподнять бутоны и остороженько их раскрыть.

И некоторые птицы подобны прострелу: птенцов выводят рано, и эти пушистые комочки в студёные дни, покинутые родителями, озябло жмутся друг к другу в гнезде. Куст прострела ранней весной тоже похож на гнездо пушистых птенцов. Сходство еще больше усилится, когда желтые лепестки, будто раскрытые клювы, распахнутся, обнажив россыпь тычинок внутри. Что ж, наверное, пушистость — универсальное средство спасения от стужи, ею пользуются и растения, и птицы. Отсюда и сходство. Короче: прострел всю свою «геометрию» приспособил к выживанию в суровых условиях ранней весны. В этом его судьба, его планида, так ему на роду написано.

Когда цветы прострела сыграют свою роль, на «сцене» возникают его листья. Другие растения высоко тянут свой стебель, чтобы завершить его цветком, а у прострела, собственно, и стебля нет, свои цветы и листья он не поднимает, держит близко к земле.

Свои шесть лепестков прострел окрашивает то желтой краской, то лиловой. Где как.

III Специализированная выставка-ярмарка

3 - 4

апреля

Екатеринбург

Индустрия туризма Урала: лечение и отдых-2009

Организаторы:

355-51-95
www.uv2000.ru

Место проведения:

место проведения

ЦМТЕ
Куйбышева, 44

УРАЛЬСКИЙ Следопыт

uralstalker.ru

**ТРАВЕРС
ПО ЛЕДОВОЙ
СТЕНЕ**

**ТРУДАРМИЯ
ИВДЕЛЬЛАГА**

**ЛЕГЕНДЫ
ЦАРСКОГО МОСТА**

**БАШКИРСКИЙ
МАРШРУТ**

**март
2009**

8 февраля, несмотря на внезапные морозы: весь день держалась температура -25°C , уже с десяти часов началась прокладка трассы, появились первые палатки, первые участники и первые зрители. Пока организаторы (Максим Фирсов, Сергей Смолкин, альпинисты и работники Управления по физической культуре, спорту и туризму г. Екатеринбурга) воодушевленно готовили площадку к ледовому празднику, а врачи скорой помощи давали рекомендации по избежанию обморожения, заранее пришедшие ледолазы профессионально проверяли уже наметившиеся трассы. Маленькие будущие альпинисты и скалолазы наперебой задавали вопросы ин-

структорам, примеряли снаряжение и с нетерпением ждали начала восхождения, а зрители восхищенно любовались созданием шедевров граффити вдоль трассы «Гонки преследования».

К двум часам закончилась регистрация 39 смельчаков, приехавших со всего Урало-Сибирского региона. Около регистрационной комиссии собралось порядка 100 человек – друзья и родственники участников, скалолазы и альпинисты и все, кто просто живет на кошках. Было шумно и весело, ребята, давно не видевшие друг друга, крепко

Фото: Д. Хлопунов

Фото: В. Осипов

Екатеринбург – альпинистская столица России

ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ 2009

Покорение главной ледовой вершины города

Автор: Е. ПАХОМОВА